

თბილისის უნივერსიტეტის ჟურნალი
ტ. 202

ISSN 0876—2687

ენათმეცნიერება

თბილისი 1979

საქართველოს
ლინგვისტიკა

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
ИЗДАТЕЛЬСТВО ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
TBILISI UNIVERSITY PRESS

ТРУДЫ ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
PROCEEDINGS OF TBILISI UNIVERSITY

Т. 202 V.

Я З Ы К О З Н А Н И Е
L I N G U I S T I C S

ТБИЛИСИ 1979 TBILISI

ენათმეცნიერება

თბილისი 1979

სარედაქციო კოლეგია

მ.იანქოშვილი, ნ.კადეიშვილი, თ.მრევლიშვილი, გ.რამიშვილი,
გ.როგავა, მ.ჭუსკია, (მდივანი), ვ.ფურცელაძე, ნ.ქაღვიძირი,
ნ.ქავთარაძე (რედაქტორი), თ.შარაძენიძე.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И.КАВТАРАДЗЕ /редактор/, Н.Г.КАДЕИШВИЛИ, Н.П.КОЛЕСНИКОВ,
Т.Н.МРЕВЛИШВИЛИ, В.В.ПУРЦЕЛАДЗЕ, Г.В.РАМИШВИЛИ, Г.В.РОГАВА,
М.М.ТУСКИА /секретарь/, Т.В.ШАРАДЗЕНИДЗЕ, М.В.ЯНКОШВИЛИ.

EDITORIAL BOARD

M.Iankoshvili, N.Kadeishvili, I.Kavtaradze(editor), N.Kolesnikov, T.Mrev-
lishvili, V.Purtseladze, G.Ramishvili, G.Rogava, M. Sharadzenidze, M.Tus-
kia (secretary).

თბილისის შრომის ნიშნის ქვეყნის მრეწველსა და სავაჭრო უნივერსიტეტის შრომები

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

СЛОВА С КОНСТРУКТИВНО ОБУСЛОВЛЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
В УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ^I

Н. А. Басилая

Во многих существующих учебниках русского языка для иностранцев первого года обучения лексический материал в адаптированных текстах, упражнениях, диалогах совершенно обоснованно сводится к необходимому минимуму лексических единиц, обеспечивающему потребности коммуникации в наиболее типичных жизненных ситуациях общения.

При минимизации лексики выбор составителей учебников такого типа в основном падает на однозначные слова; многозначные слова включаются в них лишь в основных или необходимых для освещения нужной тематики значениях.

В учебниках русского языка для иностранцев последующих лет обучения лексический материал располагается по принципу "расширяющегося минимума", когда пополнение словарного запаса обучаемого идет концентрическими кругами, от этапа к этапу, при постоянном привлечении усвоенной ранее лексики.

Во многих учебниках, построенных по такому принципу, одновременно с новыми лексическими единицами вводятся и неизвестные обучаемым значения или лексико-семантические варианты /ЛСВ/ уже знакомых слов.

I. Доклад на эту тему прочитан на межвузовской научно-методической конференции "Лингвистические и методические основы преподавания русского языка иностранным гражданам" ([1]).

Так, например, в одном из учебников русского языка для иностранцев ([2]) постепенно вводятся разные ЛСВ слов: болеть /болеть гриппом, болеть за команду/, бояться /бояться трудностей, бояться опоздать/, готовить /готовить учеников к экзамену, готовить праздничный вечер, готовить обед/, делать /делать ошибки, делать упражнение, делать мысль ясной, делать попытку/ и др.

В этом и многих других учебниках расширение словарного запаса иностранцев достигается путем увеличения синонимических и антонимических рядов /приезд, прибытие; древний, старый, старинный; большой, крупный; мёртвый ≠ живой; раздеться ≠ одеться; твердый ≠ мягкий и др. ([3])/, расширения рядов эквивалентов к словам родного языка /см., например, эквиваленты к французскому слову venir - приходиться, прийти; приехать; идти ([4])/, добавления производных и сложных слов к гнездам однокоренной лексики /менять: заменить-заменять, изменить-изменять, наменять, обменять-обменивать, обменяться-обмениваться, отменить-отменять, переменить, променять, подменить-подменять, разменять-разменивать, сменить-сменять и т.д. ([5])/, пополнения словаря фразеологическими сравнениями и фразеологическими единствами /морской волк, стреляный воробей, белая ворона, проглотить язык, как снег на голову, на скорую руку ([6]) и т.п./.

Иностранец практически усваивает сущность значения слова, знакомится с разными типами или видами лексических значений слов и способов или форм их связи в смысловой структуре слова.

Анализ существующих учебников русского языка для иностранцев

ранцев на продвинутом этапе обучения показал, что содержащиеся в них лексические упражнения построены на работе со свободным и фразеологически связанным значением многозначных слов, в основном глаголов. Наиболее характерно представление большого количества глаголов со свойственными им кругами сочетаемости для сборников упражнений по лексике русского языка ([3]).

Глагол — организующий центр предложения, "самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка ([7], 442). Поэтому вполне понятно, что в большинстве существующих учебников и пособий по русскому языку для иностранцев широко представлены глаголы в свободных, фразеологически связанных и конструктивно обусловленных значениях.

Такое внимание к различным лексико-семантическим вариантам значения глагола совершенно справедливо обосновывается тем соображением, что одно только основное значение глагола не сможет покрыть сферу необходимых явлений, выражаемых языком.

Ёмкость и гибкость семантической структуры глагола дает возможность отразить в языке разнообразные проявления окружающей действительности.

Учебник строится по программе. В существующих программах русского языка для иностранцев преимущественное внимание уделяется ЛСВ глагола, меньшее — ЛСВ существительных. Так, в эти программы вводится незначительное количество конструктивно обусловленных значений существительных в генитивной модели /Дворец пионеров, Дворец спорта, Дворец бракосочетаний, Дво-

рец культуры, Дом писателя, Дом искусств ([8]), душа об-
щества, дитя природы ([9]). Это, естественно, нашло отра-
жение в нормативных учебниках русского языка как иностранно-
го, составленных с учетом этих программ.

Между тем, словарный анализ сокращенных и адаптированных текстов "Хрестоматии по русскому языку для студентов-иностранцев" А.Ф.Конопёлкина выявил большое количество существительных с конструктивно обусловленным значением в генитивной модели /азы науки, атмосфера любви и восхищения, бездна несчастий, бездна ужасов, волна революций, вопрос чести, вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья, герои дня, гора золота, гуща народа, галерея типов, дар перевоплощения, Дом Союзов, знамя Октября, знамя революции, зерна романтики, колонны демонстрантов, колорит эпохи, король республики, король стали, король нефти, королева красоты, люди коммунизма, мастер слова, миг жизни, минута молчания, море шампанского, мир мещанства, мир обывательщины, мир капитализма, мир туристов, масса света, облако пыли, образ жизни, образ мыслей, область литературной формы, океан поэзии, паутина отношений, предмет укора и насмешки, полет фантазии, пелена бесправия, противник царизма, радость творчества, радость жизни, реки слов, ряд дней, свет знания, свет науки, средство общения, столб воды, оноп света, сын своего класса, слуги Дьявола, тайна мироздания, тайна природы, торжество победы, ужас самодержавия, фанатик самообразования, характер дна, хозяин жизни, царство слонов, чувство смущения и неудобства, чувство воодушевления, чувство души, чувство природы и др./.

Кроме того, в подготовленном для говорящих на английском языке издании "Муму" И.С.Тургенева /М., 1974/ встречаем: "на что такая пропасть собак!", где "пропасть" имеет конструктивно обусловленное значение множества, а в "Повестях покойного Ивана Петровича Белкина" А.С.Пушкина, предназначенных для лиц, говорящих на английском языке /М., 1975/, читаем: "образ мнений", "жертва его ужасного искусства", "предмет вни-мания", "минута слабости" и др.

Следовательно, конструктивно обусловленное значение существительного в генитивной модели - явление, настолько распространенное в русском языке, что оно наличествует в пособиях по русскому языку даже при тщательной адаптации художественных текстов.

Это вполне понятно, так как родительный падеж является в основном приименным падежом.

Значимость и распространенность генитивной конструкции в русском языке общеизвестна и широко отмечалась в лингвистической литературе /А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, В.А.Богородицкий и др./.

Поэтому в нормативные учебники русского языка для иностранцев продвинутого этапа обучения следует ввести существительные с конструктивно обусловленным значением, проявляющимся в генитивной конструкции. Существительные с конструктивно обусловленным значением должны присутствовать как в художественных текстах для чтения, так и в лексических упражнениях. Упражнениям, содержащим существительные с конструктивно обусловленным значением, реализуемым в генитивной конструкции, следует предпослать генитивные словосочетания,

в которых эти существительные употребляются в номинативном значении, так как иностранец должен усвоить закономерность, что для словосочетаний, образуемых именем существительным, основным и типичным зависимым падежом является родительный.

После усвоения этой закономерности на примерах типа "адрес студента", "адрес института", "атака противника", "выигрыш партии", "игра детей" и т.д. следует, наверное, подвести обучаемого к пониманию такого сложного явления, каким является конструктивно обусловленное значение существительного N в генитивной модели NN_g, сложного потому, что при формальном, внешнем, грамматическом сходстве, скажем, генитивных конструкций "вопрос студента" и "вопрос чести" они существенно разнятся распределением семантических функций составляющих компонентов.

В первом словосочетании "вопрос студента" синтаксическая и семантическая функции существительного "вопрос" совпадают: и синтаксически, и семантически оно является господствующим по отношению к существительному "студент". Синтаксически оно обуславливает форму родительного падежа, вступающего с ним в словосочетание существительного "студент"; семантически оно, сохраняя основное свое значение /"обращение к кому-то, требующее ответа, разъяснения"/, свойственное ему и в изолированном, вне данной конструкции, употреблении, обуславливает наложение на основное значение существительного "студент" семантики притяжательности /чей вопрос?/.

Во втором словосочетании "вопрос чести" синтаксические и семантические функции существительного "вопрос" не совпадают:

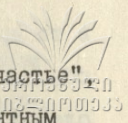
в то время как синтаксически оно является господствующим, обуславливая форму родительного падежа вступающего с ним словосочетание существительного "честь", семантически оно ему подчиняется: конструкция NN_g с N_g "честь" обуславливает понимание слова "вопрос" как "дело, обстоятельство, касающееся чего-либо, зависящее от чего-либо, определяемое чем-либо".

По нашим наблюдениям, большая часть конструктивно обусловленных значений существительного N в модели NN_g фразеологически связана.

По словам З.Е.Смерчко, называющей рассматриваемую модель NN_g фраземой, "грамматически зависимый компонент фраземы в языковой системе может подвергаться варьированию в пределах определенного лексико-семантического ряда или серии. Границы варьирования определяются нормой словоупотребления. Например, существительное "игра" свое связанное значение "особо деятельное, возбужденное состояние /ума, воображения и т.п./" реализует только в нескольких устойчивых сочетаниях слов: игра ума /мысли, воображения, фантазии/, в которых грамматически зависимые компоненты относятся к семантической сфере интеллектуальной деятельности" ([10], 5).

Таким образом, фразеологически связанное значение N в модели NN_g сложно для восприятия и особенно для воспроизведения иностранцем потому, что полностью оно может раскрыться только при сочетании слов определенных лексико-семантических рядов.

Так, одно из значений слова "вопрос" характеризуется предметно-смысловой неполнотой вне сочетания его в модели

со словами "самолюбие", "честь", "жизнь", "смерть", "счастье" в которой оно полностью раскрывается, подчиняясь валентным связям этих слов.

Впрочем, на таком семантическом "механизме" построены все бинарные генитивные метафоры, как окказиональные, так и узуальные ([II]), а в основе большого количества конструктивно обусловленных значений /в толковых словарях они снабжаются пометой "перен." / лежит метафора.

Однако конструктивно обусловленное значение N в генитивной бинарме – явление гораздо более сложное, нежели метафора, так как определенная часть существительных с этим значением прошла не через стадию метафоры, как, скажем, существительное "пропасть" в словосочетании "пропасть дел", а через стадию перифразы /дочь гор, сын пустыни, дитя улицы/, которая принципиально отличается от метафоры тем, что в ней нет четвого разграничения составляющих ее компонентов на семантически зависимое /N/ и семантически господствующее /Ng/, и при ее толковании приходится искать выход в третьей единице, а не внутри бинармы.

Ср.: залог примирения – свидетельство /доказательство/
примирения

и дитя улицы – сорванец, хулиган, беспризорник.

Однако сложность восприятия иностранцами примеров вышеуказанного типа в художественных текстах снимается при условии правильно поставленной работы с этими примерами: иностранец вовсе не должен вникать в нюансы семантического механизма создания конструктивно обусловленного значения во встречаемых генитивных конструкциях, он должен автоматически /может,

при сравнительно длительной задержке сознания/ декодировать, /
а также кодировать заданную бинарму, если этому предшествует
вала проработка системы соответствующих лексических упраж-
нений по созданию у него навыков и умений владения ею.

Создание системы лексических упражнений, преследующих
эту цель, должно, в первую очередь, учитывать сходные или
различные с русским явления родного языка обучаемого.

Чтобы проверить этот вывод на практике, мы для примера
выбрали список существительных /армия, арсенал, батарея,
бездна, богатство, воз, галерея, гамма, гора, град, гром,
дождь, капля, каскад, лава, лес, ливень, масса, море, океан,
полк, полчище, поток, пропасть, река, рой, свора, семья, ско-
пище, стадо, стая, шквал, фонтан/, реализующих при сочетании
с определенными существительными в генитивной модели конст-
руктивно обусловленное значение количества или совокупности
/армия безработных, арсенал доказательств, бездна дел, гале-
рея лиц и под./, и сравнили их с аналогичными существитель-
ными в немецком, французском и английском языках.

Сравнение показало следующее.

I. Многие существительные из этого списка в немецком,
французском, английском языках не располагают типом назван-
ного значения. При переводе на эти языки словосочетаний "ар-
мия безработных", "арсенал доказательств", "бездна дел" и
др. существительные "армия", "арсенал", "бездна" и др. пе-
редаются специализированными словами с присущей им семанти-
кой количества /аналогичными русским словам "много", "мно-
жество", "большое /малое/ количество"/.

II. Некоторые слова приведенного списка имеют эквиваленты в сравниваемых языках: реализуют конструктивно обусловленное значение в типичных для этих языков моделях /ср. композит *Farbenskald* (гамма красок), *Regen von Funken* (дождь искр) в нем., *forest of bayonets* (лес штыков) в англ./.

III. В разных языках /русском и немецком, русском и французском, русском и английском/ могут не совпадать конкретные словоформы с одинаковым конструктивно обусловленным значением, реализующимся в типичной конструкции /"поток слов" и "каскад слов" в нем. передается одной словоформой *Wortschwall*.

Хотя в ряде случаев в двух сравниваемых языках - русском и немецком, русском и французском, русском и английском /как, впрочем, и внутри одного языка/ - не совпадает конкретное лексическое наполнение компонента модели с определенным конструктивно обусловленным значением, - для всех этих языков характерна типичная модель /может, неодинаковая по форме/, реализующая этот тип значения.

Следовательно, семантический механизм возникновения конструктивно обусловленного значения существительного в типичной для реализации этого значения модели универсален: во всех языках под влиянием валентных связей одного компонента типичной модели возникает конструктивно обусловленное значение другого компонента.

Универсальность возникновения конструктивно обусловленного значения в типичной модели способствует сравнительно быстрому декодированию иностранцем воспринимаемых в связном

тексте генитивных конструкций даже в том случае, если их конкретное лексическое заполнение не соответствует конкретному лексическому заполнению типичной модели, существующей в его родном языке: он поймет значение данной модели по аналогии со сходными явлениями своего языка.

Однако различность конкретного лексического заполнения в родном и русском языках типичной модели, реализующей заданное конструктивно обусловленное значение, влечет за собой опасность интерферирующего влияния.

Так, например, существительное "вопрос" в своем основном значении "обращение к кому-то, требующее ответа, разъяснения" в немецком языке передается существительным Frage, во французском - question, в английском - question; конструктивно обусловленное значение слова "вопрос" - "дело, обстоятельство, касающееся чего-либо, зависящее от чего-либо, определяемое чем-либо" - в немецком языке передается этой же словоформой, во французском через словоформу problème и question: жилищный вопрос - problème des logements, вопрос времени - question de temps, вопросы дня - problèmes du jour; аналогично в английском - через question, problem, причем "вопрос жизни и смерти" передается как a matter of life and death.

Поэтому немец легче воспроизведет соответствующую генитивную модель с существительным "вопрос" в конструктивно обусловленном значении; француз и англичанин придется усвоить несоответствие родному языку этого употребления, иначе они будут воспроизводить не словосочетание "вопрос самолюбия",

а "проблема самолюбия".

В словарь иностранцев следует вводить генитивные модели с конструктивно обусловленным значением, как имеющие эквиваленты в их родном языке, так и безэквивалентные.

В первом случае их следует вводить наряду со свободными генитивными сочетаниями существительных, не акцентируя на них внимания, так как их декодирование иностранцами произойдет на уровне восприятия свободного сочетания слов.

Во втором случае следует проводить соответствующую лексическую работу по устранению интерференции родного языка, давая безэквивалентные генитивные модели с конструктивно обусловленным значением существительного наряду с изолированно взятым этим существительным в его основном значении, или включая эти модели в синонимические ряды сходных понятий, выраженных другими лексическими средствами.

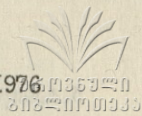
Лексические упражнения на закрепление генитивной модели с конструктивно обусловленным значением для лиц разных национальностей следует построить на основе жесткого списка существительных с данным типом значения, не имеющих эквивалентов в их родном языке. Естественно, что для лиц разных национальностей эти списки будут различны.

Поступила ЗИ.Х.1977

Кафедра русского
языка № 2

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа межвузовской научно-методической конференции "Лингвистические и методические основы преподавания рус-

- ского языка иностранным гражданам", 22-24 ноября 1976 года. М., 1976.
2. Учебник русского языка для лиц, говорящих на немецком языке. М., 1975.
 3. А.Ф.Конопёлкин. Хрестоматия по русскому языку для студентов-иностранцев. М., 1973.
 4. Н.Потапова. Учебник русского языка для лиц, говорящих на французском языке. М., 1973.
 5. Э.И.Амиантова, Г.А.Битехтина, А.Л.Горбачик, Н.А.Лобанова, И.П.Слесарева. Сборник упражнений по лексике русского языка. Учебное пособие. М., 1975.
 6. 26 уроков по развитию речи. Учебное пособие /для студентов-иностранцев/, под ред. Г.А.Битехтиной. М., 1975.
 7. В.В.Виноградов. Русский язык. М.-Л., 1947.
 8. Программа "Русский язык для иностранцев, обучающихся на филологических факультетах вузов СССР", М., 1973.
 9. Проект программы "Практический курс русского языка для филологических факультетов высших учебных заведений". Русский язык как иностранный. М., 1971.
 10. З.Е.Смерчко. Субстантивные фразеологические сочетания в современном русском литературном языке/ фраземы типа зерно истины/. АКД. Ростов-на -Дону, 1973.
 11. См. подробнее об этом: Н.А.Басилая. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний. Тбилиси, 1971.

კონსტრუქციული და კონსტრუქტიული სიტყვების მნიშვნელობა
რუსული ენის სახელმძღვანელოებში

რეზიუმე

სტატიის მიზანია განიხილოს სემანტიკური და სინტაქსური ფუნქცი-
ებში იმ სიტყვების, რომელთა მნიშვნელობა შეიძლება განს-
ტრუქციულად. დადგინდეს კონსტრუქტიული სიტყვების მხა-
ვრულ ღირებულებები, რაც იწვევს რუსული ენის სახელმძღვანელო-
ებში სემანტიკური სავარჯიშოების შეყვანის აუცილებლობას. ნერვი-
თი მიმოიხილოს ასეთი სავარჯიშოების შექმნის მეთოდები.

N. Bassilaie

ÜBER WÖRTER MIT KONSTRUKTIVBEDINGTER BEDEUTUNG
IN DEN LEHRBUCHERN DER RUSSISCHEN SPRACHE

Zusammenfassung

Im Beitrag werden die semantischen und syntaktischen Funktio-
nen von Wörtern mit konstruktivbedingter Bedeutung im Genitivmodell
untersucht. Es wird eine hohe Frequenz dieser Wörter in belletristi-
schen Texten festgestellt. Der Verfasser zieht den Schluß, daß die
lexikalischen Übungen je nach ihrer Aneignung in die normativen
Lehrbücher für fortgeschrittene Ausländer aufgenommen werden
müssen. Hier wird auch eine Methodik zur Ausarbeitung solcher
Übungen zwecks Beseitigung der Interferenz der Muttersprache der
Lernenden angegeben.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

НЕКОТОРЫЕ ЧАСТНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЛАСТИ
ВОКАЛИЗМА В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ

В.А. Жидко

1.1. Исследование русских говоров, изучение их современного состояния является первоочередной задачей диалектологии, т.к. в настоящее время процессы перестройки различных звеньев языковой системы протекают особенно интенсивно. Это обусловлено различными причинами, среди которых в первую очередь следует назвать влияние литературного языка, а также внутренние законы, по которым развивается диалектная речь. В этом отношении изучение островных говоров, оторвавшихся в прошлом от основного диалектного массива, представляет особый интерес т.к., помимо общих для всего диалектного языка процессов, здесь отражаются также и специфические особенности, связанные с бытованием говоров в иноязычном окружении, накладывающем свой отпечаток на характер проявления отдельных явлений.

1.2. В статье рассматриваются некоторые частные диалектные различия такого характера в области вокализма, распространенные в русских островных говорах на территории Грузии. Частными диалектными различиями считаем такие, которые не являются типологическими, т.к. не имеют первостепенного значения для диалектного чтения русского языка. К ним относятся диалектные различия, связанные с составом гласных фонем и с наблюдающимися здесь особенностями функционирования того или другого компонента вокалической системы.

2.1. В изучаемых нами говорах ударенный вокализм представлен пятифонемным составом гласных а-о-е-и-у. Здесь в настоя-

щее время гласные не различаются 1, четырьмя уровнями подъема, т.к. /ô / и / o / совпали в фонеме / o /, а / ê / ра- створился в / e /. Однако в некоторых говорах сохраняются следы шестой и седьмой фонем, что отражается в системе или подсистеме предударного вокализма и в определенных случаях не имеет сейчас фонетического обоснования.

2.2. В этом отношении интересен говор старообрядцев, живущих в населенных пунктах Уреки и Григолету Махарадзевского р-на Груз.ССР, где прослеживается различие в характере реализации в предударном слоге гласного после мягкого согласного перед твердым в зависимости от того, какого происхождения гласный / o /, находящийся под ударением. Например, под ударением гласный / o / из o, ь: [б'и] гóм, к [р'е] стóм, сети [с'è] трóвны, [п'и] сóк, с [в'и] тóк, с [л'и] пóй дождик; под ударением гласный [o], из ô : [в'а] дрó, [з'а]рнó, [с'а] лó, [м'а] стóв, [с'а] стрóй, муд [р'а] нó. Гласный [o] из o, ь по характеру воздействия на предударный примыкает к гласным нижнего подъема, и перед ним произносится гласный ненижнего подъема, а гласный [o] из ô примыкает к гласным верхнего подъема, и перед ним произносится гласный нижнего подъема. Здесь фиксируется система с архаической структурой, построенной на диссимилятивном принципе, который, как известно, считается первичным. Так как в настоящее время в говоре под ударением [o] разного происхождения совпали в одном звуке [o], то представленное чередование является фонетически необоснованным, сохраняя прежние отношения в подсистеме, следы, указывающие на наличие в прошлом седьмой фо-

немы. Это тем более понятно, т.к. в говоре Уреки имеются следы и шестой фонемы: в слове лес иногда слышится дифтонг [иэ].

2.3. В говоре с.Родионовка Богдановского р-на Груз.ССР система предударного вокализма после мягких согласных в основном строится по ассимилятивно-диссимилятивной модели. Перед твердыми согласными произносится [а], если под ударением гласные /а/, /и/, /у/, /о/ из о, ъ, если же под ударением /о/ из ъ, то здесь в подсистеме слышится также и "не а". Например, под ударением /о/ из о, ъ: [т'а] лóк, [з'а] рнóм, а [л'а] нóе [р'а] бóй; под ударением /о/ из ъ: [с'е] стрóй, [с'е] гóдня, да [л'и] кó || [в'а] дрó, [п'а] тнó. Таким образом, и в этом говоре можно видеть остатки различения фонем /ъ/ и /о/ и сохранившееся их влияние на качество предударного гласного.

2.4. Косвенные указания на наличие в прошлом шестифонемного состава гласных находим и в говоре с.Тамбовка Богдановского р-на Груз.ССР, где в системе предударного вокализма после мягких согласных имеются остатки архаического диссимилятивного типа яканья: если под ударением гласный [е] из е, ъ, то по характеру воздействия он примыкает к гласным нижнего подъема, и в предударном положении имеем звучание "не а". Например, [н'ис'ém], [п'ик'эш], [т'в'ет'эт'], [п'ик'ет'а], [б'ир'ет'а], [л'е] мéш. Если под ударением [е] из ъ, то по характеру воздействия он примыкает к гласным верхнего подъема, а в предударном произносится [а]. Например, [н'а] вéста, [т'а] мнэй, с [в'а] тлётъ, у [л'а] тэли, н а [с'т'а]клé, у [в'а] дрé. Сохранившееся различие рефлексии предударного

гласного, обусловленное уровнем подъема гласного под ударением, говорит о том, что в прошлом в говоре была представлена шестая фонема /ê/ переднего ряда средне-верхнего подъема.

3.1. Внутри вокалических систем наблюдаются явления, хотя и не влияющие на общее количество фонем, но меняющие характер соотношения компонентов внутри системы. Изучение этих явлений, связанных с функционированием того или другого компонента в частных диалектных системах, помогает установить их своеобразие.

3.2. Говоры сел. Тамбовка и Спасовка Богдановского р-на имеют пятифонемный состав гласных, но фонема /e/ занимает особое место, выступая не только вместо /ê/, но и вместо /e/, т.к. здесь часто отсутствует результат изменения [e] из старых e и ь в [o] в положении после мягкого согласного перед твердым, что, увеличивая весомость /e/ и уменьшая полноценность /o/, приводит к расширению сферы употребления /e/. Фонема /e/ без перехода в [o] представлена в определенной категории слов, а именно - в формах 2 и 3 лица единственного числа и 1 и 2 лица множественного числа настоящего-будущего времени глаголов первого спряжения. Например, не [с'ê]шь, мо [к'ê]шь, бе [к'ê]т, поб [j'ê]т, бе [р'ê]м, пой [д'ê]м, пе [к'ê]те, прибе [р'ê]теся. Для говора Тамбовки это живое явление, т.к. оно лексически не закреплено, и не связано с какими-либо возрастными ограничениями. В 84% всех записанных соответствующих глагольных форм фиксируется [e] без перехода в [o], и лишь 16% имеют [o], причем словоформа рас-

тет встречается только с [o].

3.3. В синхронном плане мы имеем дело со своеобразным фонетическим "исключением", т.к. в говоре во всех остальных случаях [e] после мягкого согласного перед твердым переходит в [o]; чередование [o] перед твердым - [e] перед мягким является действующим, фонемы /e/ и /o/ в говоре последовательно противопоставлены. Сравн., например, по [с' ó] лах, до [j' ó] нка, у [с' ó], зе [л' ó] ный, но ме [т' é] ль, ка [м' é] ни, в се [л' e] нье.

Наличие в этих говорах реликтового [e], на наш взгляд, может быть определенным образом связано с сохранением структуры фонетического слова, которая "хотя и в различной степени по говорам, проявляет тенденцию к закреплению в качестве артикулярно-акустического стереотипа, разновидности которого принадлежат к характеризующим чертам говора" [1]. Здесь как бы законсервировано в определенных сегментах соотношение между предударным и ударным гласным, сложившееся давно.

Большинство исследователей считает, что произношение глагольных форм с "непереходом" в прошлом было общим для всего южновеликорусского наречия, что звук [o] здесь появился совсем поздно под влиянием литературного языка и других говоров.

В настоящее время наличие [e], не изменившегося в [o] в парадигме глаголов I спряжения, принадлежит к одному из диалектных различий, характеризующих говоры юго-восточной диалектной зоны, кроме говоров Тульской группы [2].

4.1. В говорах бывших военных поселений в Восточной Грузии, единично у духоборов Дманисского р-на и старообрядцев Уреки

Махарадзевского р-на гласные фонемы непереднего ряда /а/, /о/ под ударением в позиции после мягких губных согласных могут быть представлены звуками неоднородного образования с и=образной начальной фазой, которые, думается, можно назвать дифтонгами: [п'йа] ть, о [п'йа] ть, го [в'йа] ди-на, м [йа] со, м [йах] кая, в [йо] дра, м [йо] д и др. В некоторых случаях в начальной фазе вместо неслогового и может произноситься звук типа [i] : о [w̆j'ó] с, н [j'á] ть; единично слышится трехкомпонентное сочетание /nuja/ ть.

4.2. Все случаи воплощения фонем /а/, /о/ звуками неоднородного образования записаны после губных согласных. Нам кажется, что это обусловлено наименьшей степенью приближения основной артикуляции губных к палатальной артикуляции, асимметричностью этих артикуляций у губных, вследствие чего дополнительная йотовая артикуляция выделяется в самостоятельную. Асинхронное образование мягких губных наблюдается преимущественно в начале слова перед гласными непереднего ряда [а], [о], что также неслучайно и связано, как нам представляется, с характером артикуляции этих гласных, противоположно направленной по сравнению с палатальной. Артикуляция непередних гласных так же асимметрична палатальной, как асимметрична ей артикуляция губных. Все это создает благоприятные условия для обособления палатальной артикуляции в самостоятельный и=образный звук, который, сочетаясь с последующим ударенным гласным, становится начальным элементом дифтонга.

Описанное явление отмечено в тех из обследованных нами говорах, которым известно отверждение конечных губных, нераз-

личение парных твердых и мягких губных перед /и/, твердые губные в позиции перед мягкими заднеязычными, т.е. там, где наблюдаются и другие случаи слабой противопоставленности губных по признаку твердость-мягкость. Исключение составляют говоры Дманиси и Уреки, но там записаны единичные случаи такого произношения.

4.3. В специальной литературе редко встречаются указания на данное диалектное явление. Можно привести замечание В.В. Колесова: "Во многих рязанских, владимирских и других говорах отмечалось раздвоение артикуляции мягких губных в этой позиции с выделением [j] ... (иногда с позиционной мягкостью губных перед [j])" [3]. В некоторых описаниях вологодских говоров (Л.Л.Касаткин, Ю.С.Азарх) тоже указывается, что /а/, /о/ после мягких согласных могут быть представлены дифтонгами и дифтонгоидами.

4.4. Если признать дифтонгическое воплощение фонем /а/, /о/ после мягких губных инновацией, появившейся в русских говорах уже во время их бытования на территории Грузии, то представляется весьма вероятным в числе других причин указать и на возможное влияние грузинского языка, т.к. русское сочетание гласных переднего ряда с мягкими согласными в речи грузин как бы разлагается на твердый согласный + и: [пи] ать, [ми] од.

5.1. В говорах поселян в позиции после этимологически твердых губных выступает гласный [и], в результате чего позиция перестает быть сильной, нарушается фонематическое противопоставление мягких и твердых губных перед /и/. Зако-

номерность, согласно которой во всем русском языке [и] после твердых согласных изменяется в [ы], перестает действовать в положении после твердых губных, сами губные выступают как нетвердые, а сфера употребления гласного [и] расширяется. Например, [о́й] вший, [о́и] кí, город [о́и] л; [п'о́и]шки печь, любо [п'о́и] тно, хочу ис [п'о́и] тать; [в'о́и], при-[в'о́и]кли, [в'о́и] мя, [в'о́и] колол глаз; [м'о́и], [м'о́и] ло, взял у [м'о́и] лся.

В одних говорах поселян это явление широко распространено (Калиновка, Буденовка Лагодехского р-на, Гомбори, Сартичала и Калиновка Сагареджойского р-на, райцентр Цители-Цкаро), в других отмечено ограниченное количество случаев (Тетри-Цкаро, Манглиси Тетрицкаройского р-на), в говорах духоборов эти случаи единичны (Орловка, Калинино Богдановского р-на).

5.2. Функционирование [и] на месте [ы] после твердых губных в русских говорах встречается редко. Так, Р.И.Аванесов отмечает это явление в говоре "терухан" [4]. Т.А.Хмелевская считает произношение [и] вместо [ы] после твердых губных характерной особенностью нижнедонских говоров [5]. В говорах Восточной Сибири под влиянием субстратных языков "/и/ и /ы/ совпали в гласном среднего ряда /и/, перед которым согласный всегда тверд" [3].

Данная диалектная черта на территории исконных великорусских говоров не имеет распространения. Это вполне естественно, т.к. русский язык вместе с белорусским и польским сохраняет различие общеславянских *у* и *і*, а в южнославянских языках и южных восточнославянских диалектах произош-

до совмещение у и і . "Процесс этот развивался в южных диалектах постепенно... пока не установился относительно единообразный тип произношения гласного и (среднего между у и і), господствующий в современном украинском языке" [6] .

В некоторых работах по диалектологии, где трактуются вопросы смешанных, переходных и пограничных говоров (исследования П.А.Расторгуева, А.М.Бескровного, Т.В.Назаровой) наличие изучаемой диалектной особенности объясняется влиянием украинского языка, в котором гласный [и] артикулируется как средний между русским [и] и [ы] .

5.3. Изменение [ы > и] после губных в наших говорах следует, по всей вероятности, объяснить их происхождением и считать результатом взаимодействия говоров с сохраненной палатальностью губных перед [и] и говоров, где эта палатальность была утрачена, т.е. украинских. Ведь известно, что поселяпские говоры по своему происхождению смешанные, т.к. на военное поселение оставляли солдат и нижних чинов, которые были выходцами из разных мест, в том числе и с Украины (Полтавская, Херсонская и др. губернии).

На украинский по происхождению звук [и] указывают также случаи отвердения губных и реже других согласных, отмеченные в говорах поселян: жи [в'и] ка, [м'и] ски, [с'и] б'ирь, [п'иры] шл'и, три [к'и] л'о и др.

5.4. Дальнейшая судьба этого явления была связана с теми условиями, в которых протекало формирование, последующее развитие и существование говора. Русские, поселившиеся в Грузии, оказались в иноязычном окружении, и необходимым следствием

этого явились межъязыковые контакты. Некоторые черты грузинской фонетической системы в какой-то мере способствовали сохранению и укреплению в говорах этой диалектной черты. В области вокализма здесь надо назвать наличие одной фонемы σ (i) в соответствии русским /и/ и /ы/; в области консонантизма – отсутствие в грузинском языке фонематической противопоставленности твердых и мягких согласных.

6.1. Бытование русских островных говоров в условиях иноязычного окружения способствует консервации, а возможно, и развитию таких диалектных особенностей, для которых в контактирующем грузинском языке имеются соотносительные явления. К ним принадлежат, во-первых, случаи воплощения фонем /а/, /о/ звуками неоднородного образования с и=образной начальной фазой после мягких губных согласных; во-вторых, совпадение в одном звуке [и], возможно, среднего ряда, гласных [и] и [ы] в позиции после этимологически твердых губных, имеющих иногда гиперическую мягкость.

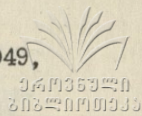
Поступила 25.X.1977

Кафедра
русского языка № I

ЛИТЕРАТУРА

1. С.С.Высотский. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров. В кн. Русские говоры, М., 1975, стр.11.
2. К.Ф.Захарова, В.Г.Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970, стр.105.
3. Русская диалектология. М., 1972, стр.74; стр.95-96.

4. Р.И.Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр.151.
5. Т.А.Хмелевская. Система согл. фонем русск. говоров Дона. Тезисы докладов на X диалектол. совещании, II-IV/У 1965г., М., 1965, стр.57.
6. Ф.П.Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, стр.180.

ვ.ჯიძე

მკვლევარის გონივრით დიდიხვედრი სხვაობანი საკრთვალის
შარნიშორნაჲ დაცჲი რუსჲი ენი დიდიხვედრი

რეზიუმე

რუსული ენის იზოლირებულ დიალექტებში შეინიშნება მტვი ისე-
თი ფონეტიკური თავისებურება, რმინის შემთხაბვას ან, შესაძლა,
განვითარებასაც ერთკვარაპ ხელს უწყობს ქარტული ენობრნივი გა-
რემოცვა.

1. /a/, /o/ ფონემებში რბილი ბავისმიერნი თანხმოვნებბის შემდეგ
წარმოტვნილია არავრთკვარნი წარმომბის ხმოვნებბით.

2. ეფიშორტვიურაპ მავარ ბავისმიერთა შემდეგ [u] და [bi] ხმო-
ვანთა წაცვლად თავს იჩენს ერთი ბგერა [u].

V.Gidko

SOME DIALECTAL DISTINCTIONS IN THE AREA OF VOCALISMS
IN RUSSIAN SUBDIALECTS ON THE TERRITORY
OF GEORGIA

Summary

In isolated Russian subdialects, such dialectal peculiarities are preserved or may develop, which have correlative phenomena in the contiguous Georgian language. These are: 1. The case of representation of phonemes a, o by sounds of heterogeneous derivation after the soft labial consonants; 2. The vowels u and bi merge into one sound u in the position following etimologically hard labial consonants.

საქართველოს
 მეცნიერებათა
 აკადემია

თბილისის შრომის წითელი რკინის ორგანიზაციის სახელმძღვანელო

უნივერსიტეტის შრომები

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
 государственного университета

202, 1979

О КОНСТРУКЦИЯХ ПРИСУБСТАНТИВНОГО РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
 С ПРЕДЛОГОМ ИЗ

Р.Г.Кокеладзе

Развитие и усложнение общественной жизни отражается на развитии литературного языка, в частности, как указывает Г. П. Ломтев ([1], 81), падежные конструкции принимают на себя все новые и новые функции, вследствие чего они оказываются перегруженными различными значениями. В ходе развития языка назрела потребность в новых грамматических средствах, которые могли бы более точно и дифференцированно выражать различные значения. Таковыми явились предложно-падежные конструкции.

В современном русском языке, как указывает акад. В. В. Виноградов ([2], 703), с особой остротой протекает процесс перерастания функций предлогов. Круг значений предлогов, сфера выражаемых ими отношений расширяются и углубляются. Переосмысление первоначальных конкретных значений предлогов влечет за собой появление новых семантических функций предлогов, которые выражают различные логические связи между членами словосочетания. Эти функции в современном русском литературном языке достигают чрезвычайного разнообразия, растет отвлеченное значение предлогов, возникают новые предложные конструкции.

В связи с этим изучение системы грамматических отношений, выражаемых предлогами, а также значений предложно-падежных конструкций в системе управления приобретает актуальное значение.

Однако при всей актуальности вопроса о функциях предложно-падежных конструкций, категория предлогов как в теоретическом, так и в конкретно-описательном плане остается еще недостаточно разработанной в современном русском языкознании. Это касается и конструкций присубstantивного предложного родительного падежа.

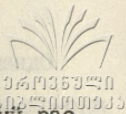
Одним из наиболее употребительных предлогов в сочетании с род.присубstantивным является предлог из. Возникновение этого сочетания в языке — результат совпадения старого отложительного падежа с род.падежом ([3], 373). Следовательно, сочетание с предлогом из являются одним из наиболее древних типов предложных конструкций.

Поэтому естественно, что эти конструкции находят свое отражение (правда, в общих чертах) в "Российской грамматике" М.В.Ломоносова, где названа как основная пространственная функция предлога из [4], а также значение "выделения части из целого".

Интересно отметить, что М.В.Ломоносов, анализируя функции предлогов, особое внимание уделяет грамматической форме и лексическому значению слов, входящих в состав предложных словосочетаний.

А.Х.Востоков, выделяя в своей грамматике самостоятельные и вспомогательные функции предлогов, отмечает в их кругу причинную функцию, функцию происхождения и вещества, из которого что-либо сделано [5].

Большое место уделяют названным конструкциям А.М.Пешковский ([6], 292) и А.А.Шахматов ([7], 358). Однако их наблюдения базируются

ются в основном на глагольных словосочетаниях.

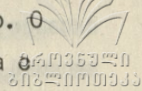
Интересны наблюдения акад. В.В.Виноградова, который рассматривает конструкции с предлогом из в так называемом "количественно-определятельном падеже" ([2], 174).

Кроме указанных трудов конструкции с предлогом из (как и с другими предлогами) приводятся в толковых словарях русского языка. Однако, как отмечает акад. В.В.Виноградов, в них "коллекционируются" группы значений отдельных предлогов, а это лишь "материал для грамматического исследования, требующий пересмотра" ([2], 685).

В специальных исследованиях современных языковедов [8], в основном, приводятся значения приглагольных предлогов, реже отмечаются приименные значения, при этом часто значения приглагольных и приименных конструкций не разграничиваются.

Проанализированный материал позволяет нам выделить следующие разновидности конструкций присубстантивного родительного падежа с предлогом из:

I. Родительный материала. Данное значение родительного падежа, по мнению А.А.Пешковского, развилось из пространственного значения, которое "здесь еще довольно ясно просвечивает, так как для приготовления вещи надо вынуть часть материала из общей массы его" ([6], 292). Значение родительного материала, весьма распространенное в современном русском языке, выделяется как особая разновидность родительного падежа с предлогом из далеко не всеми лингвистами. Так, Ф.И.Буслаев, при описании анализируемых конструкций не упоминает о значении материала, как и о многих других значениях. То же, по

существо, находим у А.А.Шахматова и В.А.Богородицкого. значения материала в конструкциях родительного падежа предложом из говорит М.Н.Петерсон [9].

Современные исследователи при анализе словосочетаний с предложом из выделяют значение материала под различными названиями, как, например: "выделительная характеристика по материалу" (В.В.Виноградов), "отношение к материалу" (Академическая грамматика), "предмет и из чего он сделан" (Р.Е. Вульфсон) и некоторые другие.

Однако это значение родительного падежа в названных трудах не подвергается подробному анализу. Обычно даются лишь немногословные указания на существование в современном русском языке конструкций с данным значением, что подкрепляется несколькими примерами.

Конструкции родительного присубстантивного с предложом из, имеющие значение материала, — это такое сочетание двух полнозначных слов посредством предлога из, одно из которых — стержневое — обозначает предмет, а второе — управляемое — материал, из которого сделан этот предмет.

Характерным для данных конструкций является то, что оба компонента словосочетания — как зависимый, так и управляющий, как правило, выражены конкретными именами существительными. Сравнивая данные конструкции с беспредложным "родительным отношением по материалу", типа "шелк фаты, бронза колец" и под., нетрудно заметить, что если в последних значение материала выражено стержневым компонентом (отсюда и название "родительный отношения по материалу"), то в предложных

словосочетаниях носителем значения материала является за-
висимый компонент. Ср., например: "шелк фаты" и "фата из
шелка". В этом отношении конструкции с предлогом из со
значением материала ближе стоят к "родительному материалу",
который рассматривается как разновидность "родительного ка-
чественной характеристики". Ср.: "мундир грубого сукна" и
"мундир из тонкого сукна" (однако, в отличие от первой кон-
струкции, во второй наличие определения не является обяза-
тельным, ср. "мундир из сукна").

Аналогично "родительному отношения по материалу" в сло-
восочетаниях родительного присубстантивного с предлогом
из для обозначения материала могут использоваться названия
различных материй, тканей, как, например: платок из ситца,
мундир из тонкого сукна, настил из рогожи, куртка из пороло-
на; названия различных мехов и кож: ранец из телячьей кожи,
переплеты из кожи, перепонки из кожи, шапка из кошки.

"Вернусь. Любви не утаив,

Прижмусь щекой к платку из ситца".

В.Гордейчев, Матери...

"Бант у Насти, как корона,

Как корона из капрона".

А.Барто, Королева.

"Снег у крыльца, как песок зыбучий.

Вот при такой же луне без слов,

Шапку из кошки на лоб нахлобучив,

Тайно покинул я отчий кров".

С.Есенин, Синий туман, снеговое
раздолье...

Сюда же относятся словосочетания, зависимый компонент которых обозначает какое-либо вещество или строительный материал, напр., свеча из воска, слоники из сандала, подсумок из пластика, зубы из нержавеющей стали, памятник из меди, дома из стекла, дорожки из гравия, стены из бамбука, Раздан из розового камня.

"Не знаю, грустя или радуясь,

.....

в подсумке из пластика радио
весь вечер он носит с собой".

Е.Долматовский, Безработный.

"Это

наша работа,

нелегкие

наши

дела, -

ненавидеть

заборы!

И ставить дома

из стекла!"

Р.Рождественский, Арбат...

"Умер, не покайся,

не сказав ни звука,

У стены тюремной

из старого бамбука".

К.Симонов, Ночь перед бессмертием.

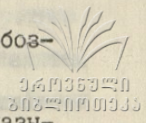
941935341
1989

Наличие в вышерассмотренных конструкциях атрибута при зависимом компоненте обладает определенным удельным весом. Непосредственно уточняя материал, выраженный зависимым компонентом, это определение тем самым конкретизирует значение всего словосочетания. Оно определяет материал со стороны цвета, качества, вида, состояния, способа выделки и т.п. : мундир из тонкого сукна, полотно из ручной кудели, ранец из телячьей кожи, стены из старого бамбука, петля из генуэзской веревки и др.

В заключение следует отметить, что сравнения анализируемых конструкций с соответствующими глагольными и беспредложными сочетаниями дакт основание прийти к выводу, что родительный материала с предлогом из в применном употреблении по грамматической связи и значению занимает промежуточное место между таким же родительным приглагольным и родительным беспредложным: он грамматически зависит от имени, но в семантике падежного отношения ощущается некоторая глагольность (а именно, имеется в виду: "сделанный, выделанный"); он выражает отношение признака, но не является еще качественным определением к управляющему имени.

2. Родительный составных частей. Конструкции родительного падежа с предлогом из, выделяемые нами в данном разделе, очень близки по грамматическим признакам и значению к вышеназванным сочетаниям родительного падежа. Оба компонента данных словосочетаний (как и в конструкциях "родительный материала") выражены всегда конкретными именами существительными: стержневое слово называет какой-либо предмет

(в широком понимании), а зависимое - составные части обозначенного главным словом предмета.

Зависимый компонент данного словосочетания может называть однородные предметы, составляющие стержневой компонент, напр., четки из скрепок, пол из плит, узоры из полос, а также неоднородные по размеру, назначению, форме и т.п. части, из которых состоит предмет, выступающий в функции стержневого компонента, как: громада из маленьких частиц. Например:

"Пол из плит

И на плитах грязца".

Б.Пастернак, Девятьсот пятый год.

"Ах, начальник - молод он и крепок!

Как всегда, взыскательно побрит,

он, играя четками из скрепок,

про футбол со мною говорит".

Е.Евтушенко, Старый бухгалтер.

3. Родительный характеристики по месту. Эта группа родительного падежа является очень обширной. В нее мы объединяем все словосочетания с предлогом из, в которых зависимый компонент определяет главное слово, обозначающее лицо или предмет, в отношении места возникновения, деятельности и т.п.

В зависимости от того, какое из вышеназванных значений выступает в данных конструкциях, можно выделить следующие разновидности этого основного значения:

А. Родительный места жительства. Это значение родительного падежа отмечает еще А.Х.Востоков в своей "Русской грам-

матике", где пишет: "Из" помогает (управлять):... б) су-
ществительным и местоимением личным, к означению состоя-
ния или места из какого кто происходит". В качестве приме-
ров приводятся: "Из какого он состояния? Из мещан" и "ро-
дом из Москвы". Встречаем это значение родительного с пред-
логом из и в работах М.Н.Петерсона под названием "местная
функция" ("... отъезд из отцовской деревни") или "предмет
и его происхождение" ("лодочник из Керчи").

В современных трудах по русскому языку эти конструкции
известны в основном как обозначающие "происхождение" при
незначительном нрансировании самих названий. Ср., например:
"выделение по происхождению" (В.В.Виноградов), "отношение
происхождения" (Академическая грамматика), "генетивное" зна-
чение (Е.С.Самарина), "происхождение того, что обозначено
именем" (Р.Е.Вульфсон).

В сущности, это различные названия одного и того же яв-
ления: в них подразумевается идея происхождения. Однако в
большинстве из приводимых авторами примеров, как: лодочник из
Керчи, проситель из провинции, парень из нашего города и др.
не наблюдается значения происхождения. В этих конструкциях
дано определение по месту жительства безотносительно к мес-
ту происхождения. Так, "лодочник из Керчи" может и не быть
родом из Керчи.

Таким образом, в родительный характеристики по месту жи-
тельства нами объединяются такие конструкции с предлогом из,
стержневой компонент которых является названием лиц, а зави-
симый указывает на место жительства. Следовательно, стержне-

вое слово названных конструкций всегда выражено конкретным именем существительным одушевленным. Оно может обозначать имена существительные собственные: Гагарин из Гаваны, Жанна д'Арк из сибирских колодец¹, Нюшка из деревни Великая Грязь, или нарицательные: девочка из Нью-Йорка, девушка из русского села, женщина из Вичуга, сказочник из Дании, беглый лаз из Мингрелии, а также обозначать множество лиц или совокупность лиц: земляки из Кабарды, негры из Штатов, полковники из Индии, гости из болота, полк из Павлограда.

В отличие от стержневого, зависимый компонент может быть выражен лишь неодушевленным именем существительным. Однако и здесь могут выступать имена существительные собственные, а именно, географические названия (в основном, жилых пунктов: городов, деревень, государств и т.д.): Гагарин из Гаваны, девочка из Нью-Йорка, полк из Павлограда, женщина из Вичуга, земляки из Кабарды, негры из Штатов, полковники из Индии, и нарицательные: Жанна д'Арк из сибирских колодец, девушка из русского села. В последних значение места жительства уточняется наличием определения при зависимом компоненте. Приведем

1. Иногда подобные переменные словосочетания, используемые в художественной речи, могут потерять свое прямое значение, приобрести обобщенный, образно-метафорический характер и перейти в класс фразеологических единиц. Ср., например, выражение "Тартарен из Тараскона" (герой романа Альфонса Додэ "Необычайные приключения Тартарена из Тараскона") в значении "лгун, хвастун, болтун". "Имя его стало нарицательным для людей подобного типа" (Н.С. и М.Г. Ашукины, Крылатые слова, М., 1955, стр. 534). То же: "французик из Бордо" (из комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума", д. 3, явл. 22, слова Чацкого), употребляемое иронически в адрес некоторых заносчивых, хвастливых иностранцев (см. там же, стр. 573).

несколько примеров:

"Будущий Гагарин из Гаваны -
чистильщик по улице идет".

Е.Евтушенко, Мануэль и звезды.

"Девушка из русского села

В белом платье, с русою косою
по столице Австрии прошла,
удивив весь мир своей красою".

Е.Долматовский, Каблучок.

"Как будто не ночь

и не звезды на ней,

а плачут

над Лениным

негры из Штатов".

В.Маяковский, Владимир Ильич Ленин.

Б. Сочетания с обозначением места жительства, а также дополнительной характеристики лица или предмета по их отнесенности к определенному месту. Таких примеров удалось обнаружить немного: девочка из саркофага, старик из немой кинокартины, козел из нашего стада, быки из хлева, обжоры из кабаков, карточка из дома, тянучки из московского "Гастронома", вода из лужи, рассказы из букваря, слова из разных песен. В последних наслаивается также оттенок выделительного значения. Приведем несколько примеров:

" Обжоры из несчетных кабаков,

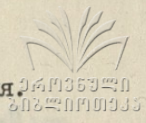
.....

Познали силу мощных кулаков...

Д.Дмитриев, Полотна Рубенса.

"Баллада о девочке* из саркофага".

Ф.Искандер, заглавие стихотворения.

"И скучая по зимним вьюгам,
вдалеке от родного дома,
обезьянам дарил тянучки
из московского "Гастронома".

М.Матусовский, Из индийской тетради.

Родительный в этих примерах условно можно назвать "родительным характеристики по месту нахождения" (постоянного или временного).

В. Особо следует остановиться на сочетаниях, в которых лицо, обозначенное стержневым компонентом, характеризуется по месту деятельности, работы и т.д., как: инженер из Братска, матрос из гельсингфорской базы, прохвост из "Чайна Ньюс", товарищ из политотдела, или по месту учебы, как: гимназист из Симбирска, Беатриче из десятого класса.

"....."

был спутником когда-то и собратом
путиловский мастеровой и статный
усач матрос из гельсингфорской базы..."

В.Азаров, Доверие.

"Шанхайской журналист, прохвост из
"Чайна Ньюс",

Идет ко мне с бутылкой..."

К.Симонов, В корреспондентском клубе.

"Ты умела, ступая,
Земли не касаться,
О моя Беатриче

Г. Родительный места (как источника) возникновения. Эта группа словосочетаний присубстантивного родительного падежа с предлогом из в лингвистической литературе не выделяется. Конструкции, относящиеся к данной разновидности, обычно включаются (в виде примеров) в значение "родительного происхождения" и особо не отмечаются.

Словосочетания, относимые нами в этот раздел, — это такие конструкции с предлогом из, зависимый компонент которых указывает на место (как источник) возникновения какого-либо предмета, вещества, явления или признака, выраженного управляющим словом.

Зависимый компонент данных словосочетаний обычно выражен конкретным именем существительным, обозначающим предмет (в широком понимании) с различными лексическими значениями, из которых чаще употребляются слова, называющие части человеческого организма, как, например: кровь из горла, кровь из ран, кровь из носа, слезы из глаз, капли из носу, пар из губ; иногда и другие существительные, как: пар из мисок, пар из болот, дым из трубы, лава из Этны.

"И нам, притомленным, давно бы
в пору

Душистый пар из мисок и ночлег!"

Э. Багрицкий, Ночь в монастыре.

"Расползаются слухи,

будто лава
из Этны:

"В моду входят
узкие брюки!"

Р.Рождественский, Письмо в тридцатый век.

"Я счастлив,

что я

этой силы частица,

что общие

даже слезы из глаз".

В.Маяковский, Владимир Ильич Ленин.

Гораздо реже встречаются словосочетания, стержневой компонент которых выражен отвлеченным именем существительным.

Например:

"Да, было счастьем дней кипучих:

.....

И залп блокадного салюта,

И вздох из тысячи грудей..."

Л.Хаустов, Опасная сторона.

"Агония осени, Антагонизм

Пехоты и морских дивизий

И агитаторша-девица

С жаргоном из аптек и больниц".

Б.Пастернак, Лейтенант Шмидт.

Как единичные, можно привести словосочетания, в которых зависимое слово указывает на место, где сделан предмет, обозначенный управляющим компонентом. Например:

"Ну, а этой за движение стана,

Что лицом похожа на зарю,

подарю я шаль из хороссана

И ковер ширазский подарю."

С.Есенин, Персидские мотивы.

Д. Родительный направления. Это значение родительного падежа с предлогом из в лингвистической литературе также особо не выделяется. В эту группу словосочетаний объединяем такие конструкции родительного с предлогом из, зависимый компонент которых называет место (жилое помещение, какую-либо местность: деревню, село, город, республику, страну и т.д.), выражен именем существительным собственным или нарицательным, с которым соотносится стержневое слово.

Значение направления в данных конструкциях обусловлено лексико-семантическим характером стержневого компонента, предопределяющего указание на направление, конкретизируемое предлогом из.

Управляющий компонент словосочетаний со значением направления может быть выражен как отвлеченным именем существительным (ответ, привет, крик, раскат, голос и под.), так и конкретным (письмо, послание – в значении "письмо" и др.). Это, в основном, слова, содержащие идею действия. Например: письмо из Аргентины, ответ из дома, раскат из Кремля, гром из долины, крик из номеров, голос из задней комнаты.

" Письмо из Аргентины".

К.Симонов, заглавие стихотворения.

"За ночь

Проясняется.

Утром -

Громовой раскат из Кремля".

Б. Пастернак, Девятьсот пятый год.

"Признаюсь в любви к аэродромам,
с их тяжелым, неумолчным громом,
бильярдным громом из долины,
где шары катают исполины..."

Г. Плисецкий, Аэродромы.

Таким образом, конструкции родительного падежа со значением места являются очень обширной и разнообразной по значению группой. Словосочетания, сюда входящие, включают в себя и характеристику лица по отношению к месту жительства, и определение места нахождения, пребывания предмета (в широком понимании), и обозначение места, с которым связано возникновение, образование того или иного предмета или явления, и указание на место, как отправной пункт действия или явления. Все эти словосочетания указывают на определенное место, которое названо зависимым компонентом, выраженным конкретным именем существительным. С последним связано понятие, обозначенное стержневым словом.

4. Родительный происхождения. Эти словосочетания характеризуют лицо по национальному или социальному происхождению. В противоположность родительному падежу со значением места жительства, куда многие языковеды включают и данные сочетания, здесь смело можно употребить термин "происхождение", который обозначает "принадлежность по рождению к какому-нибудь сословию, нации или классу" [10].

Названные сочетания с родительным падежом непродуктивны

в русской поэтической речи. В этих конструкциях стержневой компонент выражен, как правило, одушевленным именем существительным как собственным, так и нарицательным, зависимое же слово называет сословие, среду, класс (со значением социального происхождения) или нацию (при национальном происхождении). В некоторых случаях значение происхождения уточняется прилагательным при родительном падеже. Приведем несколько примеров на значение происхождения:

"Баллада о Йорисе Ивенсе и об одном
коммерсанте из бывших русских".

Е.Евтушенко, заглавие стихотворения.

"Ведь как бы иначе

Решал он задачи

Для девочки с ближней скамьи,

Для маленькой Дороти

С бантом на вороте

Из буржуазной семьи?"

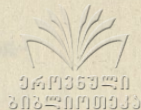
В.Инбер, О мальчике с веснушками.

"Я знал другого странника испытанного
из коммерсантов".

Е.Евтушенко, Баллада о Йорисе Ивенсе и об
одном коммерсанте из бывших русских.

В эту же группу словосочетаний можно включить конструкции типа "продавец из этой сволочи", в которых (безусловно, несколько в ином аспекте и с меньшей силой) дается характеристика лица посредством отнесения его к определенной среде, группе. Например:

"Был продавец из этой сволочи,
что наживается на горе..."

Е.Евтушенко, Мед.

5. Следующую группу сочетаний род.присубстантивного с предлогом из составляют словосочетания со значением времени, близко стоящие к аналогичному значению беспредложных конструкций. Однако, в отличие от последних, широко распространенных как в языке художественной литературы, так и в поэтической речи, рассматриваемые словосочетания малопродуктивны и встречаются в языке современной поэзии довольно редко.

Характерным для данных конструкций является наличие в качестве управляемого компонента устойчивого сочетания с существительным, имеющим значение определенного отрезка времени (год, век и т.д.). В роли стержневого компонента могут выступать существительные: одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные, конкретные и отвлеченные (очень редко). Например:

"Вы простите,

товарищи

из тридцатого

века!"

Р.Рождественский, Письмо в тридцатый век.

"Очень верю я в вас,

Дон-Кихоты

из правдивых студенческих лет!"

В.Костров, Верю в вас...

"Повесть наших отцов,

Точно повесть
Из века Ствартов..."

Б.Пастернак, Девятьсот пятый год.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. В процессе развития русского литературного языка, как отмечается в русской лингвистической литературе, наблюдается быстрый рост предложных сочетаний, в связи с чем происходит обогащение состава предлогов и их многозначности.

2. В современном русском литературном языке вообще и в поэтической речи, в частности, довольно продуктивны присубстантивные сочетания родительного падежа с первообразными предлогами, хотя беспредложные конструкции данного падежа представлены гораздо шире.

3. Изучение значений предложно-падежных конструкций, взаимоотношений их компонентов и функций предлога приобретает в современной лингвистической литературе актуальное значение. Однако категория предлогов как в теоретическом, так и в конкретно описательном плане пока что остается недостаточно разработанной.

4. Анализ современной поэтической речи дает основание заключить, что круг значений, выражаемых конструкцией родительного присубстантивного с первообразными предлогами, весьма широк и разнообразен как в отношении одного и того же предлога, так и различных предлогов.

Одной из наиболее распространенных конструкций, нашедших широкое отображение в современной поэтической речи, яв-

ляются словосочетания с предлогом "из", которые характеризуются многообразием выражаемых значений, а именно: род. материала, род. составных частей, род. характеристики по месту с пятью разновидностями (места жительства, места нахождения, места деятельности, работы, учебы и под., места (как источника) возникновения, направления), род. происхождения, род. со значением времени.

Поступила 20.X.1977

Кафедра
русского языка № 1

ЛИТЕРАТУРА

1. Г.П.Ломтев. О соответствии грамматических средств потребностям взаимопонимания, "Вопросы философии", 1952, № 5, стр. 81.
2. В.В.Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове, М.-Л., 1947.
3. А.Мейе. Общеславянский язык, М., 1951, стр. 373.
4. Имеются в виду, главным образом, приглагольные конструкции. См. М.В.Ломоносов, Российская грамматика, стр. 557, 576. (Полное собрание сочинений, т.7, Изд-во АН СССР, М.-Л., 1952).
5. А.Х.Востоков. Русская грамматика, 1859, СПб.
6. А.М.Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 6-ое, М., 1938, стр. 292.
7. А.А.Шахматов. Синтаксис русского языка, 1941, Л., стр. 358.
8. См. работы Н.Д.Боголюбовой, Р.Е.Вульфсон, В.Н.Данкова, Е.Г.Кулинич, К.В.Мустейкис, Е.С.Самариной, М. Сеитовой, Т.А.Тулиной, И.И.Церцвадзе и др.

9. М.Н.Петерсон. Лекции по современному русскому литературному языку, М., 1941, стр.124; Очерк синтаксиса русского языка, М.-Л., 1923, стр.67; Конструкции с предлогом из у Лермонтова, Сборник статей в честь А.И.Соболевского, АН СССР, Л., 1928, т.СІ,3 (часть цельной работы "Синтаксис Лермонтова").

10. Толковый словарь русского языка п/ред. проф. Д.Н.Ушакова, М., 1939, т.3, стр.940.

რ. კოკოლაძე

საქართველო "ივ" -ის სპეციალური წარმომადგენელი
ბრუნვის პრინციპების შესახებ

რეზიუმე

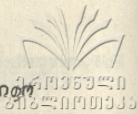
სპეციალური განმარტების ნაშრომის პრინციპების განხილვის მიზნით რუსული დიდი სიტყვის მნიშვნელობის ერთ-ერთი აქტუალური საკითხია.

XX საუკუნის პირველი მესამედიდან მასალის ანალიზის საშუალება მივიღებთ დაკვირვება, რომ ეს პრინციპები ძალიან პირდაპირად ვაფასობთ წარმომადგენელს, კერძოდ სპეციალურ შეხამებებს განმარტული "ივ" -ის უნიკალური მრავალფეროვანი ამრეზების ნიშანსებში, რომლებიც გამოიყენება მხატვრული მნიშვნელობის ერთ-ერთ სტილისტურ საშუალებად.

ON GENITIVE CASE CONSTRUCTIONS WITH THE
SUBSTANTIVE PREPOSITION "ის"

Summary

Analysis of the poetic language of the 20th century enables to assume that the Genitive Case constructions with the substantive preposition are very productive categories, in particular, substantive combinations with the preposition "ის" develops a variety of mental nuances used as one of the stylistic devices of artistic language.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

ЗООГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

Н. П. Колесников

В русском языке, как и в других языках мира, некоторые названия животных (зоономы) используются для образования новых слов, пополняющих его словарный состав. Среди слов, образованных от таких названий, имеются не только существительные (например, КУРЯТНИК, ОБЧАР, СВИНСТВО, РЫБАК, СКВОРЕЧНИК, МЫШЕЛОВКА), прилагательные (ВОРОНОЙ, ЕРШИСТЫЙ, ЕХИДНЫЙ, ГАДКИЙ, ЧЕРВИВЫЙ), наречия (ГУСЬКОМ, ПО-ЖЕРЕБЯЧЬИ, ГАДКО), но и глаголы.

Образование глаголов от названий живых существ, составляющих в совокупности животный мир, происходило в различные периоды существования языка в силу необходимости экономно обозначить определенное действие, прямо или косвенно связанное с тем живым существом, название которого используется для образования нового слова. Поясним это на примере.

От слова "мышь" ("мышка") для обозначения действий лисы, охотящейся на мышей, образован глагол "мышковать", вобравший в себя целое выражение "охотиться на мышей". Вот как описывает процесс мышкования А. Н. Толстой в трилогии "Хождение по мукам": "Сапожков... прочел доклад о происхождении театра вообще, где доказал, что театр свойствен даже некоторым птицам и животным, например, лисице, которая "мышкует", то есть поймает мышь и

* Доклад прочитан на научной конференции ТГУ, посвященной 60-ой годовщине Великой Октябрьской революции, 31 мая 1977 г.

устраивает с ней перед лисенятами настоящее представление: и подпрыгивает, и навзничь опрокидывается, и ходит на лапках, крутит хвостом..."

Без затруднения образуются глаголы ВОЛКОВАТЬ /"охотиться на волков"/, ЛISOBAТЬ /"охотиться на лис"/, БЕЛКОВАТЬ /"охотиться на белку"/. Но в силу каких-то причин нет глаголов "зайцевать" или "кабановать", хотя заяц и кабан, подобно лисе, волку и белке, являются типичными обитателями тех географических областей, где издавна живут русские, охотящиеся на этих животных.

Всегда ли глаголы, образованные по одному и тому же образцу, т.е. при помощи одних и тех же приставок и суффиксов, но от разных корней, выражают одно и то же действие?

Для ответа на вопрос обратимся к глаголам ОТЕЛИТЬСЯ, ОЯГНИТЬСЯ, ОЩЕНИТЬСЯ, ОЖЕРЕБИТЬСЯ, ОПОРОСИТЬСЯ. Все они имеют одно общее значение – родить детеныша /теленка, ягненка, порося и т.д./. Но вот мы сталкиваемся с глаголами ОЗВЕРИТЬСЯ, ОКРЫСИТЬСЯ, ОСОБАЧИТЬСЯ. Они имеют значение, совершенно не связанное с произведением на свет потомства: ОЗВЕРИТЬСЯ значит прийти в бешенство, озвереть; ОКРЫСИТЬСЯ – разозлиться, злобно наброситься на кого-либо; ОСОБАЧИТЬСЯ – рассердиться на кого-либо. Эти глаголы обозначают отрицательное эмоционально-психическое состояние человека.

Сопоставление глаголов, обозначающих воспроизведение себе подобного, с глаголами аналогичной структуры, образованными от других зоонимов, позволяет отметить разницу в их семантике. Ср. глаголы ШЕНИТЬСЯ, ЖЕРЕБИТЬСЯ, КОТИТЬСЯ с глаголами ЁЖИТЬСЯ, ЗМЕИТЬСЯ, ХОМЯЧИТЬСЯ. Ни один из глаголов последней группы не означает "родить себе подобного" /т.е. ежа, змею, хомяка/.

Каждый из них имеет значение "проявлять одну из особенностей, присущих тому животному, от названия которого образован глагол". **ЕЖИТЬСЯ** – нервно пожимать плечами, сутулиться; **ЗМЕИТЬСЯ** – извиваться, как змея; **ХОМЯЧИТЬСЯ** – прятаться от людей подобно хомяку.

В основе семантики каждого из перечисленных глаголов лежит одно из свойств, качеств, признаков, особенностей, характерных для того животного, от названия которого образован глагол.

Как видим, часть животных обладает каким-то определенными качествами или признаками, объективно им присущими /хомяк прячется от людей, змея ползет извиваясь, ёж свертывается в клубок и так далее/. Другая часть животных объективно не обладает теми признаками, которые приписываются им фантазией человека. Лиса, например, не так хитра, как это отмечается в сказках; осёл не так уж глуп, как мы привыкли считать; бык не такой уж упрямый, как нам это кажется. Однако от их названий образованы глаголы: **ЛИСИТЬ** – хитро льстить, **ОСЛИТЬ** – глупо шутить, **СБЫЧИТЬСЯ** – наклонив голову, принять угрюмый вид.

Некоторые из глаголов, образованных от зоонимов, настолько малоупотребительны, что даже не включаются в современные толковые словари. Их можно найти только в "Толковом словаре живого великорусского языка". Вл. Даля и в словарях народных говоров. Другие глаголы, например, такие, как **ТАРАКАНИЧАТЬ**, **КАБАНИТЬ**, **ОРЛИТЬ**, давно вышли из употребления. Человек, не знакомый с жизнью и бытом дореволюционной России, не сможет даже приблизительно очертить круг предполагаемых значений

этих глаголов.

Прекрасный знаток народной жизни, Владимир Иванович Даль (1801–1872) следующим образом разъясняет их значения: ТАРАКАНИЧАТЬ – морозить тараканов, выбравшись на несколько дней в другую избу и выставив, в мороз, окна. Выражение КАБАНИТЬ УГОЛЬ имеет значение "жечь уголь запрещенным способом, который изводит много лесу". Этот варварский способ заключается в том, что валятся деревья целиком – вместе с комом, листвой и корой. Получается большая куча, похожая на огромного кабана. Все это потом поджигается. Такой способ получения древесного угля давно уже не применяется, в результате чего и термин "кабанить уголь" вышел из употребления. ОРЛИТЬ означает "клеить казенным клеймом с изображением двуглавого орла". После Великой Октябрьской революции царский орел был убран со всех клейм, а вместе с ним перестал употребляться и глагол.

От русских зоонимов образовано около 300 глаголов, которые можно назвать зооглаголами. Вот некоторые зоонимы, от которых образованы зооглаголы /как употребляющиеся ныне, так и давно вышедшие из употребления/: баран, ворона, голубь, еж, жеребёнок, зверь, ишак, конь, лиса, мотылёк, обезьяна, петух, рыба, сокол, таракан, хомяк, червь, щука, ягненок.

Какие структурные элементы слова используются для того, чтобы от зоонимов образовать зооглаголы?

Прежде всего необходимо указать на разнообразие приставок. Приводим некоторые из приставочных глаголов: ЗАЗМЕИТЬСЯ, НАРЫБАЧИТЬ, ОЯДНИТЬСЯ, ОТЖУЧИТЬ, ПЕРЕЁЖИТЬСЯ, ПОСОВЕТЬ, ПРИГОЛУБИТЬ, ПРОВОРНИТЬ, РАСПЛАВИНИТЬСЯ, СЪЁЖИТЬСЯ.

Хотя глагольные суффиксы используются в меньшем количестве, чем приставки, однако именно они играют основную роль в образовании зооглаголов. Наиболее продуктивными суффиксами являются: -И/ТЬ/: БАРАНИТЬ, ПЕТУШИТЬСЯ; -ОВА/ТЬ/: БЕЛКОВАТЬ, ЗВЕРОВАТЬ; -НИЧА/ТЬ/: МОТЫЛЬНИЧАТЬ, ПОПУГАЙНИЧАТЬ; -Е/ТЬ/: ВШИВЕТЬ, ЧИЖЕТЬ.

Что касается такого способа словообразования, как осново-
слоложение, то он используется сравнительно редко: ЗВЕРОЛОВНИ-
ЧАТЬ, КОЗЛОГОЛОСИТЬ, ПТИЦЕВОЛШЕБСТВОВАТЬ, РЫБОЛОВНИЧАТЬ и не-
которые другие.

Среди зоонимов можно отметить как продуктивные, образую-
щие целые семьи однокоренных глаголов, так и менее продуктив-
ные или совершенно непродуктивные. К числу продуктивных зоо-
нимов относятся: рыба /ЗАРЫБАЧИТЬ, ЗАРЫБИТЬ, НАРЫБОЛОВНИЧАТЬ,
ОБРЫБИТЬСЯ, РЫБАЛИТЬ, РЫБНИТЬСЯ, РЫБОЛОВИТЬ, РЫБНИЧАТЬ, РЫБАЧ-
НИЧАТЬ и др./, гад, коза, голубь. Только по одному глаголу
дали зоонимы: жаворонок, ишак, кабан, мышь, попугай, щука и
некоторые другие.

Образование зооглагола непосредственно от зоонима, как в
случаях ёж - ЁЖИТЬСЯ, сова - ОСОВЕТЬ, не является обязатель-
ным. Между ними может находиться связующее звено- образован-
ное от зоонима зоосуществительное, от которого затем образу-
ется зооглагол. Процесс образования подобных глаголов можно
представить так: зооним —> зоосуществительное —> зо-
оглагол / ср.: голубь —> голубятня —> голубятничать;
овца —> овчина —> овчинничать/.

К числу зооглаголов могут быть ошибочно отнесены такие
глаголы, которые имеют только внешнее, звуковое сходство с

ними, тогда как этимологически они не связаны с зоонимами.

Вот несколько примеров таких псевдозоонимических глаголов, этимология которых приводится из "Краткого этимологического словаря" Н.М.Шанского, В.В.Иванова, Т.В.Шанской /М., 1971/:

ВЫКАМАРИВАТЬ - от "камаринская пляска", а не от "комар".

ЗУБРИТЬ - от "зуб", а не от зоонима "зубр".

ЛАСКАТЬ - от "ласка" /проявление нежности/, а не от названия животного "ласка".

СУДАЧИТЬ - от "суд", а не от названия рыбы "судак".

Каковы перспективы образования новых глаголов от зоонимов?

Зооглаголы обладают значительной стабильностью и малой проницаемостью. Они чаще выпадают из активного словаря, чем появляются в нем. Мы можем назвать, пожалуй, только два глагола, созданные за последние сто лет и пополнившие группу зооглаголов: ИЩАЧИТЬ и ПРИСОБАЧИТЬСЯ. Они не отмечаются ни В.И. Далем, ни "Толковым словарем русского языка", вышедшим под редакцией проф. Д.Н.Ушакова /1934-1940/. Впервые они приводятся в Большом и Малом академических словарях. Это обстоятельство дает основание полагать, что образование новых глаголов от зоонимов явление редкое, но не невозможное, о чем говорят хотя бы поэтические окказионализмы В.В.Маяковского. Вот некоторые из них: ГОЛОВАСТИТЬ /от зоонима "головастик"/, РАЗМЕДВЕДИТЬ /от "медведь"/, МЫШИТЬСЯ /от "мышь"/, ВЫТЕЛИТЬ /от "теленка"/. А от зоонима "змея" он образовал даже четыре глагола: ИЗЗМЕИТЬ, ЗМЕЙНУТЬ, ОТЗМЕИТЬСЯ, ВЫЗМЕИТЬ.

Все известные нам зооглаголы могут быть объединены в несколько семантических групп. Наиболее крупными из них являются

ся следующие:

1. Глаголы, содержащие в себе указание на один из характерных признаков того животного, от названия которого они образованы. Этот признак /свойство, качество, особенность/ приписывается в предложении субъекту действия: ЁЖИТЬСЯ, ЕХИДНИЧАТЬ, КОРОВИТЬСЯ, ЛИСИТЬ, ПАВЛИНИТЬСЯ, ПЕТУШИТЬСЯ и др.

2. Глаголы со значением "произвести /производить/ потомство: ОЖЕРЕБИТЬСЯ, /ЖЕРЕБИТЬСЯ/, ЯГНИТЬСЯ, ОКОЗИТЬСЯ, ОПОРОСИТЬСЯ, ОЗАЙЧИТЬСЯ, ЧЕРВИТЬ и др.

3. Глаголы со значением "охотиться на животное, от названия которого образован глагол": БЕЛКОВАТЬ, МЫШКОВАТЬ, КОЗОВАТЬ, ПЕРЕПЕЛЯТНИЧАТЬ, РАЧИТЬ, СКВОРЕЧНИЧАТЬ, РЫБАЛИТЬ и др.

4. Глаголы, указывающие на профессию или постоянное занятие человека /ловля, разведение, продажа тех животных, от названия которых образован глагол/: БЫЧНИЧАТЬ, ГОЛУБЯТНИЧАТЬ, ГУСЯТНИЧАТЬ, ПТИЧНИЧАТЬ, РЫБОЛОВНИЧАТЬ, ТЕЛЯТНИЧАТЬ и др.

5. Глаголы со значением "окрашивать /окрашиваться/ в цвет того животного, от названия которого образован глагол": ВОРОНИТЬ, ГОЛУБИТЬ, ЗАЛИСЕТЬ, ЧЕРВЛЕНЕТЬ.

Особо выделяем такие глаголы с разнообразным семантическим наполнением, которые могут представлять интерес для этно- и социолингвистики, поскольку их употребление связано с условиями жизни и быта русского народа в далеком прошлом. Например: КАБАНИТЬ - жечь уголь запрещенным способом.

КОНОВАЛИТЬ - заниматься лечением лошадей, не имея ветеринарного образования.

КОНОВОДИТЬ - 1. Присматривать за лошадьми спешившихся
всадников. 2. Красть лошадей.

КОШКОДЕРНИЧАТЬ - обдирать кошек.

ОБРЫБИТЬСЯ - 1. Поймав первую рыбу, положить начало улову.
2. перен. Пожиться на чём-либо.

ОВЧИННИЧАТЬ - заниматься изготовлением овчин.

ПТИЦЕВОЛШЕБСТВОВАТЬ - гадать по полету птиц.

СОКОЛЬНИЧАТЬ - держать ловчих птиц.

Из перечисленных глаголов только три /коновалить, коноводить и обрыбиться/ отмечены в Большом академическом словаре /Г7-томнике/. Многие глаголы теперь уже не употребляются, так как после Октябрьской революции были ликвидированы те социально-экономические и общественно-политические условия, в которых они могли функционировать.

Что касается глаголов первых пяти групп, то большая их часть продолжает употребляться как в разговорной речи, так и в литературном языке, о чем может свидетельствовать хотя бы лингвистическая шутка Феликса Кривина "В мире животных", насыщенная зооглаголами /приводим полностью/.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Змеилась речка в тишине,
Плетя витки излучин,
А там, на самой глубине
Сом двух сомёнок жучил.
Вдали темнели берега,
Ершился лес на склоне...
И кот, окрысаясь на щенка,

Мышонка проворонил.
Слонялся черный таракан,
Сазан с лещом судачил,
И, как всегда, ослил баран,
Что конь весь день ишачил.
И каждый крик, и писк, и чох
Сулил в делах удачу:

Там выкамаривал сверчок, Кто был самим собою.
 А там бычок свинячил, Их всех укрыла ночи тенью
 Там рыскал по стене паук И малых и великих.
 За мухами вдогонку, И как ни петушился день,
 Там шли, охрюкав все вокруг, Но съёжился и сник он.
 Гуськом три поросёнка. И звезды счастья и любви
 Но всяк старался за двоих, Зажглись над миром снова...
 И разбирать не стоит - От них совели соловьи
 Кто обезьянничал из них, И соловели совы.

Прием столкновения зоонимов и зоонимичных глаголов, использованный Ф.Кривиним /ср.: баран ОСЛИЛ, конь ИПАЧИЛ, соловей СОВЕЛ и др./, производят на читателя комическое впечатление, к чему и стремился автор, создавая эту лингвистическую миниатюру.

В заключение коснемся вопроса о том, как соотносятся зооглаголы разных языков.

Если, например, во французском языке от зоонимов "змея" / serpent /, "обезьяна" / singe / образуются глаголы, соответствующие русским ЗМЕИТЬСЯ / serpenter /, ОБЕЗЬЯННИЧАТЬ / singer /, то от "петух" / coq /, "крыса" / rat /, "ёж" / hérisson /, "ёрш" / grémille / такие глаголы не образуются. Они могут заменяться /переводиться/ словосочетаниями: ПЕТУШИТЬСЯ - monter sur ses ergots /дословно: "подниматься на свои шпоры"/, ОКРЫСИТЬСЯ - monter les dents /дословно: "показывать зубы"/ или не быть этимологически связанными с зоонимом: ЁЖИТЬСЯ - se pelotonner, или образуют зооглагол, который имеет значение, не соответствующее русскому зоогла-

году: от зоонима соq /"петух"/ образован зооглагол
coqueter , что означает "кокетничать", а не "пету-
шиться", или вовсе не имеет перевода: при слове "ершиться"
в русско-французском словаре под редакцией Л.В.Шербы дается
ссылка: "см. ерепениться ", которое переводится как regimber,
rouspeter . По-видимому, подобные явления при переводе наб-
людаются и в других языках.

Поступила 25.X.1977

Кафедра
русского языка № 2

Ե. Կոլեսնիկով

ՅՈՒՐԱԿԱՆԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

ՅՈՒՐԱԿԱՆԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ /ՅԵՌՄԱՆԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ/ ՈՂՇՅՅՈՒՄ ԸՆԴՈՒՄ
ՈՆՏՈՒՄ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՍԱԴԱՐՈՒՄԸՆԴՈՒՄ, ՌՈՒՄԸՆԴՈՒՄ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ
ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ /рыба - рыбачить, змея - змеиться, щенок - оценить /.

ՅՈՒՐԱԿԱՆԱԿԱՆ ՌԱՊՈՐՏԻՆԸ ՌՄԱՍՏՐ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ /ՍԱԴԱՆԱ-
ԿԱՆՈՒԹՅԱՆ, ՈՂՇ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ՈՒ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ՍԵՄԱՆՏԻԿԱԿԱՆ,
ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԵՎ ՄԵՆԸՆԴՈՒՄ ԵՎ
ՍԵՄԱՆՏԻԿԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ .

N.Kolesnikov

'ANIMAL-DERIVED' VERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary

Some animal names form the basis for the derivation of verbs that may be called 'animal-derived' verbs (fish-to fish, snake-to snake, pup-to pup).

The number of 'animal-derived' verbs - widely used in speech and forming a number of semantic groups - in Russian is not large (about 300); it is stable and very few new words are added,

თბილისის შრომის წითელი პრობის ორგანიზაციის საბავშვო განყოფილება

უნივერსიტეტის შრომები

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ I

Э.Л.Кремер

В связи с современной тенденцией в языкознании четко разграничить синхронический и диахронический аспекты исследования и преимущественным интересом к синхронии, работы, посвященные семантической и синтаксической сочетаемости глагола, касаются главным образом современного русского языка, а между тем, изучение развития отношений между словами может пролить свет на многие неясные моменты современной теории валентностей. История становления и изменения связей (семантических, лексических, синтаксических) между словами – задача сложная, требующая усилий многих исследователей. Мы ограничимся сопоставлением двух синхронных срезов русского литературного языка, разделенных веками. Это – язык Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи (в дальнейшем ПВЛ) и современный русский литературный язык.

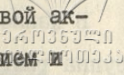
Мы не изучаем, следовательно, сам процесс изменения, а констатируем лишь результат. Такой метод исследования оправдан тем, что позволяет обобщить результаты изменения и тем самым выделить определенные типы изменения в связях глагола.

I. Доложено на Научной конференции филологического факультета ТГУ в 1975 году. См.: Материалы научной конференции, Тбилиси, 1975, стр.163.

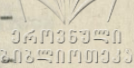
В данной статье рассматривается глагол блости и группа глаголов, связанных с ним парадигматически. Среди парадигматических связей мы выбрали отношения синонимические и эпидигматические. Прежде чем перейти непосредственно к анализу выбранной нами группы глаголов, остановимся кратко на понятии "эпидигматические отношения" ([1], 191), т.е. отношения деривации как лексической, так и семантической, или иначе, связь по вторичной мотивированности. Как известно, связь значения слова с его звуковой оболочкой произвольна в смысле отсутствия "естественной "примарной" мотивированности знаков и их связи с обозначаемыми в знаковых комплексах" ([2], 138), но существует так называемая вторичная мотивированность для новых значений уже существующих слов (при семантической деривации) и для новых слов, образованных от имеющихся в языке основ при помощи существующих в языке морфем (при лексической деривации). Так, например, вторичной мотивированностью в языке ПВЛ связаны значения глаголов разбежнутся, пребегати, избежнути с глаголом бечи, ибо все они модифицируют основное номинативное значение бечи. Вторичной мотивированностью связано с основным номинативным также номинативно-производное значение глагола бечи = спастись бегством, отступить. И уже с этим номинативно-производным все той же вторичной мотивированностью связаны глаголы избечи, выбечи в значении "спасаясь бегством, бежать из", прибечи в значении "спасаясь бегством, прибыть", вбечи в значении "спасаясь бегством, укрыться в" и др.

Изучая семантику древнерусских слов, исследователь дол-

жен помнить, что он имеет дело прежде всего с речевой ак-
туализацией этих слов, с контекстным их употреблением:
что данные о семантике слов, как единице языка, можно и
должно, в основном, получить из анализа текста, т.к. текст
это единственная реальность для него. Все остальное – со-
поставление с современной семантикой исследуемых слов, с
их семантикой в родственных языках, привлечение данных ис-
тории, литературы и т.п. – лишь вспомогательные средст-
ва и должны быть использованы с большой осторожностью, т.к.
современные данные иногда могут оказаться ложными друзьями
исследователя (ср., напр., забава – "препятствие, задержка",
забавити – "задержать" в украинском языке XIV–XV вв. и сов-
ременные значения "развлечение, игра" и "позабавить", раз-
влекать" соответственно ([3], 55).

Восстанавливая связи древнерусских слов, мы, естествен-
но, исходим из "поведения" данного слова в тексте ПВЛ из его
речевого употребления, что не может не обусловить в некото-
рых случаях различий с его языковым значением. Этим же об-
стоятельством объясняется, что объединяя глаголы в синоними-
ческие ряды, мы руководствуемся принципом речевой нейтрали-
зации их языковых различий.

Глагол блюсти в языке ПВЛ входит в несколько синоними-
ческих рядов (СР): 1) в значении "беречь = оберегать, за-
ботиться" он входит в синонимический ряд; блюсти, печися
(Кде есть конь мой, его же бех поставил кормити и блюсти
его-912/29 [4]; не печется муж ея о дому своем-980/57);
2) в значении "беречь-охранять" он входит в СР: блюсти,

соблюдать, хранити (тн, княже, чюжея земли ищепи и блю - деши, а своя ся охабив, малы бо нас не взяша печенези 968/48; феодосъевыми молитвами соблюдаеми - 1074/131;

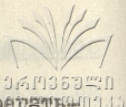
Да входят в город... муж 50, и да творят куплю... и паки да исходят; и муж царства нашего да хранит я...-945/36); 3) в значении "беречь-щадить" анализируемый глагол объединяется в СР блюсти, щадить (не блюда живота своего, ни щади головы-1096/162); 4) в значении "стеречь" блюсти объединяется в СР с глаголами стеречи и хранити (видиши, княже, людье взвыли; послѣ ат Всеслава блюдут - 1068/114; И посадиша и в двор ... и приставиша 30 муж стеречи - 1097/173; Аще ли без грамоты придут и преданы будут нам, да держим и храним, донде же возвестим князю вашему-945/35).

Следует отметить, что наш принцип выделения значений, основывающийся на способности глагола сближаться с другими глаголами при реализации данного значения, обусловил различия в толковании семантического объема глагола блюсти, приведенном выше и данном в словарях древнерусского и старославянского языка (см.: И.И.Срезневский "Материалы для словаря древнерусского языка; "Словарь русского языка XI-XVII вв. Slovník jazyka staroslověnského, Praha, 1959).

Глаголы соблюсти и сохранити выражали значение "уберечь (от)" (дабы мя бог соблюд от всякого зла - 955/44; молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сети неприязнены - 955/44).

Это значение очень близко к основному номинативному значению глагола блюсти, но в отличие от него содержит намек на то, что надо оберегать конкретно от какой-то опас-

ности, что и проявляется в модели $\Gamma+C_4+отC_2$.

Возвратная форма блустися имеет значение "остерегаться", это не просто "блустя + возвратность", это новое значение, развившееся на основе основного номинативного значения глагола блустя. В данном значении блустися сближается с хранитися (Ови бо попове одином женом оженився служат, а друзии до 7-ми жен поймаюче служат, их же блустися ученья-988/80; Ти бо суть волци, а не овца, яже достоит от плода знати я и хранитися их-898/22).

Все глаголы, рассмотренные выше, объединены определенными отношениями. Непосредственная связь между ними обнаруживается, если глаголы связаны друг с другом синонимическими или эпидигматическими отношениями (глаголы блустя, стеречи, хранити при выражении ими значения "сторожить", с одной стороны, глаголы блустя, соблустя, блустися, соблудати, с другой, и разные значения глагола блустя, с третьей). Но между глаголами может быть и опосредованная связь. Дело в том, что один и тот же глагол, если он полисемичен, является членом разных синонимических рядов. Так, глагол блустя, как мы видели выше, является членом четырех синонимических рядов, глаголы соблустя, хранити и сохранити - двух. Такие глаголы можно назвать стержневыми для двух, трех... синонимических рядов. Глаголы разных синонимических рядов с одним стержневым глаголом связаны с ним непосредственной связью, друг с другом же они связаны через стержневой глагол. Таковую связь можно назвать опосредованной. Из рассмотренных глаголов опосредованно связаны друг с другом

падать, печися, хранити, стеречи (через блюсти, т.к. каждый из них в отдельности связан с блюсти непосредственно). Что мы понимаем под опосредованной связью? Если глаголы печися и блюсти, с одной стороны, блюсти и хранити, с другой, связаны друг с другом выражением одного (или близкого значения), то не могут печися и хранити не иметь каких-то общих семантических точек соприкосновения, ибо они выражают то же, что и разные значения глагола блюсти, а что разные значения одного слова не теряют общего семантического стержня, иначе они бы распались на отдельные слова, это аксиома. В данном случае опосредованную связь указанных выше глаголов легко обнаружить, сопоставив выражаемые ими значения: заботиться (блюсти, печися) и охранять (блюсти, хранити). Таким образом все рассмотренные глаголы объединяются в единую семантическую цепь, в которой глаголы связаны непосредственной или опосредованной связью.

Перейдем теперь к валентным связям анализируемых глаголов.

Глагол блюсти в древнерусском языке был двухвалентным синтаксически: для реализации его значений должны были быть заполнены два пустых места: субъекта и объекта действия. Клетка субъекта действия, как это вообще свойственно языкам номинативного строя, заполнялась именем в именительном падеже. Что же касается клетки объекта действия, то она заполнялась как именем в винительном, так и именем в родительном падеже. Следовательно, синтаксическую валентность глагола блюсти в ПВД можно представить в схеме $C_1 + \Gamma + C_4 // C_2$.

Перейдем теперь к современному русскому литературному языку. В толковании данного слова современные толковники варьируются: в словарях под ред. Ушакова (далее - СУ) и Ожегова (далее - СО) приведено одно значение данного глагола ("беречь, охранять") и сопровождается он стилистическими пометами устар. (СУ) и книж. (СО). В Большом академическом словаре в 17 томах (БАС) приводятся 3 значения данного глагола: 1) "зорко, тщательно охранять оберегать; поддерживать порядок, управлять". 2) "наблюдать, следить, смотреть". 3) "соблюдать, выполнять". Малый академический словарь (МАС) объединяет в одно 1 и 3 значения БАСа, формулируя его следующим образом: "соблюдать, охранять, беречь". Второе значение в МАСе и БАСе совпадают. Что касается стилистических помет, то пометой устар. в обоих словарях снабжено именно данное значение - "наблюдать, следить, смотреть". Нам это кажется вполне правомерным, ибо вряд ли можно признать устаревшим глагол блюсти в таких выражениях, как "блюсти дисциплину труда", "каждый, даже незаметный человек должен блюсти свое достоинство" (примеры из МАСа). **Итак**, в современном литературном языке блюсти - живой глагол, быть может, однако, с некоторой окраской литературности, книжности.

Что же касается синтаксической валентности, то второй актант потерял свойство вариативности: в современном русском языке он имеет форму только винительного падежа, следовательно, схема синтаксической валентности изменилась

$$C_1 + Г + C_4 // C_2 > C_1 + Г + C_4.$$

Причину изменения синтаксической валентности следует искать, как нам кажется, в сужении семантического объема глагола блюсти. В сущности, его живыми значениями в современном русском литературном языке являются: 1) "беречь, охранять"; 2) "соблюдать" (БАС). Избыточность форм, заполняющих место второго актанта, объяснимая многозначностью глагола в древнерусском языке, становится явно ненужной при сведении семантического объема глагола к двум значениям, притом настолько близким, что в МАСе они даже объединены в одно. Далее, снимается именно вариант C_2 , т.к. в языке винительный объекта категория, несомненно, гораздо более сильная, чем родительный объекта, который закрепился лишь за некоторыми специальными случаями (выражение объекта, подвергающегося действию частично, объекта временного использования и т.д.); возможно, если бы сохранилось значение "щадить", реализуемое в конструкции $S+T+C_2$, синтаксическая валентность не изменилась бы, но именно это значение утратилось, а в остальных второй актант имел форму винительного падежа, либо мог иметь варианты C_4/C_2 .

Сужение семантического объема глагола, несомненно, должно было отразиться и на его семантической валентности. Утрата значения "беречь, щадить" привела к утрате сочетаемости с существительными жизнь, голова в значении "себя" (Ср. др.русск.: Тобе, княже, достоит блюсти головы своее - IO97/I72). Утрата значения "сторожить" привела к утрате сочетаемости с существительными, обозначающими лицо, в позиции объекта. (Ср. др.русск.: Видиши, княже, людье взвыли;

посли, ат Всеслава блюдут - I068/II4).

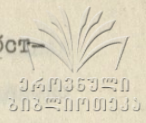
Кроме сужения семантического объема блюсти за счёт утраты ряда значений, анализируемый глагол изменил и основное номинативное значение. Изменение это, собственно говоря, касается не сути самого значения, а области его приложения. (Ср. современное: блюсти интересы государства и др.-русск.: отсела имемся в едино сердце, и блюдем русские земли - I097/I70). Утратилась способность сочетаться с существительными, обозначающими конкретные явления действительности, что стоит в связи с абстрактизацией, если так можно выразиться, сферы приложения основного номинативного значения глагола блюсти. В связи с этим стоит и невозможность для данного глагола сочетаться с существительными одушевленными. (Ср. др.-русск.: Кде есть конь мой, его же бех поставил кормити и блюсти его? - 9I2/29).

Изменение семантической валентности можно представить в следующей схеме: ПВЛ - С лица + блюсти + С лица // С одуш. // С неод.конкр. Совр.русск.яз.: С лица + блюсти + С неод.отвл.

Как видим, уменьшение семантического объема глагола блюсти привело не только к сокращению вариативности второго актанта, но и к сокращению семантической валентности: вместо трех семантических групп при глаголе возможна только одна (утрачивается сочетаемость с существ.одушевл. и сущ. лица).

Некоторый сдвиг в основном номинативном значении глагола блюсти вызывает, кроме того, изменения в сочетаемости с существительными неодушевленными: вместо конкретных

существительных пустая клетка II актанта заполняется абстрактными существительными.

Перейдем к другим глагола .

Как было сказано, синонимом блести в одном из его значений является печися (пещися). Этот глагол и в современном русском литературном языке сохранил значение "беречь, заботиться". И оно - единственное его значение. Правда, в БАСе данное значение объединяется с двумя другими значениями и приводится в одной словарной статье. Значения эти следующие : 1) "подвергаясь прокаливанию на огне, горячих угольях и т.п., становится годным для употребления в пищу"; 2) "сильно греться на солнце, подвергаться действию жары, солнечных лучей". Но гораздо более правильным представляется нам точка зрения других толковых словарей: и СУ, и СО, и МАС признают наличие омонимов: печься¹ и печься². Печься² как раз и выражает то значение, которое уже в древности были синонимичными глаголу блести.

Следовательно, в семантическом объеме глагола печься, по сравнению с языком ПВІ, изменений не произошло, чего нельзя сказать о синтаксической валентности глагола. И данный глагол обладал свойством каузировать заполнение места второго актанта вариантными формами. (Ср.: печашеся о душах их-І09І/І39; Князь же... обещаша пещися монастырем - І074/І25). Схема синтаксической валентности данного глагола может быть представлена в виде $C_I + \Gamma + Co_6 // C_5$. В современном русском языке отсутствует вариантность второго актанта. Что касается семантической валентности, то здесь изме-

нений нет: второй актант может обозначать то, о чем заботят-
ся, и никаких ограничений ни семантических, ни лексических
здесь нет.

Следовательно, в истории данного слова, если исходить из данных ПВЛ, мы имеем сокращение синтаксической валентности при сохранении семантического объема. Однако это не так. Данные словаря Срезневского и Slovník-a говорят о том, что в древнерусском языке это слово означало также и "скорбеть", а это даёт основание говорить, что и в данном случае сужение семантического объема и снятие вариантности в синтаксической валентности происходят совместно в истории одного и того же слова.

Синонимами блюсти в значении "беречь, охранять" в ПВЛ являлись, как было сказано выше, глаголы соблюдать и хранить. Синтаксическая валентность глагола соблюдать была той же, что и в современном русском языке ($C_I + I + C_4$). Что касается семантической валентности, то глагол соблюдать, изменив анализируемое значение в том же направлении, что и блюсти, также сократил семантическую валентность, утратив способность заполнять место второго актанта существительными лица и одушевленными существительными. (Ср.: И Феодосьевыми молитвами сблюдаеми... — I074/I31 = "Феодосьевы молитвы оберегают, охраняют нас" и соблюдать интересы государства). Глагол хранить в этом значении яркое свидетельство того, как трудно порой объяснить изменения в употреблении того или иного слова. Так, в языке ПВЛ данный глагол имел, как указывалось, значение "оберегать, охранять". То же значение в современном русском литературном языке выделяют все толковые

словари, кроме СО. Но сравним примеры:

СУ - Храни меня, мой талисман (Пушк.). Судьба Евгения хранила (Пушк.). Храни селенье, лес и дикий садик мой (Пушк.).
БАС - Тебя молю, мой добрый домовой, Храни селенье, лес и дикий садик мой (Пушк.). Я лгать не стану, жизнь свою храня (Дерм.). Все люди русские хранили Его, чтоб был он невредим (Симон.).

МАС - Судьбой и случаем храним Трудился долго он (Некр.). А дитя свое я обязана хранить... и больно мне видеть как отравляют душу её смертной тоской (Горьк.).

Если сравнить со всеми этими примерами приведенный выше отрывок из ПВЛ (Да входят в город... муж 50, и да творят куплю... и паки да исходят; и муж царства нашего да хранит я), то увидим, что древнерусское употребление анализируемого глагола чуждо современному русскому языку, хотя значение толкуется одинаково. Да, пожалуй, так и есть: значение одно у данного глагола и в языке ПВЛ, и в современном литературном языке. А различие все-таки ощущается. Но в чем? Как будто в некоторой временной определенности и конкретной определенности древнерусского употребления. Как видим, это различие связано с различием в значении, однако оно не проявляется непосредственно в изменении валентности - ни синтаксической, ни семантической. Для того, чтобы уяснить себе изменения в данном значении глагола хранить, следует остановиться на других значениях данного глагола, реализующихся в ПВЛ. Одно из них - "сторожить" (примеры см. выше). Другое - "беречь - не разрушать, не изменять, оставить в прежней силе"

(Тако же и вы, греки, да храните тако же любовь ко князем нашим - 912/26). Объединяясь в одном слове, различные значения имеют общее, объединяющее их ядро - внутреннюю форму каждого отдельного значения.

Значение "оберегать" глагола хранить внутренней формой было связано как с значением "сторожить" (сторожить - охранять - оберегать), так и с значением "беречь = не разрушать" (беречь, не разрушать, сохранять - оберегать от разрушения - оберегать). В развитии лексико-семантической системы языка семантический объем глагола хранить сузился за счет исчезновения значения "сторожить". Исчезновение данного значения обеднило, с одной стороны, внутреннюю форму значения "оберегать", стерев в ней то, что связывалось с "сторожить", а с другой стороны, теснее облизало с значением "беречь = не разрушать". Именно эти изменения во внутренней форме значения "оберегать" и сделало невозможным, на наш взгляд, употребление глагола хранить в контекстах, подобных приведенному выше из ПВЛ.

Значение - "убережь от какой-либо опасности" выразилось, как было сказано выше, глаголами соблюсти и сохранить. Первый из этих глаголов обладает в ПВЛ большей частотностью. Оба глагола реализуют данное значение в одинаковой модели, обнаруживая одинаковую синтаксическую валентность: $S_1 + \Gamma + S_4 +$ от S_2 . Что касается семантической валентности, то первым актантом являются слова одного семантического поля - бог, святые, богородица. Вторым актантом - существительные лица, а третьим - существительные, обозначающие то, от чего обе-

регают, т.е. нечто опасное, отрицательное. Так, например, второй актант при глаголе соблюсти в ПВЛ выражается существительными "беда, враг, зло, пленение..."

В современном русском литературном языке соблюсти утратил данное значение, следовательно, глагол утратил связанную с ним синтаксическую и семантическую валентность.

Глаголы блюстись и храниться имеются и в древнерусском языке, и в современном русском литературном языке, но нам кажется, переемственности между ними нет. Скорее всего семантический объем современных глаголов блюстись и храниться складывался вне зависимости от древних соответствующих глаголов, но зато в прямой зависимости от невозвратных блюсти и хранить. К такому заключению приводит нас абсолютное отсутствие связи современных значений глаголов блюсти и храниться с значением "остерегаться", которое было свойственно им в древности и которое разбиралось нами выше. Поэтому, хотя мы и имеем различную синтаксическую валентность в древнерусском и современном русском языках, но говорить о каком-либо изменении в данном случае не приходится.

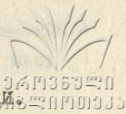
И в заключение несколько слов об изменениях в связях между глаголами, установленных нами для них в языке ПВЛ. Эти изменения можно охарактеризовать кратко: цепь распалась. Из всех глаголов непосредственной связью по линии синонимии связаны только глаголы блюсти и соблюдать, т.к. они в современном русском литературном языке имеют одно и то же значение. Эпидигматические отношения сохранились между отдельными значениями полисемичного слова и между

дериватами, но они не объединяют анализируемые глаголы в одно целое. Итак, связи распались, но это не значит, что рассмотренные глаголы остались в изоляции, так сказать, вне синонимических связей. Просто каждый из них связан теперь с другими глаголами. Так, глагол блюсти непосредственно связан с соблюдать, следовать, придерживаться, поскольку образует с ним СР. Через глаголы придерживаться и следовать, из которых каждый является стержневым для двух СР, блюсти связывается опосредованно с глаголами держаться и вытекать. Точно так же и остальные глаголы нашли свое место в глагольной синонимической системе современного русского языка.

Как показывают наши наблюдения, основная масса глагольной синонимии современного русского языка создает лексико-семантическую сеть, узелки которой связываются непосредственно либо синонимически, либо эпидигматически. С этой точки зрения нами проанализирована также глагольная система ПВЛ, и вывод получился очень интересный: подавляющая часть глаголов, аналогично современному литературному языку, объединена в одно целое. Однако проблема лексико-семантической непрерывности синонимических рядов требует отдельного рассмотрения, ограничимся поэтому этими беглыми замечаниями.

Поступила 20.X.1977

Кафедра
русского языка № I

1. Д.Н.Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
2. В.М.Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
3. Л.Л.Гумецкая. К вопросу об определении значения слова в словаре староукраинского языка XIV-XV вв. Сб. Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков, М., 1974.
4. Здесь и дальше цитаты из Повести временных лет, М.-Л., 1950. Первая цифра означает год, под которым в летописи приводится данное сообщение, вторая страницу. Орфография приближена к современной.

3. კრებები

გინის სინტაქსური და სემანტიკური კავშირის
 ცვლილებების საინტერესო რუკა ეხება

რეზიუმე

მრჩაში განხილულია ძველი რუსული ენის გინის სემანტიკური სტრუქტურა თანამედროვე რუსულის შესაფერის გინის სემანტიკასთან შედარებით. განალიზებულია ეს გინები მათი სინტაქსური და სემანტიკური ვარიეტეტის შეფერის თვალსაზრისით. აღგვიჩინა, რომ ვარიეტეტის შეფერა დაკავშირებულია სინტაქსური მოცულობის შეფერასთან.

ZUR VALENZBEZIEHUNGEN DER VERBEN IM
RUSSISCHEN

Zusammenfassung

Die semantische Struktur von zehn alt-russischen Verben wird untersucht und mit den entsprechenden Verben in der modernen russischen Sprache verglichen. Die Verben werden vom Standpunkt der lexikalisch-semantischen und Valenzbeziehungen, die durch die Semantik des Wortes bedingt sind, untersucht und beschrieben.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

СИНТАКСИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ
И ИХ СИНОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

(на материале толковых словарей советской эпохи)

М.Э.Курдиани

Несмотря на ряд интересных статей о типах лексического значения слова, вопрос этот продолжает быть малоисследованным. Анализу подвергаются в основном фразеологически связанные значения. Грамматически обусловленные значения остаются вне поля зрения исследователей.

Особо важным для лингвиста представляется выяснение специфики грамматически связанных значений отдельных частей речи.

Данная работа является обобщением некоторых наших наблюдений над синтаксически связанными значениями глагола.

Поскольку современные толковые словари в большинстве случаев правильно отражают грамматически связанные значения, в качестве материала исследования использован "Словарь современного русского языка" в 17 томах, изд-ние АН СССР.*

§ I. Характеризуя типы лексических значений, В.В.Виноградов выделил среди них два грамматически ограниченных значения слов: синтаксически обусловленные и конструктивно обусловленные [2]. К синтаксически обусловленным значениям он отнес такие значения слов, которые в предложении употребля-

* Цитаты из художественных произведений приводятся по этому словарю и по данным Словарной картотеки АН СССР (Ленинград).

ются в функции только одного члена предложения. "Функцио-
нально-синтаксически ограниченное значение качественно от-
личается от всех других типов значений тем, что синтакси-
ческие свойства слова как члена предложения здесь как бы
включены в его семантическую характеристику" ([2], 24).

Функционально-синтаксически ограниченные значения
свойственны главным образом именам существительным, прила-
гательным (особенно их кратким формам), а также наречиям,
которые переходят в этих условиях в категорию состояния.
Однако несомненно, что и в системе глагола развивается
близкий тип предикативно-характеристических, определитель-
ных значений.

Эти значения обычно выступают в формах несовершенного
вида и связаны с ограничением не только видовых, но и мо-
дальных возможностей употребления соответствующего глагола.
Например: Окна выходят в сад; Начинание молодых исследова-
телей заслуживает всяческого поощрения; Дело стоит внимания;
Один стоит семерых и т.д.

Гораздо более сложной, далеко выходящей за пределы прост-
той соотносительности с тремя типами лексических значений
слова - значений свободных, фразеологически связанных и
функционально-синтаксически ограниченных (или закрепленных) -
является сфера значений, конструктивно организованных или
конструктивно обусловленных. Многие лексические значения
слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости
этих слов с другими словами. При этом данные формы сочета-
емости зависят не только от принадлежности слов к тем или

иным грамматическим категориям (например, глаголов к категории переходности), но и от связи этих слов с такими семантическими группами, которые обладают устойчивым типом конструкции. Ведь структура некоторых типов словосочетаний обусловлена принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию. Например, немногочисленный ряд глаголов внутреннего состояния, эмоционального и волевого переживания — плакаться, сетовать, жаловаться и некоторые другие — выражает свое значение обычно в сочетании с предлогом на и формой винительного падежа существительного, обозначающего объект соответствующего состояния или переживания. Так, прямое номинативное значение глагола плакаться (как и его синонимов, с помощью которых оно определяется, — жаловаться, сетовать) конструктивно обусловлено: плакаться на что-нибудь — на свою судьбу, на свои несчастья.

Однако фразеологическая связанность вовсе не обязательна для конструктивно обусловленного значения. Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм их синтаксических сочетаний. Например, глагол разобраться, кроме своего прямого значения "привести в порядок, разобрать свои вещи", имеет конструктивно обусловленное значение: разобраться в ком-чем — "в результате опыта, наблюдений хорошо понять" (разобраться

в вопросе, в обстоятельствах дела, в своеобразии чье-
-нибудь характера и т.п.). Реализация данного значения
невозможна вне зависимости от соответствующей конструк-
ции. Лексическое значение слова тесно, органически связано
с данным способом его семантико-синтаксического раскрытия.
Ср. также : состоять в чем-нибудь, выражаться в чем-нибудь;
отозваться и отозваться на что, отозваться о ком-чем ("с
особым сочувствием отозвался о Соломине" (Тургенев, Новь);
отозваться на чем-нибудь ("сказаться, отразиться": Долгая
ночная работа вредно отозвалась на здоровье).

Признание конструктивной обусловленности многих зна-
чений основано совсем не на тех соображениях, которые по-
буждали акад. Л.В.Шербу даже всякий переходный глагол рас-
сматривать как "строевой" элемент грамматики, как форму
связи между субъектом и объектом действия. Есть различие
между лексическими значениями тех слов, которые по законам
грамматики русского языка конкретизируют свое содержание
соответственно принадлежности к той или иной грам-
матической или лексико-грамматической категории (например:
купить что-нибудь, производство чего-нибудь), и между кон-
структивно обусловленными значениями тех слов, в которых
сама дифференциация значений всецело зависит от форм их
сочетаемости с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение характеризуется
предметно-смысловой неполнотой его раскрытия в формах са-
мого слова: полностью оно реализуется лишь в свойственной
ему синтаксической конструкции - в сочетании с другими сло-

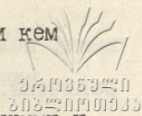
вами, количество и состав которых могут быть ничем не ограничены. Возможная неограниченность связей с другими словами в рамках строго определенной синтаксической конструкции является существенным признаком конструктивно обусловленного значения. И этим признаком оно резко отличается от значения фразеологически связанного, для которого типична замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами.

Конструктивно обусловленное значение может быть признаком обособления омонима от смысловой структуры однозвучного слова. Едва ли возможно поместить в систему значений одного слова все те значения, которые приписываются, например, глаголу обернуться (обернуться лицом к окну и сказочное - обернуться кем-чем или в кого, во что: обернуться волком; бес, обернувшийся в пса и т.д.; ср. оборотень) ([7], 631).

Разные виды конструктивной обусловленности слов могут служить указанием на границы разных значений одного и того же слова и вместе с тем могут быть признаками омонимии. Конструктивная обусловленность бывает свойственна не только свободным номинативным, но и фразеологически связанным и функционально-синтаксически ограниченными значениям слов.

Примером взаимодействия фразеологически связанных значений и строго дифференцированных конструкций может служить слово играть: ср., с одной стороны, играть во что (в карты, в лото, в прятки, в футбол, в шахматы и т.п.) и переносное - играть в чувство, в негодование и т.д. и, с другой стороны, играть на чем (на скрипке, на гитаре, на рояле; ср. также:

играть на бильярде, на нервах); ср. играть чем или кем (жизнью, людьми), играть кого-что, в чем и др.

Российская академия наук
Национальная библиотека
2022010333

Обусловленность значения слова строго определенными и притом ограниченными синтаксическими формами сочетаемости его с другими словами сопровождается своеобразными структурными оттенками лексического значения. Свободное номинативное значение в тех случаях, когда оно конструктивно обусловлено, обычно имеет более ограниченный, узкий характер (ср., например: готовая работа и работа, готовая к печати; интересы (духовные, классовые и т.п.), интерес (общественный), интерес к кому-чему; хлопотать и хлопотать о ком — о чем; предмет и предмет чего (насмешки, иронии, любви и т.д.).

Конструктивная обусловленность фразеологически связанного значения еще теснее замыкает его в рамки немногочисленных фразеологических сочетаний и приводит к распылению, к растворению его семантического ядра в общем целостном значении соответствующих фразеологических единиц. Например: ласкать себя надеждой; броситься в глаза (ср. броситься в лицо, в голову и т.д.).

Таким образом, в системе глагола конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов, способствует дифференциации значений и оттенков слова, а также разграничению омонимов.

§ 2. К грамматически ограниченным значениям слов, выдвинутым В.В.Виноградовым, можно добавить еще следующие виды грамматически ограниченных значений: I) значения, обуслов-

ленные безличным употреблением, 2) значения, обусловленные отрицательным употреблением и 3) значения, обусловленные формами словоизменения. Поскольку первые два из указанных нами значений связаны с синтаксической функцией, с образованием определенных синтаксических конструкций, то их следует объединить вместе со значениями, охарактеризованными В.В.Виноградовым в группе значений, синтаксически обусловленных.

Грамматически ограниченные значения можно подразделить на две группы: значения, морфологически обусловленные, и значения, синтаксически обусловленные. Несмотря на то, что при выделении типов лексических значений слов В.В.Виноградов говорит только о синтаксически ограниченных значениях, он указал на возможность реализации значений слов и в отдельных морфологических формах [1].

Морфологически обусловленные значения должны подразделяться в соответствии с числом форм словоизменения, имеющих отношение к обусловленности значения [3]. Синтаксически обусловленные значения включают: 1) значения, обусловленные способами синтаксической связи; 2) значения, обусловленные функцией члена предложения; 3) значения, обусловленные безличной функцией; 4) значения, обусловленные отрицательной функцией.

Словоизменительные формы слов по своему характеру неоднородны. В качестве признаков, дифференцирующих значение слов, могут выступать морфологические показатели различного характера. Прежде всего, имеются в виду формы слов, связанные с парадигмой частей речи.

У глаголов встречаются значения, ограниченные теми или иными личными формами, формами склонения, в частности, повелительной формой, видовыми формами и т.д.

В качестве смысловых различителей могут выступать и различные грамматические категории, выходящие за пределы парадигматических изменений, например, для прилагательных характерны значения, обусловленные их краткой формой.

Формами синтаксического употребления, выступающими в качестве признаков, ограничивающих значение, кроме указанного В.В.Виноградовым, являются безличные и отрицательные формы слов. Значения глаголов, которые реализуются лишь в безличном употреблении, встречаются очень часто (везет: мальчику везет и мальчик везет сани; темнеет: на дворе темнеет и краска на картине темнеет; шумит: в голове шумит и лес шумит).^ж

Значение, ограниченное отрицательной конструкцией, особенно распространено среди глаголов. Например, глаголы выносить, переносить, переваривать в значении "испытывать влечение, чувство расположения, симпатии к кому-чему-л." /без отрицательной частицы/ не употребляются. Как и предложно-именные сочетания, отрицательные формы слов с его новым значением часто относятся к фразеологическим единицам. Однако если слово приобретает новое зна-

^ж Два последних примера неверно приводятся в академической грамматике в качестве таких случаев, когда безличное употребление не изменяет или почти не изменяет лексического значения слов (Грамматика русского языка АН СССР, т. I, М., 1953, стр. 473).

435920
303:010933

чение в конструкции с отрицанием, то это не свидетельствует о превращении его во фразеологическую единицу. Отрицательные конструкции не выносить, не переваривать, не убудет особо выделены в том разделе "Словаря русского языка" (в четырех томах), где приводится обычно фразеология. Поскольку подобные случаи представляют собой реализацию нового значения слова при условии наличия отрицательной конструкции, то их следовало бы рассматривать в системе значения слова. Аналогичный случай со значением слова терпеть в отрицательной форме в этом же словаре совершенно правильно включается в систему значения слова. Слово в отрицательном употреблении становится фразеологизмом при условии, если все сочетание с отрицанием переосмысливается, например, не беда (неважно, не существенно, пустяки).

Все особенности в лексическом значении слов, которые касаются их грамматического употребления, не нарушают синонимической близости слов. Синонимические отношения между значениями, не имеющими ограничений в грамматическом употреблении, и значениями, грамматически обусловленными, вполне возможны.

Глаголы, формально ограниченные (глаголы, ограниченные формой повелительного наклонения, или формой прошедшего времени, или формой одного коррелятивного вида и др.), при семантической близости с глаголами с полной глагольной парадигмой не выходят за пределы синонимических отношений. Глаголы - синонимы в исходных формах продолжают сохранять синонимические отношения, несмотря на употребление их в

потоке речи в разных грамматических формах. Например, в кругу синонимических отношений с глаголами понадобиться, потребоваться вовлекается глагол сдаться, употребляющийся только в прошедшем времени и в вопросительных конструкциях (кому, зачем, к чему, для чего и т.п.; сдалось что-либо). Так же в одной синонимической группе находятся глагол заянаться и не имеющий формы совершенного вида глагол задаваться, по той причине, что они синонимизируются в формах несовершенного вида (заянаться - задаваться).

Изучение семантических связей и отношений слов с синтаксически ограниченным значением показывает, что они могут быть синонимами к словам, свободно употребляющимся. Так напр. значения глаголов, ограниченные безличным употреблением, могут быть связаны синонимическими отношениями с близкими им по семантике личными глаголами. Например, глагол веять в значении "обдавать дуновением чего-л. (прохлады, тепла, запаха и т.п.)", обычно употребляющийся безлично (От озера веет прохладой; Из сада веяло теплом и запахом цветов), который при этом может быть и личным (Утренний ветерок веет мягкой прохладой (Гончаров, Обрыв, ч. II, гл. I6), синонимичен не только глаголам тянуть, нести со значением, ограниченным безличным употреблением (Тянет прохладой; Несет сырость), но и глаголу дышать, который употребляется только в личной форме (Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины (Лермонтов, Княжна Мери, II-го мая). Таким образом, глагол дышать, употребляющийся только в личной форме, и глаголы тянуть, нести, употребляющиеся только в безличной фор-

ме, выступают в качестве синонимов.

Как уже указывалось, значение глагола может быть обусловлено отрицательным употреблением слова. Например, глаголы доглядеть и досмотреть в значении "присмотреть за кем-, чем-л." употребляются только в отрицательной конструкции. Такое значение очень часто встречается среди фразеологических единиц (не фунт изюму - не пустяк; не по губе кому - не нравится кому-л.). У значений, ограниченных отрицанием, возможны синонимические отношения со словами, не имеющими такого ограничения, потому что они выступают в качестве синонимов в одинаковом отрицательном употреблении (не добиться кого-нибудь - не проникнуть, не попасть; не сказать - не думать, не предполагать, не заключать).

Однако надо оговориться, что глагол может быть в кругу синонимических отношений только с теми глаголами, с которыми он тождествен или близок по значению при условии в обоих случаях отрицания (не тухнуть - не гаснуть, но ср. не гореть - не тухнуть).

Синонимические отношения значений слов, ограниченных способами синтаксической связи, имеют несколько иные основания, чем синонимические отношения значений слов, ограниченных морфологическим и синтаксическим употреблением.

Как известно, многообразие способов синтаксической связи в большинстве случаев не влияет на семантику слов. Слова могут сочетаться с другими словами при помощи одного способа синтаксической связи или при помощи нескольких способов. Изменение способов синтаксической связи может не от-

ражаться на их значении, в процессе исторического развития одни формы синтаксической связи могут исчезать у слова, другие могут возникать. Очень часто семантически близкими оказываются глаголы, у которых формы синтаксической связи более широки, с глаголами, у которых эти формы менее широки (ср. грустить, тосковать о ком-чем, по ком-чем и без доп. и вздыхать только о ком-чем, по ком-чем). Глагол в процессе синонимического сближения с глаголами, имеющими другое управление, может развить значение с таким же управлением.

Наряду с тем, глаголы со значением, ограниченным той или иной формой синтаксической связи, могут вступать в синонимические отношения с глаголами, у которых совсем другие формы синтаксических связей. Это объясняется тем, что управление преимущественно обуславливается значением глагола [4]. Вещественное значение глагола и значение определенного падежа или предлога с падежом в совокупности могут дать единицу, семантически равную значению другого глагола, которое выражается при помощи иных способов связи (ср. оставить кого без чего, лишить кого чего, отнять что у кого). Следовательно, разные способы синтаксической связи не разрушают синонимические отношения между близкими значениями слов (ср. иметь что и обладать чем; начать что и с неопр. формой и приступить к чему; потерять, утратить кого-что и лишиться кого-чего).

Итак, синтаксически обусловленные значения являются одним из видов грамматически обусловленных значений слова.

Синтаксически обусловленные значения глагола включают:

- 1) значения, обусловленные способами синтаксической связи;
- 2) значения, обусловленные функцией члена предложения;
- 3) значения, обусловленные безличной функцией;
- 4) значения, обусловленные отрицательной функцией.

Указанные значения вступают в синонимические связи со значениями, не имеющими грамматических ограничений, проявляя при этом определенные закономерности.

Поступила 15.X.1977

Кафедра
русского языка № I

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Виноградов. О некоторых вопросах теории русской лексикографии, ВЯ., № 5, 1956.
2. В.Виноградов. Основные типы лексических значений слов. ВЯ, № 5, 1953.
3. Е.Иванникова. Синонимические отношения слов. В сб. "Очерки по синонимике современного русского литературного языка", М.-Л., 1966.
4. И.Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. Уч.зап.Московск. гос.пед.ин-та, т.5, кафедра русского языка, вып.1, 1941.
5. М.Э.Курдиани, Типы и виды грамматически связанных значений имени существительного. Ежегодник Совета молодых ученых ТГУ, 2-3, 1974.
6. Д.Н.Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

1619359240
202-0010933

7. Д.Н.Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1940.
8. Словарь русского языка (в 4-х томах). Изд.Ин. и нац. словарей. М., 1957-1961.
9. Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах), изд-ние АН СССР.
10. Грамматика русского языка. АН СССР. М., 1953.

Թ. Եւրճրճիան

Յեւեռն սոցիալիստիկ ծանոթութեան ճեմարանին
ՅՈՒՅՅՈՒՄ ԲՆ ԺԱՌՈՍ ԿՈՄՄՈՆԻՍՏԻՆԻ ԿՅՅՅՈՒՄ

Իրենց

Ժողովին յանձնարարական սեմինարիս ըրե-ըրտի խնդիր, յըր-
ժող, ճեմարանի սոցիալիստիկ ծանոթութեան ճեմարանին յո-
ՅՅՈՒՄ ԲՆ ԺԱՌՈՍ:

Եւրճրճիանի աշխատանքը ըլլակարճաբար խնդիրն էր յանձնար-
արական ծանոթութեան սոցիալիստիկ ճեմարանին սոցիալիստիկ յո-
ժողովին:

Այս եւրճրճիանի աշխատանքը ըլլակարճաբար յանձնար-
արական ճեմարանին սոցիալիստիկ ճեմարանին:

M.Kurdiani

SYNTAKTISCH BEDINGTE BEDEUTUNGSTYPEN DER VERBEN
UND IHRE SYNONIMISCHEN BEZIEHUNGEN
Zusammenfassung

In der Arbeit ist eine der Fragen der Semasiologie betrachtet,
nämlich die Frage der Typen und Arten der syntaktisch bedingten
Bedeutungen der Verben.

Es werden auch synonymische Verbindungen zwischen den lexika-
lisch freien und grammatisch bedingten Bedeutungen der Verben erforcht.
In der Arbeit wird vom Autor das Material der Wörterbücher der
Sowjetepoche benutzt.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕРУССКОЙ АУДИТОРИИ
/в связи с составлением справочника по синтаксической
фразеологии/

И.А.Мелкумова

Процесс усвоения фразеологии любого языка сложен, поэтому при обучении русскому языку с установкой на активное владение им необходимо с самого начала вести работу над фразеологизмами русского языка, чтобы учащиеся, наряду с лексическими единицами, могли употреблять в речи и фразеологические. Трудно согласиться с лингвистами, которые считают, что фразеология – это роскошь, без которой на определенном этапе учащиеся могут обойтись. Как справедливо замечают составители Словаря "700 фразеологических оборотов русского языка", "... многие фразеологические обороты не менее употребительны, чем их лексические синонимы. Некоторые же из них вообще выступают в качестве единственных обозначений явлений и фактов" [1].

Необходимо четко разграничить фразеологизмы, которые войдут в пассивный словарь учащихся /работа над ними ведется, как правило, в связи с изучением художественных текстов/, и фразеологизмы, которые обеспечивают общение по темам, предлагаемым учащимся на каждом этапе обучения. Именно изучению разговорной фразеологии – усвоению нужных для речевой практики фразеологических единиц и фразеологизированных конструкций – и должно уделяться особое внимание.

Фразеологизированные конструкции /чем не студент?! чем не подарок?! смех смехом, а работа работой и др./ долгое время оставались вне поля зрения фразеологов. Именно этим следует, очевидно, объяснить тот факт, что вопросам изучения фразеологизированных конструкций в нерусской аудитории не уделялось должного внимания, хотя метод моделирования, по мнению многих преподавателей, очень продуктивен, а в фразеологизированных конструкциях устойчивостью и воспроизводимостью обладает именно схема построения, смысловое содержание которой и предопределяет значение построенных по ней словосочетаний. Правда, речевые схемы, предлагаемые учащимся от более употребительных к менее употребительным, представляют собой структурные схемы, относящиеся к синтаксическому уровню, и процесс усвоения конструкций типа "ра-дость не в радость, знать не знаю, всем книгам книга" и т.п. — процесс гораздо более сложный, чем процесс усвоения свободных структур, однако общение на русском языке немис-ливо без знания хотя бы наиболее употребительных фразеологи-зированных конструкций, введение которых в речь учащихся, как и введение лексических фразеологизмов, делает речь по-настоящему русской, живой и выразительной.

На начальном этапе обучения, даже ограничив круг вводи-мых в речь учащихся фразеологизированных конструкций, нель-зя требовать от учащихся умения самостоятельно строить сло-восочетания по той или иной схеме, так как каждая из них характеризуется рядом ограничений. Следует вводить вначале лишь по два-три варианта каждой конструкции без объяснения

лексико-категориальных ограничений модели (вариантами мы называем отдельные словосочетания, построенные по той или иной схеме и объединенные общей семантической идеей). Критерии отбора этих вариантов: словосочетание характеризуется высокой частотностью в языке; слова, образующие его, известны учащимся и в свободном употреблении. Так, наиболее употребительными вариантами конструкции "прилагательное в сравнительной степени + то же прилагательное мужского рода родительного падежа" являются варианты "проще простого, яснее ясного"; чаще всего заполняют модель "существительное в именительном падеже + есть + то же существительное в именительном падеже" слова "спорт, работа, закон" (спорт есть спорт, работа есть работа, закон есть закон), а модель "существительное в именительном падеже + то же существительное в творительном падеже + противительный союз" - слова "шутка, дружба" (шутки шутками, но..., дружба дружбой, но...) и т.д.

Кроме того, так как, помимо наличия тех или иных ограничений, у многих фразеологизированных конструкций наблюдается тенденция к закреплению в определенной форме, то и вводить их следует в одной-двух формах. Так, словосочетания типа "основа основ, чудо из чудес" и некоторые другие чаще всего выступают в форме именительного (творительного) падежа, обусловленной функцией сказуемого, словосочетания "гулять так гулять" - в форме прошедшего времени (совершенный вид) и инфинитива (несовершенный вид): ушла так ушла, написала так написала, завтракать так завтракать, делать так делать; словосочетания типа "зимовать не зимовать, а..." - в форме 3 лица единственного и множественного числа и повелительного наклонения: любит

не любит, но..., отвечает не отвечает, но..., бойся не бойся, читай не читай и т.д.

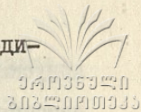
04.10.59 210
2.02.59 01033

Фразеологизированные конструкции – неотъемлемая часть диалогической речи, поэтому и подавать их следует в диалогах. При этом диалог должен быть кратким (не более 3-х – 4-х реплик), но в то же время должен предельно раскрывать смысловое содержание фразеологизированного словосочетания. Последнее (если это возможно) лучше всего давать в качестве обособленного оборота, выступающего в роли уточнения, или же в качестве присоединительной конструкции, имеющей однородное соответствие в основном высказывании. Например: – "Скоро она придет? – Да, скоро. С минуты на минуту".

Этот прием очень часто используется в русском языке с целью усиления экспрессии: "Фоменко разбудил меня, как я приказал, точненько, минута в минуту, и старательно доложил свои наблюдения: ничего существенного" (Богомолов, В августе сорок четвертого). "Выступили точно, минута в минуту, – отрывисто сказал полковник" (Березко, Мирный город).

Однако, как известно, понимание учащимися содержания слова или словосочетания еще не свидетельствует о том, что учащиеся могут использовать эти слова (словосочетания) в речи, поэтому каждый вариант должен отрабатываться в упражнениях. Особое внимание при этом следует уделять фразеологизированным конструкциям, неразрывно связанным с особой интонацией, которая приобретает в них устойчивый характер и позволяет разграничивать фразеологизированные конструкции и омонимичные им свободные словосочетания. Ср.: "Куда вам

ехать?! Вы же больны!" и "Куда вам ехать? — спросил водитель".

Мнения ученых относительно интонации конструкций типа "куда вам ехать?! где ему работать?! какие деньги?! как не помнить?!" и т.п. расходятся. Одни из них относят эти конструкции к вопросительным [2], другие полагают, что вопросительная интонация в них отсутствует, ибо слова "где, куда, как, какой", утратив свое прямое значение вопросов, служат для экспрессивного отрицания [3].

Как нам кажется, в рассматриваемых предложениях несомненно наличие как вопросительной /ослабленной/, так и восклицательной интонации, поэтому правильнее определять их как вопросительно-восклицательные и на письме в конце этих предложений ставить оба знака — ?!. То же самое можно сказать и о конструкциях типа "чем не подарок?!"

Правда, не всегда мы имеем такое соотношение восклицательной и вопросительной интонации. Относительное усиление последней наблюдается в тех случаях, когда конструкция "разорвана" контекстом или же распространена другими словами: "Позвольте спросить чем вы не невеста князю?!" /Достоевский, Дядюшкин сон/.

Однако в нерусской аудитории на этих случаях не стоит заострять внимания.

На продвинутом этапе обучения уже знакомые в виде отдельных вариантов фразеологизированные конструкции изучаются как структурные типы, по которым могут быть построены словосочетания. Здесь особую сложность представляет определение лексического наполнения моделей: одни из них совершенно не знают ограничений и в рамках определенных грамматических категорий

допускают любое словесное наполнение, в других мы имеем лексические ограничения /например, в модели "наречие на -мя/-ма/ + однокоренной глагол: "ливмя лить, ревмя реветь" и некоторые другие словосочетания/, в третьих моделях ограничения семантические /например, конструкции типа "лиса лисой" заполняются словами с эмоционально-оценочным и сравнительно-характеризующим значением, чаще отрицательным/.

Если определение лексических границ конструкций представляет трудности для учащихся, следует ограничиться лишь расширением круга уже известных им вариантов. Это оправдано особенно в тех случаях, когда над заполнением модели той или иной лексемой довлеет сила традиции употребления, что особенно ярко проявляется при переводе с родного языка на русский. Так, хотя в русском языке фразеологизированные конструкции типа "чемпион из чемпионов, чемпион чемпионов, чемпион над чемпионами" являются структурными синонимами /"Такой уж вид спорта фехтование. Здесь самый что ни на есть чемпион из чемпионов может встретить соперника, который, не смущаясь, добавит в бочку меда капелючку дегтя", "Комсомольская правда", 12/У 1970; "В столице Дона - городе Ростове живет внук чемпиона чемпионов Ивана Поддубного...", "Вечерний Тбилиси", 18/І 1969/, польское словосочетание "dziw nad dziwy" переводится как "чудо из чудес", болгарское "юнак над юнаците" - "молодец из молодцов", ибо существительные "чудо, молодец" обычно реализуют фразеологизированную конструкцию с предлогом из.

На продвинутом этапе обучения должны изучаться и фразеологизированные конструкции, выступающие в диалоге в роли

ответной реплики / повторы, строящиеся с участием различных частиц/: "Да, может, это далеко, где ты говоришь? Какой далеко?! Вот тут сейчас за косогором" /Григорович, Переселенцы/. Вера: "Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всех других". Беляев: "Нет, не очень хорошо. Какое лучше всех?!" /Тургенев, Месяц в деревне/. "Здоровы ли вы?! - спросил Волков. - Какое здоровье?! - зевая, ответил Обломов" /Гончаров, Обломов/.

Характерной чертой описываемых конструкций Н.Ю.Шведова [4] считает замену глаголов, кратких прилагательных существительными, однако для учащихся подобная замена представляет определенные трудности, поэтому хотя бы вначале следует ограничиться лишь теми конструкциями, в которых замены нет.

Свобода лексического наполнения / в тех или иных рамках/ и отвлеченное смысловое содержание фразеологизированных конструкций позволяют систематически их повторять в определенных ситуациях. С конкретными темами связаны лишь некоторые фразеологизированные конструкции, например, конструкции, характеризующие действие со стороны времени: день в день, минута в минуту и т.п., с часу на час, со дня на день и т.п. и некоторые другие. Естественно, они отрабатываются и закрепляются в речи при прохождении темы "Время":

- Смотри не опоздай!
- Приеду минута в минуту!
- Твои часы спешат?
- Нет, идут секунда в секунду.

Затрудняет работу над фразеологизированными конструкциями отсутствие справочника по синтаксической фразеологии /некоторые из фразеологизированных конструкций зарегистрированы в толковых и фразеологическом словарях - в последнем в виде отдельных вариантов/, в связи с чем остановимся на вопросе составления справочника фразеологизированных конструкций.

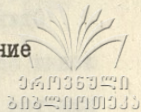
В справочник необходимо включить фразеологизированные конструкции независимо от того, имеются ли в их составе постоянные лексические компоненты или нет. Решающую роль при включении той или иной конструкции в справочник должна играть степень частотности её употребления [5].

Словарная статья должна состоять из заголовка, стилистической пометы, толкования значения, указания на границы лексического наполнения, перечня наиболее употребительных вариантов, цитат-иллюстраций, перечня синонимов, а также фразеологических единиц, образованных на основе данной фразеологизированной конструкции [6].

В заголовке словарной статьи фразеологизированная конструкция должна быть дана следующим образом: "ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО + 0 + ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ТОГО ЖЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО" - $S_{И}^I + 0 + TC_{В}^I$

При заполнении конструкции словами различных грамматических категорий все они должны выноситься в заголовок статьи и отделяться друг от друга знаком // в порядке употребительности; факультативные компоненты, лексические и грамматические варианты также должны быть вынесены в заголовок.

В случае многозначности конструкции каждое новое значение должно быть обозначено римскими цифрами.

Перечень наиболее употребительных вариантов необходим, ибо, как уже говорилось, на начальном этапе в речь учащихся вводятся лишь отдельные варианты модели. Ср. общеупотребительные образования "жизнь не в жизнь, чай не в чай, пир не в пир, праздник не в праздник, сон не в сон, рай не в рай", например, с образованиями "день не в день, год не в год, простуда не в простуду, беда не в беду" /"В голодной и больной неволе И день не в день, и год не в год" – Блок, В голодной и больной неволе...; "Десять раз – холодно, десять – горячо. Десять раз веником – через плечо! Простуда не в простуду, беда не в беду!" – Р.Рождественский, Банный день/.

Назначение справочника фразеологизированных конструкций заключается не только в том, чтобы дать толкование, стилистическую характеристику конструкции и указать границы ее лексического заполнения, но и в том, чтобы показать, как употребляются данные фразеологизированные конструкции, поэтому цитаты-иллюстрации должны давать и их грамматическую характеристику.

Стилистические пометы призваны дифференцировать фразеологизированные конструкции русского языка и закрепить их употребление, однако необходимо помнить, что стилистическая окраска вариантов конструкции находится в прямой зависимости от стилистической окраски заполняющего конструкцию слова и в обратной – от частотности употребления данного варианта, поэтому в некоторых случаях имеет место расхождение между стилистической характеристикой самой модели и её вариантов.

Один из самых трудных вопросов, возникающих при составлении справочника, - вопрос о расположении конструкций. Нам кажется возможным располагать конструкции в алфавитном порядке опорных компонентов, ибо их изучение как структурных типов рассчитано на продвинутый этап обучения. Облегчить поиск нужной конструкции может алфавитный указатель наиболее употребительных вариантов. Приведем образцы статей справочника.

"ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО + В + ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ТОГО ЖЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО" - $C_{И}^I + в + TC_{В}^I$

Значение модели - предельная точность.

Модель заполняется неодушевленными существительными, обозначающими какую-либо малую величину.

Слово в слово, день в день, минута в минуту, копейка в копейку, след в след, секунда в секунду.

"Насчет аккуратности денежной не беспокойтесь... Все происходит так, как следует, нигде не проронено ни копейки:

рубли в рубль и копейка в копейку" /Гоголь, Письмо П.А.

Плетневу, 5/1 1847/.

"Так давайте сокращать зазоры и учиться еще точнее, микрон в микрон стыковать мораль и рубль" /"Известия", 1/IX 1966/

"К финишу пришло очко в очко" /"Правда", II/XII 1970/.

"... соперники ход в ход повторили партию Разуваев-Купрейчик, сыгранную в чемпионате СССР среди студентов в начале 1970 года" /"Заря Востока", 16/1 1971/.

"В эту безукоризненную по вкусу форму миллиметр в миллиметр ложится предложенный литературный материал - инс-

ценировка повести Б.Васильева "А зори здесь тихие..." /"Ком-
сомольская правда", 5/Ш 1971/.

049359210
2020010933

Буква в букву /разг./ Точно, дословно.

"Начальнику автохозяйства полагалось немедленно, буква в букву, выполнить решение суда" /"Известия", 3/Х 1968/.

Душа в душу /разг./ Дружно, в согласии /жить/.

"Нелюбимов и жена жили душа в душу и пользовались самой безукоризненной репутацией" /Станюкович, Откровенные/.

Точка в точку /разг./ Совершенно точно.

"Без этой штуковины невозможна никакая жизнь часов, это вроде их сердца... И сердце это должно биться точка в точку" /Лидин, Точное время/.

Точь-в-точь /разг./ Совершенно точно.

"И не прошло и недели, как и прелестный, райский князев сон сбылся точь-в-точь, каким приснился он" /Языков, Липы/.

Тютелька в тютельку /прост.шутл./ Совершенно точно.

"... выходило тютелька в тютельку: послушно было дерево топору старого мастера" /Пермитин, Горные орлы/.

"ВСЕМ + ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬ-
НОГО + ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ТОГДА ЖЕ СУЩЕ-
СТВИТЕЛЬНОГО -ВСЕМ" + $C_{д}^{II}$ + $ТС_{и}^I$ /разг./

Значение модели - высшая степень качества.

Модель заполняется преимущественно названиями лиц, живот-
ных, конкретных предметов.

ВсеМ молодцам молодец.

"А он, Емеля, еще ломается... Я, говорит, по-людски ничего не хочу делать. Я всем головам голова" /Бунин, О дураке Емеле, какой вышел всех умнее/.

"Я написал, что повесть А.Гайдара - очень интересная, что она, без сомнения, всем книгам книга" /Ю.Манн, В. В. Манн, 1953 г. 2022010333

"Замечательный старик у нас есть. Всем старикам старик" /Шишков, Странник/.

"Всем кострам костер был тот, который в последний день слета зажгли в нашу честь пионеры на Лысой горе" /"Известия", 4/УШ 1968/.

"Приглядываюсь пристальнее: да ведь это сама госпожа радужная форель. Всем рыбам рыба." /"Известия", 25/Х 1977/.

Синонимы: Модели С + из + ТС_Р^П, С + над + ТС_{ТВ}^П, С + /всех/+ ТС_Р^П :

"Пугачев... проговорил: - И мы молодцы, выше высоко-благородие, а уж вы-то, дозвоьте молвить - вы из молодых молодец" /Шишков, Емельян Пугачев/.

"Ну и слава с Христом, что не бес с хвостом. На-сколько же видно партийная голова над головами голова /Пермитян, Горные орлы/.

"Шестой квартет, по словам Бориса Асафьева был книгой книг русской квартетной музыки" /Бажанов, Танеев/.

Поступила 20.X.1977

Кафедра
русского языка № 2

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.М.Шанский, Е.А.Быстрова. 700 фразеологических оборотов русского языка, "Русский язык", М., 1976.
2. Грамматика русского языка, т.П, ч.2. АН СССР, 1954, стр.47

3. Д.Н.Шмелев. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи, РЯШ, 1959, № 6.
4. Н.Ю.Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи, Изд. АН СССР, М., 1960, стр.322.
5. А.М.Бушуй. Тавтологическая атрибутивная группа имени существительного /на материале современного немецкого языка/, Труды СамГУ им. А.Навои, новая серия, вып. 174, Вопросы романо-германского и общего языкознания, Самарканд, 1970.
6. О переходе вариантов фразеологизированных конструкций в ФЕ см.: И.А.МЕЛКУМОВА, Семантика фразеосхем и их стилистические особенности, Труды молодых научных работников, Изд. ТГУ, Тбилиси, 1972.

ი. მივლიანაძე

ფრაზეოლოგიური კონსტრუქციების
 ანალიზი (სინტაქსური ფრაზეოლოგიის ცნობის
 დასახელება)

რეზიუმე

სტატიისი დასმულია საკითხი აწარუსი სფეროებში მივლიანაძე-
 ებაში რუსული ენის ფრაზეოლოგიური კონსტრუქციების ეფაქური
 მივლიანის ანალიზი და მისი ცნობის სინტაქსური ფრაზეოლოგიის
 ცნობის მივლიანის ანალიზი. დასახელება მისი ენის რუსული
 სტატიები ავსტრის მიერ მივლიანის ფრაზეოლოგიური კონსტრუქ-
 ციების ცნობის დასახელება.

PHRASEOLOGIZED CONSTRUCTIONS FOR NON-RUSSIAN
STUDENTS
(TOWARDS THE COMPILED OF A SYNTACTIC
PHRASEOLOGY REFERENCE-BOOK)

Summary

The necessity of a step-by-step introduction of Russian phraseologized constructions into the speech of non-Russian students is argued and the principles for the compilation of a reference-book in syntactic phraseology are given in the paper. In conclusion specimens of entries are quoted from the reference-book of phraseologized constructions compiled by the author.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

О СИНТАКСИСЕ ТЕКСТА

/на материале художественной речи М.Шолохова/

Т.Н.Мревлишвили

Единства, большие чем предложение, в основном характерны для письменного варианта литературного языка, где графически выраженная расчлененность текста является следствием литературной обработки.

Существование синтаксической единицы, большей чем предложение, обосновано в трудах советских лингвистов Н.С.Поспелова, И.А.Фигуровского, Г.А.Золотовой, Г.Я.Солганика, Г.А.Вейхмана, Г.Г.Юдина, Т.Р.Котляра и др.

Вопросами, касающимися единицы, большей чем предложение, особенно интенсивно стали интересоваться в 70-ых годах, что нашло отражение в организации ряда конференций, посвященных обсуждению данной темы.

В.В.Виноградов, излагая учение о слове, словосочетании и предложении, писал: "Над всеми этими кругами и сферами грамматики воздвигается совсем неисследованная... проблема строя сложных синтаксических единств..." ([1], 764).

Отрезки речи, большие чем предложение, именуют различно: "сверхфразовое единство" /Л.А.Булаховский/, "прозаическая статья", "сложное синтаксическое целое" / см. работы Н.С.Поспелова, Г.А.Золотовой, Г.Я.Солганика, С.Е.Крючкова и Л.Ю.Максимова и др./.

Последний термин является наиболее распространенным, хотя этот термин не все принимают безоговорочно, учитывая, что

"сложным целым" А.М.Пешковский называл сложное предложение.

По содержанию сложное синтаксическое целое /сокращенно СЦ/, как его часто называют, — это относительно законченный микротекст, содержащий группу тематически объединенных коммуникативных единиц.

Эти микротемы или СЦ имеют в основном свое графическое оформление — абзац.

Л.А.Булаховский, констатируя наличие так называемых сверхфразовых единств, отмечает, что "их внешним выражением на письме служит красная строка, отделяющая одно такое единство от последующего" ([2], 392).

Л.В.Шерба писал: "Абзац, или красная строка, которую тоже надо считать своего рода знаком препинания, углубляет предшествующую точку и открывает совершенно иной ход мыслей" ([3], 389).

Для СЦ организующими единицами являются предложения.

Однако в лингвистической литературе говорят о более крупной единице речи, чем СЦ, которую называют "фрагментом" ([4], 187), "текстом" ([5], 73). Его конститутивной единицей являются сложные синтаксические целые.

Эта единица речи /будем называть ее "текстом"/ определяется как структурное и смысловое единство, состоящее из ряда компонентов, объединенных лексической, грамматической и логической связью, и характеризующееся определенной модальностью /логическая цельность, структурная оформленность, смысловая законченность/ ([5], 73).

При изучении текста существенным является исследование как содержания, так и формального плана СЦ.

В "тексте" отдельные СЦ строятся вокруг одной и той же темы, которая и является связующим звеном в плане содержания. Слияние смысла отдельных СЦ образует единое смысловое поле. При этом ремы, т.е. новые информации отдельных СЦ, разные.

СЦ, открывающее текст, наиболее независимо, оно намечает тему, развитию которой служат остальные СЦ текста, которые выступают как релятивные. СЦ характеризуется смысловой самостоятельностью и законченностью. Началом СЦ считается предложение, связанное повторами с предшествующими ему предложениями. Это предложение для СЦ является автономно-семантическим, остальные же выступают как зависимые от него, т.е. являются синсемантическими.

Цельность и логическая завершенность текста зависит от типа связей и порядка следования СЦ как его звеньев, от определенной ритмомелодической организации всего текста.

Слог каждого писателя отличается наряду с другими особенностями художественной речи также характерным построением /даже в отдельных произведениях/ прозаического текста, тесно связанным с его художественным методом и стилем, а также жанром произведения. Поэтому изучение синтаксиса текста имеет важное значение для анализа языкового мастерства писателя.

"Поднятая целина" – яркий пример художественного единства содержания и формы, что отражается и на особенностях художественной речи романа о социалистическом преобразовании деревни. Жизнь деревни, характеры персона-

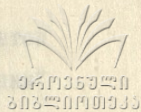
жей показаны М.Шолоховым в период великого перелома —
перехода к колхозному строю. Сложная ситуация обусло-
вила и построение текста.

Приведем начало романа М.Шолохова "Поднятая целина":

"По крайнему к степи проулку январским вечером 1930 года въехал в хутор Гремячий Лог верховой. Возле речки он остановил усталого, курчаво заиневшего в пахах коня, спешился. Над чернью садов, тянувшихся по обеим сторонам узкого проулка, над островами тополевых левад высоко стоял ущербленный месяц. В проулке было темно и тихо. Где-то за речкой голосисто подвывала собака, желтел огонек. Всадник жадно хватнул ноздрями морозный воздух, не спеша снял перчатку, закурил, потом подтянул подпругу, сунул пальцы под потник и, ощутив горячую, запотевшую конскую спину, ловко вскинул в седло свое большое тело. Мелкую, не замерзающую и зимой речушку стал переезжать вброд. Конь, глухо звякая подковами по устилавшим дно голышам, на ходу потянулся было пить, но всадник затопил его, и конь, екая селезенкой, выскочил на полотий берег.

Заслышав встречу себе говор и скрип полозьев, всадник снова остановил коня. Тот на звук осторожно двинул ушами, повернулся. Серебряный нагрудник и скованная серебром высокая лука казачьего седла, попав под лучи месяца, вдруг вспыхнули в темени проулка белым, разящим блеском. Верховой кинул на луку поводья, торопливо надел висевший до этого на плечах казачий башлык верблюжьей шерсти, закутал лицо и поскакал машистой рысью. Миновал

подводу, он по-прежнему поехал шагом, но башлыка не снял.

Уже въехав в хутор, спросил у встречной женщины:"
([6]).

В этом тексте инициальное предложение /"По крайней мере в степи проулку январским вечером 1930 года въехал в хутор Гремячий Лог верховой"/ является зачином не только СЦ, но и всего романа, а также связано и с зачином второго звена. Последующие предложения этого СЦ имеют непосредственное смысловое и синтаксически организующее отношение к первому. Здесь описание детализируется, происходит переход от одного предложения к другому посредством цепной синонимической связи /верховой-всадник/.

Тесная связь между компонентами СЦ создается наличием единого субъекта, который выражен в форме подлежащего, однотипностью форм выражения сказуемого /въехал, остановил/, повтором глагола /остановил/ и наречием "снова", создающих тесную спаянность СЦ текста и подчеркивающих единство сказа.

Обращает на себя внимание стилистический прием обозначения, широко представленный в художественной речи М.Шолохова и способствующий выражению модальности, понимаемой в широком смысле слова.

Такую же роль играют и другие стилистические приемы литературной обработки, например, употребление однородных сказуемых /"хватнул ноздрями морозный воздух; снял перчатку, закурил; подтянул подпругу; сунул пальцы под

потник; вскинул в седло свое большое тело", а также "кинул на луку поводья; надел... башлык; закутал лицо, поскакал"/, выраженных однородной видовременной формой, лексический повтор, также создающий единство последовательно развивающейся темы.

Приведем еще пример:

"В ночь, когда к Якову Лукичу Островнову приехал его бывший сотенный командир есаул Половцев, был у них долгий разговор. Считался Яков Лукич в хуторе человеком большого ума, лисьей повадки и осторожности, а вот не удержался в стороне от яростно всмольхавшей по хуторам борьбы, коловертью втянуло его в события. С того дня пошла жизнь Якова Лукича под опасный раскат...

Тогда, после ужина Яков Лукич достал кичет, присел на сундук, поджав ногу в голстом шерстяном чулке: заговорил - вылил то, что годами горько накопело на сердце:"

Текст объединяется наименованием персонажа, представителя антинародного лагеря Островнова, который ведет раздвоенную жизнь - работает в колхозе и служит "делу" Половцева.

Первое СЦ содержит лаконичную характеристику действующего лица, а второе как бы вводит его в действие. Переход от одного компонента к другому совершается с помощью последующих временных соотношений /"в ночь, когда; тогда, после ужина"/, сопровождающих повтор.

СЦ могут быть скреплены своеобразными аналогами, например, указанием времени в начале каждого предложения.

"В этом же году Андрей сошелся с Мариной, вдовой уби-

того под Новочеркасском вахмистра Михаила Пояркова. Ей в ту осень перевалило за сорок, но она еще сохранила в полном сильном теле, в смуглом лице степную, неяркую красоту.

В октябре Андрей крыл ей хату чаканом. Перед сумерками она позвала его в хату, расторопно накрыла стол, поставила чашку с борщом, кинула на колени Андрея расшитый чистый рушник, сама села напротив, подперев остро-скудную щеку ладонью. Андрей искоса, молча посматривал на гордую ее голову, отточенную глянцевиточерным узлом волос. Были они у нее густы, на вид жестки, как конская грива, но возле крохотных ушей по-детски беспокойно и мягко курчавились. Марина в упор шурила на Андрея удлинённый, чуть косой в разрезе глаз".

В организации приведенного текста наряду с характерным повтором основную роль играют "временные" зачины ("в этом же году; в октябре"), наличие которых характерно для речи романа и обусловлено его повествовательным стилем. Кроме того, здесь используется цепная связь с лично-указательными местоимениями "ей", "она". Повтор наименований лиц /Андрей, Марина/, являясь связью между отдельными звеньями при наличии дейктических элементов, способствует цельности и логической завершенности текста.

Используя в зачине местоимение, заменяющее слово или словосочетание в концовке предыдущего СЦ, автор сочетает эти звенья. При этом переход от одного звена к другому может сопровождаться лексическим повтором, что является одним из закономерных средств связи.

Местоимение признается одним из наиболее продуктивных скрепляющих средств СЦ, при этом такая связь считается стилистически нейтральной, употребляемой во всех стилях речи ([4], 70-71).

Например, глава XXXIX начинается предложением: "Еще во время сева Лущка Нагульнова, разведенная жена и веселая, беспутная бабенка, стала работать в поле". Это СЦ заканчивается словами "... а всем этим развеселым гульбищем руководила Лущка".

Следующее СЦ начинается словами "Мир для нее всегда был светел и прост" и заканчивается - "Этих кобелей на мой век хватит! - презрительно говорила она девкам и бабам, указывающим на ее полувдовье положение".

В зачине третьего СЦ кроме местоимения имеется и повтор: "И их действительно хватало в избытке" / ср. "их" и "хватало"/.

Такое отталкивание от предыдущего текста и переход к последующему изложению находим и в других местах романа:

"У него дрожали губы, по-волчьи сверкали глаза, наблюдавшие за тем, как рука Якова Лукича извлекает из-за пазухи краюху хлеба.

К хлебу припал он с такой голодной яростью, что у Якова Лукича дыхание перехватило ..."

Прошедшее описательное в первом СЦ соотносится с прошедшим результативным во втором СЦ.

Лексическое совпадение концовки предшествующего СЦ и зачина последующего образует тесную цепную связь между

СЦ, подчеркивающую цельность и монолитность текста.

В организации текста авторской речи особенно продуктивны наименования лиц, которые образуют как бы каркас, скрепляющий отдельные компоненты текста. Тесная связь отношений между отдельными звеньями текста создается структурной соотнесенностью собственного имени /подлежащее - дополнение/.

Например, таким объединяющим элементом выступает собственное имя "Дымок".

Первое звено текста начинается словами: "Парень этот, по прозвищу "Дымок", был на редкость кучеряв". Автор сюда включает предысторию персонажа.

Второе СЦ - "А Дымок, зверино-мягко ступая обутыми в рваные чирюхи ногами, тихонько посвистывает сквозь зубы, идет себе мимо плетней и заборов..." - представляет характеристику действующего лица и вводит его в действие.

Третье - "Дымок с понимающей улыбкой смотрит ей вслед, уходит" - расширяет характеристику героя.

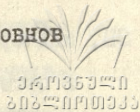
Четвертое - "Не одни девки были утехой в жизни Дымка: любил он и водку, а еще больше - драки" - дополняет предыдущую характеристику.

И, наконец, пятое звено - "Из Дымка трудно было выпить жизнь - живуч был, как кошка" - завершает эпизод.

Текст в основном имеет ярко выраженное анафорическое строение, образует цепную связь. Формальным, структурным выражением связи выступает повтор.

Глава XXXIII в части авторского повествования почти целиком строится на повторе в зачинах СЦ словосочетания "Яков Лукич Островнов":

Текст начинается словами: " Яков Лукич Островнов торжествовал".

Затем следуют зачины СЦ: "После того как из колхозных амбаров гремячинцы растащили семенной хлеб, Давыдов хотел было сместить Островнова с должности завхоза".

"На другой же день он позвал Якова Лукича к себе в комнату..."

"...А тут вскоре Яков Лукич развел такую кипучую деятельность по подготовке к полке..."

"Яков Лукич предложил правлению устроить на полеводческих участках бригад несколько новых прудов".

"Мало того: Яков Лукич внес предложение построить небольшой заводик по обжогу кирпича..."

"И все тот же Яков Лукич уговорил колхозников третьей бригады загатить Дурной лог,..." /в последних трех СЦ параллелизм зачинов усиливается анафорой/.

"Вся совокупность этих-то обстоятельств и упрочила поколебавшееся положение Якова Лукича в колхозе".

"Жизнь Якова Лукича снова обрела некоторое равновесие".

Глава заканчивается предложением: "Однако тихому житью Якова Лукича, омрачаемому лишь разговорами с матерью, неожиданно и скоро подошел конец", противопоставляемым первому предложению текста. Наличие повторяющегося собственного имени включает СЦ в текст.

При таком построении текста достигается тесное сочетание синтаксических единств.

Прочитанный текст подчеркивает важную роль в ху-

дожественной речи Шолохова инициальных предложений СЦ, которые настолько самостоятельны, что могут составить содержание всего текста /если их выписать подряд/.

В главе XIX теме описания внутренних противоречий Кондрата Майданникова и победе в нем природы труженика посвящен текст, который начинается словами:

"А пока полетела над хутором ночь, наверное один Кондрат Майданников не спит во всем Гремячем".

Затем следуют воспоминания Кондрата о пребывании в Москве. СЦ начинается словами: "Полночь. И мнится Кондрату ликующее марево огней над Москвой..."

Введены воспоминания Кондрата о детских годах и образ матери: "Кондрат падал на колени перед темным образом староверского письма, молился и досуха тер глаза..."

Передан дальнейший ход мыслей и переживаний Кондрата, которые автор воспроизводит несобственно-авторской речью: "Кондрат давно не верит в бога, а верит в коммунистическую партию, ведущую трудящихся всего мира к освобождению, к голубому будущему". Этот абзац противопоставляется предыдущему /"Кондрат падал на колени..."/.

В следующем СЦ передана внутренняя борьба Кондрата: "Бывало прежде весь день напролет у него занят".

Этому противопоставляется следующее СЦ: "А сейчас пусто, мертво у Кондрата на базу". Противопоставление подчеркнуто союзом "а" и обстоятельными словами временного значения "прежде-сейчас", обозначающими последовательность событий, описываемых в разных абзацах. Присоединение союзом "а" создает прерывистый характер

структуры, выражает резкий переход от одного состояния к другому.

Так же противопоставляются зачины следующих

"Вот сейчас она /жена -Т.М./ спит с ним рядом, дышит ровно".

И последний зачин: "У Кондрата же свои думки", после чего следует внутренний монолог, где дано образное сравнение "как засетившаяся рыба", передающее метание Кондрата, риторические вопросы: "Когда же ты меня покинешь, проклятая жизнь?", "Когда же ты засохнешь, вредная чертяга?".

Думы Кондрата проникнуты лиризмом - "И не спится потому, что осталась в нем жалость-гадюка к своему добру, к собственной худобе, которой сам он добровольно лишился... Свернулась на сердце жалость, холодит тоской и скукой..."

Повтор в смежных предложениях глагола-сказуемого одной и той же словесной формулы усиливает, подчеркивает состояние персонажа: "а вот не спится", "и не спится" с начальными "а,и", образные эпитеты "безбрежный мир, голубое будущее, ликующее марево" /в последнем примере эпитет метафоризирован/. Все это образно передает многообразие эмоционально-психологического состояния субъекта и выступает как выражение и свидетельство поэтической силы текста. Единству текста способствует и однородность форм эмоционально-контрастных, эмоционально-диссонансирующих предикативов,

Тесная цепная связь создается особым присоединительным характером союзов "и,а", оформляющих зачины и способствующих сочетанию сложных целых:

"Андрея Разметнова провозжали на действительную военную службу в 1923 году. По тогдашним порядкам должен он был идти в строй на своем коне. Но не только коня, — и полагающееся казаку обмундирование не на что было ему купить. От покойного отца осталась в наследство одна дедовская шашка в отерханных, утративших лоск ножнах. Век не забыть Андрею горького унижения! На станичном сборе старики решили отправить его на службу за счет войска: купили ему дешевого рыженького конька, седло, две шинели, двое шаровар, сапоги..."

"А сыны богатых казаков на скачках, бывало, шеголяли сотенными конями Корольковского завода или от племенных жеребцов с Провалья, дорогими седлами, уздечками с серебряным набором, новехонькой одеждой..."

Второе СЦ выражает новый аспект суждения, противопоставляемый предыдущему посредством союза "а", который выполняет начинательно-противительную функцию.

Экспрессивности речи способствуют и лексические противопоставления: "рыженький конек — сотенные кони Корольковского завода, седло, две шинели, двое шаровар, сапоги-дорогие седла, уздечки с серебряным набором, новехонькая одежда".

Зачин СЦ может открываться союзами "а, и" в сочетании с именами лиц, также противопоставляемых:

"А Марина, как назло, все чаще попадалась Андрею на глаза и по виду была довольна, счастлива".

В дистанционной связи находится СЦ, присоединяемое словом "и": "И Андрей, до которого доходили слухи о том,

что довольна Марина новым мужем, тоскливо шептал про себя..."

Присоединительная функция союзов "и, а, но" значительна в связи текстов, в оформлении зачинов.

Приведем еще пример организации текстов в художественной речи Шолохова.

О Демиде, человеке, замученном жизнью в условиях эксплуататорского общества, честном труженике, Шолохов пишет:

"Распахнутый мир был полон для Демиды излишне громких звуков".

Это предложение является обобщающим для всего текста. Первое СЦ раскрывает содержание данного предложения, второе — дает характеристику Демиду и начинается предложением "Не любил Демид людского гомона".

Концовка всего текста завершается словосочетанием "громкого звука", образующего как бы кольцевое обрамление и подчеркивающего цельность и завершенность текста.

В главе ХУП повествуется о решении партячейки обобществить скот. Весь текст строится на основном каркасе "было принято решение обобществить весь скот".

Между СЦ образуется цепная связь, именно дистантная между первым и третьим /"было принято решение обобществить весь скот"—в первом и "было решено и занесено в протокол" — в третьем/ и четвертым /"колхозное собрание охотно приняло решение насчет обобществления всего скота"/, а также выступает вариант этого сочетания во втором СЦ /"провести решение об обобществлении всей живности"/.

Пределной выразительности художественного повествования М. Шолохов достигает в описаниях природы. И здесь для связи отдельных СЦ в тексте использован тот же прием повтора слов в зачине и концовке:

Выпишем зачины подряд:

"Над степью, заслонив солнце, в зените стояла вздыбленная ветром, густолиловая градовая туча".

"Степь, задымленная тучевой тенью, молчаливо, покорно ждала дождя".

"Степь наполнилась сухим ропотом прошлогодних бурьянов".

Ритмичность текста создается сочетанием отдельных синтаксических групп, начинающихся словами "над степью, степь".

Шолохов признанный мастер пейзажа.

В романе много пейзажных зарисовок, представленных отдельными текстами, с такими пейзажными зачинами, как "март, январь, февраль".

Например, в главе XVI "февраль" выступает в качестве как бы пролога к последующему описанию природы и жизни колхоза. Описание пейзажа заканчивается тем же словом "февраль", подытоживающим все вышеописанное. Здесь также широко представлена характерная для стиля Шолохова образная метафоризация, поэтические эпитеты и предметные сравнения.

Приведем один абзац:

"Февраль...

Жмут, коржат землю холода. В белом морозном накале встает солнце. Там, где ветры слизали снег, земля по ночам гулко лопается. Курганы в степи - как переспелые ар-

бузы - в змеистых трещинах. За хутором возле зяблевой пахоты снежные наносы слепяще, нестерпимо блещут. Тополя над речкой все серебряного чекана. Из труб куреней по утрам строевым лесом высятся прямые оранжевые стволы дыма. А на гумнах от мороза пшеничная солома духовитей пахнет лазоревым августом, горячим дыханьем суховея, летним небом..."

Поэтические сравнения обычно берутся писателем из той действительности, которую он живописует, именно из жизни и быта казачества /курган - как недоспелые арбузы, стволы дыма высятся строевым лесом, солома пахнет горячим дыханием суховея, летним небом/.

Роман начинается зарисовкой пейзажа "в конце января", картины, овеянной первой оттепелью, что является своеобразной увертюрой к первой главе. Связующим звеном между СЦ выступает синонимический ряд, где в качестве опорного выступает сочетание "пахнут сады", за которым следуют в качестве синонимов сочетания "запах коры", "дух земли", "аромат", "дыхание полыни".

Сначала представлена картина природы в полдень / в первом СЦ/ и заканчивается /в третьем СЦ/ контрастирующим образом "ночи", которая "серой волницей придет с востока".

Пейзажные картины в романе органически связаны с сюжетом, являются как бы фоном народной жизни. И вышеописанный пейзаж сочетается с последующим текстом, который начинается словами:

"По крайнему к степи проулку январским вечером 1930

года въехал в хутор Гремячий Лог верховой".

Глава XXXIV открывается описанием величия "могильного кургана", чему посвящен отдельный текст. Первое звено текста начинается словами: "Сбочь дороги – могильный курган" и заканчивается – "курган караулит степь..."

Следующее звено соединяется с первым местоимением "его". Здесь дано описание беркута, который летом "шумя крылами, упадет на курган ..." Описание заканчивается словами: "До заката солнца еще не раз серая тень его царственных крыл перечеркнет степь".

Затем, в качестве средства связи между СЦ выступают вопросительные предложения, с ярко выраженным субъективно-модальным оттенком значения. Они как бы заканчивают предыдущее описание и способствуют смене аспекта повествования:

"Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Муганскую степь ли? В Персию ли? В Афганистан?"

Последующее звено посвящено описанию "сиводушного" лисовина в зимнюю пору и противопоставляется предыдущему СЦ не только семантически, но и посредством синтаксической структуры целого ряда оборотов – обстоятельства места, времени, а также интонацией:

"Летом, вечерними зорями, на вершину его слетает из подоблачья степной беркут".

Ср.: "Зимю же, когда могильный курган – в горностае-вой мантии снега, каждый день в голубино-сизых предрассветных сумерках выходит на вершину его старый сиводушный лисовин".

(Сопоставляются: летом - зимою; вечерними зорями -
когда могильный курган - в горностаевой мантии снега,
на вершину его слетает беркут - выходит на вершину его
лисовин).

В концовке этого СЦ упоминается "еще ощутимый аромат
куропатиного выводка", который приводит лисовина в дей-
ствие, чему и посвящается следующее СЦ, в зачине которого
читаем:

"В запахе куропат так много плотнотеленных оттенков,
что лисовину, для того, чтобы насытить нюх, надо сойти с
кургана..."

В последующем СЦ снова следует картинная зарисовка
непоколебимой мощи кургана. Здесь в зачине используется
стилистический прием инверсии, способствующий экспрес-
сивности описываемого и созданию песенного ритма.

"Точат заклекую насыпную землю кургана суховеи, на-
каляет полуденное солнце, размывают ливни, рвут крешен-
ские морозы, но курган все так же нерушимо властвует над
степью, как и много сотен лет назад..."

Последнее СЦ текста начинается словами:

"Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего
Лога..."

Здесь же приводится предание о его возникновении.

Заканчивается текст старинной песней о казаке, "быть
может о том самом", который, по-преданию, когда-то в ста-
рину умер под курганом.

Даже краткий анализ текстов авторской речи М.Шолохова
показывает, какую важную роль в организации художествен-

ной речи играют единства, большие чем предложение.

СЦ у Шолохова в основном состоят из простых коротких предложений, но и сложные предложения обычно не громоздки, простой структуры.

На основе анализа художественной речи М.Шолохова можно заключить, что в организации текста важную роль играют способы сочетания его частей, именно сложных целых.

Здесь основную роль играют зачины, которые создают единую сюжетную линию.

СЦ обнаруживают в структурном отношении следующие формальные показатели связи между собой: эксплицитно выраженные сочетания посредством лексических повторов, которые могут быть и синонимичными и антонимичными, сочинительные союзы с присоединительными значениями, образующие цельность и смысловую завершенность текста, соотносительность временных форм сказуемых в отдельных СЦ, а также цепная синонимическая связь и дейктические элементы.

В организации текста авторской речи М.Шолохова особенно продуктивны наименования лиц, которые образуют каркас, скрепляющий отдельные СЦ.

Текст часто является характеристикой персонажа, описанием его жизни и деяний, при этом первое предложение содержит дефиниции, в которых представлены наиболее типичные черты характера героя или наиболее важные моменты из его жизни.

Часты здесь анафорические местоимения, подчеркивающие значительные черты одного и того же персонажа.

36 0353 240
312-1110133

Замечательный художник социалистического реализма, М.Шолохов создал свой,глубоко индивидуальный стиль речи в организации которого определенную роль играет мастерски осуществляемое построение текста и связь в нем отдельных СЦ.

Поступила 22.X.1977

Кафедра
русского языка №2

ЛИТЕРАТУРА

1. В.В.Виноградов, Русский язык /грамматическое учение о слове/, М.-Л., 1947.
2. Л.А.Булаховский, Курс русского литературного языка, т.1, Киев, 1952.
3. Л.В.Шерба, Пунктуация, в книге: Литературная энциклопедия, т.9, М., 1935.
4. Г.Я.Солганик, Синтаксическая стилистика, М., 1973.
5. И.Р.Гальперин, О понятии текста, "Вопросы языкознания", 1974, № 6.
6. М.Шолохов. Собрание сочинений в восьми томах, т.6, Гос.изд. художественной литературы, М., 1958.

შეჯასტის სინტაქსის შესახებ

/მ. შოლოხოვის მხატვრული ენის მასალებზე/

რეზიუმე

თანამედროვე ლინგვისტურ ლიტერატურაში დასაბუთებულია წინა-
დადგობაზე უფრო რთული სინტაქსური ერთეულის არსებობა.

სინტაქსის ამოცანას წარმოადგენს არა მარტო სიფუთაზა წყობ-
ბისა და წინადადებათა შეწყობა, არამედ დამოუკიდებელი წინადა-
დების შეკავშირების საშუალებას, სახეობობა, რთული სინტაქსური
"ფრაზები" /აწ "ფრაგმენტები"/ კონსტრუქციებისა და სხ. შეწყობა-
ლაც.

"ფრაზის" კონსტრუქციულ ერთეულს წარმოადგენს რთული სინტაქ-
სური მთლიანობა, რომელიც განიცდობს ერთი და იმავე ხედვის ირ-
ველივ. უკანასკნელი წარმოადგენს შემავსებელი რგოლის მინიმალ-
ობის სფეროში და ემინის მინიმალობისა და სტრუქტურულ ერთეულთა,

Mrewlischwili

ÜBER SYNTAX DES TEXTES (NACH DEN MATERIALIEN DER
KÜNSTLERISCHEN REDE M.SCHOLOCHOWS

Zusammenfassung

Die Existenz einer syntaktischen Einheit, die komplizierter ist, als
ein Satz, ist in der gegenwärtigen linguistischen Literatur bewiesen.

Heutzutage sieht man in der Aufgabe der Syntax die Erforschung
nicht nur der Wortfolge und Sätze, sondern auch die Wege der Verbindungen
einzelner selbständigen Sätze, nämlich die Erforschung der Konstruk-
tionen des komplizierten syntaktischen Ganzen, "der Texte" (oder "Frag-
mente") und dergleichen.

Als konstruktionmäßige Einheit "des Textes" erscheint das zusam-
engesetzte syntaktische Ganze, das zu dem selben Thema gehört, das
Verbindungslied in der Sphäre des Inhalts darstellt und dabei die sin-
nliche und strukturelle Einheit bildet.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

О ВЛИЯНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА ОСТРОВНОЙ ГОВОР

А.А.Хидешели

I. Изучение русских говоров на территории позднего заселения должно "опираться на понимание структуры говоров центральных областей" [1], поскольку многие из них, в частности, сектантские, складываются еще на основной территории распространения русского языка.

Данные русского диалектного языка представляют интерес при толковании некоторых немотивированных явлений современного русского литературного языка и в то же время служат необходимым источником для воссоздания древнего состояния языка. Как отмечает Ф.П.Филин, "в современных восточнославянских говорах имеются многие сотни тысяч диалектных слов и диалектных значений слов, отсутствующие в литературном языке" [2]; в диалектах сейчас функционирует много архаических элементов фонетического, грамматического [3], а также лексического уровня, унаследованных еще от эпохи славянского единства. Сохранившиеся элементы древнего словарного запаса помогают уточнить значения и территорию распространения слов, зафиксированных в древнерусских памятниках [4]. С другой же стороны, русские говоры отражают живую разговорную речь, освещающую такие особенности языка, которые в силу разных причин отсутствуют в памятниках письменности [5].

Для исследования этих явлений немаловажную роль могут сыграть, помимо диалектных данных материковых говоров, по-

казания островных говоров, в которых отмечаются древние явления, имеющие расширенное употребление [6] и инновации, возникшие в иноязычной среде. Древние явления, инновации, служат важным средством для реконструкции прошлого языка и выяснения тенденции развития современных диалектов.

Диалектное слово, как и литературное, следует рассматривать в двух аспектах: слово – лексема как виртуальный, нерасчлененный знак, как единица лексематического уровня, и слово в свободном словосочетании как расчлененный знак, как единица лексико-семантической системы [7].

В диалектном языке, как и в литературном, в области лексико-семантической большую роль, надо полагать, играет тенденция экспрессивная. Как известно из положений В.В.Виноградова, еще Ш.Балли отмечал, что в языке борются две тенденции – тенденция интеллектуальная и тенденция экспрессивная: "тенденция экспрессивная обогащает язык конкретными элементами, продуктами аффектов и субъективизма говорящего; она создает новые слова и выражения; тенденция интеллектуальная, аналитическая, устраняет эмоциональные элементы, создает из части их формальные принадлежности" [8].

В языке употребление слова не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей, поэтому, как замечает В.В.Виноградов, "от значений слова необходимо отличать его употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление – это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное" [8].

2. Русские островные говоры, южнорусские по своему происхождению и характеру, различаются в определенных диалектных звеньях. Различия между ними могут быть вызваны причинами генетического порядка, разной степенью влияния литературного языка еще на основной территории распространения русского диалектного языка и разной степенью контактов с иносистемными языками и диалектами. Так, например, носители говора старообрядцев, оторванные от родины в течение долгих лет, находясь в Турции, Румынии и Болгарии, не подвергались влиянию русского литературного языка, тогда как духоборы, молокане и бывшие военные поселенцы, живущие в Грузии свыше 170 лет, не порывали связи с русским литературным языком.

Говор старообрядцев, на котором мы решили остановиться, отличается монолитностью. За границей (в Турции и Румынии) старообрядцы жили замкнуто и в силу традиции и быта хорошо сохранили особенности своего говора, чему способствовали обособленность и тесное кольцо иноязычного окружения. Известно, что "в небольшом изолированном коллективе и индивидуальные, и речевые особенности могут иметь большое значение для сохранения особенностей говоров вообще" [9]. И тем не менее, в говоре старообрядцев много заимствований на лексическом уровне из турецкого, румынского, грузинского языков, что объясняется контактом с носителями данных языков и характерной особенностью развития и взаимодействия языков [10].

Лексика русских говоров прежде всего развивалась и развивается на основе своих словообразовательных средств, а "различные по характеру контакты с многочисленными иноязычными народами приводили к многим заимствованиям и включениям в местные русские говоры слов чуждого происхождения: тюркских, финно-угорских и многих иных" [11]. Так, например, проникновение заимствований в словарный состав говоров Севера в значительной мере определило своеобразие и отличие их от других русских говоров [12].

Чтобы разобраться в лексическом своеобразии русских говоров Грузии, необходимо иметь представление и о колонизационном движении — откуда шла русская колонизация в Грузию. Изустное сообщение информантов, архивные и опубликованные материалы позволяют установить время появления первых носителей русских говоров. В Грузии известно несколько колонизационных потоков, разных по времени, составу и происхождению, но мы коснемся только колонизации старообрядцев. Старообрядство возникло в середине XVII века и получило широкое развитие в XVIII в., когда особенно усилился феодально-крепостнический гнет. Зарождение сектантства вообще рассматривается "как форма социально-политического протеста под религиозной оболочкой... Социальные причины сектантства — протест широких народных масс против феодально-крепостнического гнета" [13].

По официальным сведениям, старообрядцы (некрасовцы) — секта донских казаков-раскольников. Свое название "некрасовцы и их потомки получили от имени Игнатия Некраса

(Некрасова) одного из атаманов восстания под руководством К.Булавина⁸. Некрасовцы после подавления восстания эмигрировали за границу, а после Октябрьской революции почти все вернулись на Родину [14].

По нашим данным, с эмигрировавшими некрасовцами были покровцы и потомцы, потомки которых живут сейчас в Грузии вместе с некрасовцами, они едины в языке, обычаях и поэтому мы их объединяем под общим названием покровцев. Старообрядцы (некрасовцы и покровцы) обосновались в Грузии значительно позже, чем духоборы и молокане [15]. С момента возвращения на Родину старообрядцы вступают в контакты как с носителями русского литературного языка, так и диалектного, что находит реализацию прежде всего на лексическом уровне. Спустя некоторое время некрасовцы и покровцы переселяются в Грузию, и новые контакты с грузинским языком так же незамедлительно дают знать о себе.

Говор старообрядцев постоянно испытывает воздействие русского литературного языка, как и все островные говоры на территории СССР, находящиеся в сфере активного влияния международного русского литературного языка. Влияние литературного языка на русские диалекты неравномерно. Выделяют три группы диалектов: диалекты, испытывающие сильное влияние литературного языка (южное и северное наречия); диалекты окраин, подвергающиеся воздействию других языков (диалекты и говоры Сибири, Севера, Дальнего Востока), которые сильно отличаются от русского литературного языка; русские диалекты и говоры в национальных республиках, не

контактирующие непосредственно с другими русскими диалектами, но испытывающие влияние русского литературного языка и языка национальной республики. Как замечает И.Ф.Протченко, "наблюдается (зачастую довольно своеобразно) взаимодействие между говорами русского языка и говорами соответствующих национальных республик и областей, на территории которых проживает русское население. Это вносит своеобразный колорит в разговорную речь местного населения (как русского, так и представителей других национальностей)" [10].

В говоре старообрядцев, несмотря на влияние русского литературного языка, грузинского языкового окружения, прошлых контактов с турецким, румынским, болгарским языками, и на данном этапе развития сохраняются устойчивые русские диалектные явления на всех уровнях диалектной системы: фонетико-фонологическом, лексико-семантическом и грамматическом.

В исследуемом говоре можно выделить лексику общую и лексику специфически диалектную, так как "в состав диалектного языка входит лексика, по-разному характеризующая его структуру: одна часть этой лексики - общая для всего диалектного языка, другая составляет различия между говорами" [16]. Вытеснение последней и появление новой лексики на лексико-семантическом уровне чаще всего наблюдается под воздействием русского литературного языка, но и взаимодействие с иноязычной средой играет определенную роль в этом живом процессе.

3. В говоре старообрядцев, с одной стороны, имеет место полная замена диалектного слова литературным, с другой — сосуществование, но при этом следует заметить, что слово, проникшее из литературного языка в говор, и ныне проходит диалектную структуризацию: а) полное вытеснение диалектного слова литературным, например, "бирю́к по-старому, а сейчас — волк; сейчас говорим зу́бы, а там — ба́бки; сенцы́, а здесь говорим колидо́р; подпове́ток, а теперь балко́н; по-старому — каса́дка, а теперь говорим ласточка; там, в Турции, называли каза́н, а сейчас — ведро́; у нас краве́ц говорили там, а сейчас — портно́й; стрекоза, а мы называли ве́дьма; пе́плы — петухи; по-старому капа́ница, а теперь моты́га, то́ха (груз); марты́н говорили раньше, теперь на марты́н говорим ча́йка; карто́шку называли барабу́ля, как жили в Турции, а в России бросили старое название; за границей гарма́н, а здесь молотба́; гарманить, а тут — молоти́ть; то́мко сидеть, а теперь говорим утомительно; ее брат родный де́ржит ее сестру, сейчас называем жена́т; сундук скриню́ называли, а сейчас чемоданы". Из приведенного материала видно, что чаще всего вытесняются диалектные имена существительные, называющие различные реалии.

б) Диалектная лексика сосуществует с литературной: "худоба́ — скотина; быстра́ — течение; стра́ва — блюдо; харчо́ или борщ, или бутеброт — эт все одно к одному — эт стра́вы; у вас говорят glandy, а у нас завалки, мы тоже называем сейчас glandy; эт у нас такая слова — огу́дина, с потомства такая слова идет, а теперь ботва́; вот дальше моя ха́та, а вот мой дом, дом — это немного покультурнее;

что костьё, что кровь — одно; считай мы некрасовцы и потомцы одного костья; петля в морской сети называется по нашему огниво́; сейчас называем и петля и огниво́; и приёмный пункт, и лаба́з говорим; вёслы, хучь баба́йки; садо́вина и дерево говорим; одна дере́ва — садо́вина; говорим столбы и вере́я; на воротах столбы или верея; ше́рба и юха́ тоже; называем и грёбу́ю и брезгую".

в) В советской деревне в связи с новыми хозяйственными и общественными отношениями появляются новые слова [17], проводником которых служит литературный язык. В говорах "особый слой общенародной лексики составляют слова, вошедшие в словарный состав недавно (трактор, колхоз, коммуна, ветврач, доярка, совхоз, авиация, поликлиника, телевизор, космонавт). Этот слой, отражающий новые формы жизни, постоянно расширяется, как и в литературном языке" [18]. Лексика современной деревни непрерывно изменяется, изменения эти вызваны экстралингвистическими факторами, с утратой реалий забываются и соответствующие названия [4].

Новый уклад жизни старообрядцев отражается лексикой, не известной им раньше: тра́ктор, азо́т, фо́сфор, совхо́з, колхо́з, ра́дио, но́рма, комба́йн, трифа́лят, трихваля́нт, депута́т, бюлле́тень, пиани́но, детса́д, госпито́вник, до́ктор, врач, микро́бы, докуме́нт, моти́х, киломе́тр, сейне́р, драце́на, веги́тация и др.

Большая часть новых слов, проникшая в говор из литературного языка, является заимствованной и немотивированной, поэтому понятно, что в диалектах "видоизменение звуковой оболочки заимствованного слова, помимо прочих факторов,

ЭТНОГРАФИЯ
1953 г.
2022010333

бывает обусловлено и трудностью запоминания неосмысленной, немотивированной последовательности звуков "чужого" слова " [19].

В говоре старообрядцев видоизменение звуковой оболочки и структуризация в целом производится по имеющимся моделям диалектного языка, и поэтому заимствованные слова начинают функционировать в новом для них обличье: трихвал'янт, ра́дио, пиани́нох, аграфический словарь, тра́ктор и т.д.

4. Важным фактором в развитии лексики говора является контактирование с грузинским языком, под влиянием которого происходят и изменение диалектной лексики, и пополнение её. Известно, что "одной из основных причин возникновения диалектных особенностей лексического порядка (и не только лексического) являются воздействия иноязычных стихий, влияющих или влиявших некогда на русские говоры той или иной области, т.е. результаты контакта этого сношения с другими языками" [20].

Воздействие грузинского языка на говор старообрядцев ограничивается данным участком и не затрагивает диалектных явлений других уровней; слова, проникшие из грузинского языка, представлены без особых семантических дифференциаций, что объясняется кратковременностью контактов говора с грузинским языком. В русских говорах одни заимствования обозначают новые понятия и не имеют русских синонимов, другие же обозначают понятия, которые имеют в говоре лексическое выражение, и поэтому возможна семантическая и стилистическая дифференциация слов - синонимов [4], но

при этом необходимы более длительные контакты.

В процессе контактирования говора старообрядцев с грузинским языком наблюдаются следующие явления: 1) появление новых слов, обозначающих предметы, не известные ранее носителям говоров; 2) вытеснение русских слов и замена их грузинскими; 3) сосуществование русских и грузинских наименований, в то время как слова, проникшие из турецкого, румынского и болгарского языков, постепенно вытесняются под воздействием русского литературного языка и нового языкового окружения: баджак - труба, лева - копейка, тутун - виноградная лоза, вази (груз.), тамбулка - тыква, гогра (груз.), думаты - помидоры и др.

Займствования из грузинского языка при наличии - отсутствии реалий в говоре условно можно охарактеризовать как мотивированные и немотивированные. Мотивированные имеют русские соответствия и поддерживаются ими. Поскольку в говоре были известны данные реалии еще до контакта с носителями грузинского языка, параллельные соответствия из грузинского языка имеют как бы определенную мотивацию, не являются неожиданными и, несмотря на необычность звучания, переносятся на знакомые реалии: ко́мша - айва, то́хамотыга, ба́ги - сад, ча́ча - водка, ча́ла - солома, турку́ль - ящур, хуце́си - священник, би́дзия - дядя, бицо́ла - тетя и др.

Немотивированные же займствования возникают при знакомстве с новыми реалиями, явлениями в определенной фактической ситуации, не известной ранее, и поэтому без параллельных русских соответствий: ма́ра́нь - винохранилище,

бамба - хлопок, Храму́ли - форе́ль (по названию реки Хра́ми), гудо́ра - высокая плетеная корзина, в которой собирают чай, чаха́ - черкеска, ча́да - кукурузный "хлеб" и др.

Особо следует остановиться на заимствованиях из грузинского языка, которые в процессе контактирования постепенно вытесняют русские номинации и занимают их место, и это естественно, так как при данном хозяйственном укладе грузинское слово точнее передает характер реалий и явлений: то́хатъ, ча́ла, чача́, биня́, турку́ль и др. Несмотря на активное воздействие литературного языка и тесные контакты с грузинской языковой средой, в говоре старообрядцев особенно в языке старшего поколения сохраняется устойчивая лексика южнорусских говоров, в частности, и религиозная лексика в диалектном обличье.

В заключение следует заметить, что вытеснение диалектных слов и появление новых под воздействием русского литературного языка и грузинского в говоре старообрядцев может быть полным и частичным.

Под воздействием русского литературного языка			Под воздействием грузинского языка		
полное	частичное (существование)	появление новых слов	полное	частичное (существствование)	появление новых слов
бирю́к-волк	сад-дерево	пиани́но	могы́жить-то́хатъ	ба́ги-сад	мара́нь
каза́н-вед-ро	вере́я-сто́лб	тра́ктор	соло́ма-ча́ла	то́ха-мо-тыга	чаха́
каса́дка-ласточка	худо́ба-ско-тина	госпито́в-ник	я́щур-турку́ль водка-чача и др.	ко́мша-айва ло́за-ва́зи и др.	ча́да гудо́ра

1. К.Ф.Захарова, В.Г.Орлова. Группировка говоров русского языка. ВЯ, 6, 1962, стр.20.
2. Ф.П.Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, стр.22.
3. К.В.Горшкова. Историческая диалектология русского языка. М., 1972, стр.6.
4. Русская диалектология под ред. Н.А.Мещерского. М., 1972, стр. 270-276.
5. В.Г.Орлова. Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов (к проблеме метода исследования). IУ Международный съезд славистов. Славянская филология. Сб. статей. М., 1958, стр.162.
6. А.А.Хидешели. О диалектных вариантах некоторых слов. "Мацне", серия языка и литературы. АН ГССР, Тбилиси, 1975, стр.131-132.
7. А.А.Уфимцева. Типы словесных знаков. М., 1974, стр.4.
8. В.В.Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947, стр.19-21.
9. М.Савицкене. Некоторые вопросы изучения островных говоров. Русские говоры в Прибалтике. Уч.зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Языковедение. УШ.Вильнюс, 1964, стр. 14.
10. И.Ф.Протченко. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. М., 1975, стр.13, 76-77.

-
11. А.И.Попов. Русские народные говоры и влияние иноязычных соседей (этимологические этюды). Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, стр.5.
12. В.Я.Дерягин, Л.И.Калягина. Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах. Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, стр.32.
13. З.И.Поракишвили. Духоборы в Грузии. Тбилиси, 1971, стр. 21.
14. БСЭ, т.29, стр.389-390.
15. А.А.Хидешели. Морфологическая система русских островных говоров на территории Грузии (парадигматика и грамматические категории субстантива). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1971, стр.10-12; Фонетические особенности шекветилского говора русского языка. Труды Тбилисского государственного университета, т.Х I, Тбилиси, 1950, стр.215.
16. Русская диалектология под редакцией Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964, стр.201.
17. Р.И.Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 184.
18. Русская диалектология под редакцией П.С.Кузнецова. М., 1973, стр. 202.
19. О.И.Блинова. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии. Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1970, стр.95.

20. А.И.Попов. Некоторые вопросы и задачи исследования лексики русских говоров. Лексика русских народных говоров (опыт исследования). М.-Л., 1965, стр.5.

21. С.П.Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр.5.

ა. ხიდეშელი

რუსული პირობა სალინგვისტოლო ენის ბუნებას

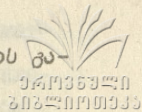
შესახებ

რეზიუმე

რუსული დიალექტური ენის მიწაცემები ინფორმაციას იმსახურებს თანამედროვე რუსული დიალექტოლოგიის ენის ბუნებრივი არამოტივირებული მოვლენის ახსნისას და ამავდროულად წარმოადგენს ავტორიტეტულ წყაროს ენის ძველი მდგომარეობის აღსადგენად.

ამჟამად დიალექტებში ფუნქციონირებს მრავალი არქაული ელემენტი ფონეტიკური, გრამატიკული და აგრეთვე ლექსიკური დონისა, შემცვენიერებელი მიღებული ჯერ კიდევ სლავური ენობრივი ეპოქიდან. დიდი მნიშვნელობა ენიჭება როგორც ძველი ლექსიკური შემადგენლობიდან შემონახული, ძველი რუსული ძეგლებში შექონებული ელემენტებს, ისევე ცოცხალი სალაპარაკო ენას, რომელიც არ ასახვდა ძეგლებში, მაგრამ შემორჩა დიალექტებს. მოცემული მოვლენის კვლევისას რუსეთის საბჭოთა ფედერაციული სოციალისტური რესპუბლიკის პირობის გარდა მნიშვნელოვან როლს ასრულებს მოკავშირე რესპუბლიკების რუსული პირობის მიწაცემებიც. რამდენადაც ამ პირობებში ფართო გამოყენება კმაყოფილება მოვლენებშია და უცხოურ ენობრივ გარემოში გაჩენილია ინფორმაციები, ძველი მოვლენებიც და ინფორმაციებიც გამოიყენება როგორც წარსული ენის რეკონსტრუქციის დროს,

ასევე თანამედროვე დიალექტების განვითარების ჭეშმარიტების გამო

მორკვევისას.

მოცემულ ნაშრომში ავტორი განიხილავს საქარტველოს ჭერით-
რისავე გავრცელებული ერთ-ერთი რუსული პირობა ლექსიკურ თავისუ-
ბურებას, კერძოდ დიალექტური სიტყვების განვითარებას და ახალი სიტყ-
ვების გაჩენას რუსული ლიტერატურული ენისა და ქართული ენობრი-
ვი გარემოს გეგმურად.

A.Chidescheli

ÜBER DEN EINFLUß DER LITERATURSPRACHE AUF DEN DIALEKT IN DER FREMDSPRACHIGEN UMWELT

Zusammenfassung

Russische Dialekte, die auf dem Territorium der Nationalrepubliken verbreitet sind, stehen mit anderen russischen Dialekten in keiner unmittelbaren Verbindung, aber sie lassen sich von der russischen Literatursprache sowie der Sprache der Nationalrepublik beeinflussen.

Im Dialekt der Altgläubigen bewahren sich stabile russische dialektale Erscheinungen trotz des Einflusses der russischen Literatursprache, der georgischen sprachlichen Umwelt, der ehemaligen Kontakte mit dem Türkischen, Rumänischen, Bulgarischen auf allen Ebenen des dialektalen Systems.

Die Verdrängung der dialektalen und das Entstehen der neuen Lexik ist am häufigsten unter dem Einfluß der Literatursprache zu bemerken, jedoch spielt die Wechselbeziehung mit der fremdsprachigen Umwelt in diesem lebhaften Prozeß eine bestimmte Rolle.

Im Dialekt der Altgläubigen findet einerseits eine vollständige Ersetzung des dialektalen Wortes durch das russische oder georgische Literaturwort, andererseits aber ein Nebeneinander statt. Man muß aber bemerken, daß manche neuen Wörter auch heute eine dialektale Strukturierung erfahren.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени
государственного университета

202, 1979

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА И
СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В.В.Чедиа

Слово и словосочетание – номинативные отрезки речи. Основная их функция в интенциональном понимании – называть сегменты действительности, обозначая их свойственными каждому данному языку знаками. Это те функции номинации, из экстенционального сложения которых возникает коммуникативная – высшая функция языка.

Слово в отношении к словосочетанию представляет собой низшую иерархическую ступень номинации, исходную выделяемую цельнооформленную /А.И.Смирницкий/ единицу с лексическим значением. Словосочетание /имеется в виду свободное словосочетание/ – это высшая ступень номинации, выраженная раздельно оформленной единицей; она обладает композиционным значением, вытекающим из суммы лексических значений конституирующих единиц.

Следовательно, и слово и словосочетание – это прежде всего единицы номинации, то есть обозначения. Функция номинации в них соотносится в содержательном плане с функцией сигнификации. Это соотношение вытекает из того факта, что слово и словосочетание, с одной стороны, что-то называют, с другой стороны, что-то обозначают и, помимо этого, что-то еще и значат.

Соотношение этих функций до сих пор подробно рассматривалось в слове, но при рассмотрении словосочетаний /свобод-

ных/ эти вопросы обходились, а сами словосочетания рассматривались не столько в сигнификативном плане, сколько в плане синтагматическом, как единицы синтаксические, а не семантические.

Словосочетание, помимо лексической и синтаксической валентности, обладает и сигнификативной цельностью, которая часто соотносится со смысловой цельностью слова.

Понятие номинации в применении к слову может трактоваться по-разному. Основное понимание номинации — это ее понимание как процесса называния. Однако номинации понимаются не только как процесс, но и как единицы языка ([1], 57), как результат процесса.

С другой стороны, акт номинации может носить обобщающий и индивидуализирующий характер.

В результате процесса генерализации возникают обобщающие знаки языка, а в результате процесса индивидуализации — индивидуализирующие знаки.

Одни и те же знаки языка в зависимости от характера номинации /генерализации или индивидуализации/ могут быть и обобщающими и индивидуализирующими. Например, сокол /аппелятивное имя/ и Сокол /имя собственное/. Обычно индивидуализирующие знаки /имена собственные/ имеют строгую предметную направленность, поэтому они являются, как правило, субстантивами.

Номинации в языке — явление не спорадическое, а регулярное. Наименования даются новым явлениям действительности, новым понятиям, а для этого используются как новые языковые знаки, так и уже существующие. Следовательно, номинации

могут иметь характер знакового творчества, знакового заимствования и знакового дублирования.

041035740
3022010333

В каждом из этих проявлений номинаций процесс наименования на первоначальной стадии еще не приводит к выражению понятия. "Первое употребление вновь созданного имени - микрономинация - не дает ни нарицательного, ни собственного имени. Статус имени, его место в языке, будет определен в процессе функционирования в речи. Если черта, положенная в основу номинации, окажется свойственной и другим объектам, а не только тому, у которого она была впервые выявлена, имя начинает обобщать и конституируется как нарицательное. Если черта, на основе которой предмет получил свое название, случайна, не обязательна или по-иному представлена у других предметов, имя становится собственным" ([2], 238).

Различие между знаками обобщающими и индивидуализирующими проявляется в двух планах: в понятийном и информационном. Принято считать, что обобщающие знаки выражают понятие, в то время как индивидуализирующие понятий не обозначают. Так, приведенный выше пример сокол - это языковой знак, обозначающий не только конкретный предмет, конкретную птицу, но и птиц одного вида вообще, видовое понятие. Сокол как ашпеллятивное имя обозначает сумму обобщенных черт, свойственных всем представителям данного вида. Имя собственное Сокол - это не обобщенные черты объекта, не выражение понятия как научной дефиниции объекта, а индивидуализирующий знак, обладающий только лишь предметной направленностью, имеющий одну функцию - вызвать реакцию самого объекта или

на объект. Следовательно, "применимость имен собственных сведена к минимуму", поскольку они "представляют особые классы, состоящие из одного объекта" ([3], 252).

Имена собственные, в отличие от нарицательных, лишены лексической структуры, поэтому в них "материальная сторона ... словесного знака /его звучание или акустический образ/ приобретает большую значимость, чем это имеет место в именах нарицательных" ([4], 159).

В информационном плане обобщающие и индивидуализирующие знаки различаются объемом той информации, которую несут номинативные знаки языка, возникшие как результат номинации.

Обобщающие языковые знаки имеют денотативную, понятийную и коннотативную направленность, иначе говоря, такой знак или обозначает предмет, или выражает основное понятие, на которое наслаиваются коннотации. Собака – это не только знак, обобщенно обозначающий бесчисленное множество собак / понятие/, но и знак, выражающий смысловое содержание, сумму свойств и признаков: форму, назначение, особенности поведения, принадлежность к живому миру и т.д. Сочетание понятия с коннотациями и представляет собой содержание, смысл /сигнификативный/ аппелятивного языкового знака. Реализация этого знака в речи сопровождается расщеплением сигнификативного смысла. В речи используется или денотативная, или понятийная, или коннотативная, или же выборочно-комбинированная направленность знака. Любая реализация обобщающего языкового знака в речи основана на сигнификативном обобщении, которое является характерным признаком таких знаков.

Однако любое обобщение абстрагируется от конкретных объектов и поэтому не несет в себе всей суммы информации, заключенной в каждом объекте. Следовательно, информация, которую несет языковой знак город, не включает в себя данные о всех городах, точно так же, как знак книга не содержит всей суммы информации о всех книгах.

В информационном плане индивидуализирующие знаки оказываются гораздо богаче обобщающих. Так, индивидуализирующий знак Москва содержит неизмеримо больше информации, чем обобщающий знак город. То же самое можно сказать о знаках Болгария и страна и т.д. Это явление связано с тем, что имена собственные – это "классы, состоящие из одного объекта" /Е.Курилович/.

С другой стороны, насыщенность информации о том или ином объекте, обозначаемом именем собственным, в каждом конкретном случае зависит от знания этой информации. Однако такое знание – это явление не лингвистическое, а социально-культурное.

Таким образом, индивидуализирующие знаки /имена собственные/ тесно связаны с тем предметом, который они называют, и не могут существовать без конкретного референта.

Они не имеют понятийной и коннотативной направленности и, следовательно, не имеют значения, если рассматривать значение как совокупность понятийных и коннотативных элементов. В отличие от обобщающих знаков имена собственные имеют референтную и информационную направленность, т.е. они называют объект со всей суммой информации о нем.

Точкой соприкосновения обобщающих и индивидуализирующих знаков является денотативная направленность первых и референтная направленность вторых.

Под денотативной направленностью знака нами понимается направленность на предмет мысли, вытекающий из обобщения класса реальных предметов или явлений действительности.

Референтная направленность – это направленность непосредственно на предмет или явление действительности.

Так, например, такие сегменты речи, как: "Эта девочка умывается" и "Натasha умывается" могут иметь идентичное содержание, если денотативная направленность слова девочка совпадает с референтной направленностью имени Натasha. Однако слово девочка в первом случае обозначает конкретный объект, причем это становится возможным при наличии лексического актуализатора /дейксиса/ эта, в то время как имя Натasha называет объект, причем индивидуализирующий знак в данном случае не нуждается в актуализаторе, поскольку имя собственное, если оно не называет разные референты /Петр Иванов, Петр Сидоров и т.д., где фамилии являются актуализаторами имен/, само, по своей природе, лексически актуализирует в каждом конкретном случае.

Итак, номинации могут быть связаны с денотативной и референтной направленностью знака. Номинация в первом случае влечет за собой появление обобщающего знака, во втором случае – индивидуализирующего знака.

Обобщающие и индивидуализирующие номинативные единицы

составляют основной класс субстантивных слов в языке, имеющих денотативную и референтную направленность.

УДК 81.435.02
302.011033

Однако класс субстантивных единиц часто не имеет направленности на материальные факты действительности. Из известного соотношения $знак : предмет : понятие$, где знак /слово/, обозначая и обобщая предмет, выражает содержание понятия как абстрактного определения объекта, может возникнуть усеченный вариант соотношения $знак : понятие$. При таком соотношении у знака отсутствует как референтная, так и денотативная направленность. Знак функционирует в пределах понятийной направленности. К таким знакам относятся имена абстрактные, типа: связь, отношение, развитие, любовь, смерть и др., а также терминологические знаки.

Как отмечает Е.Курилович, "абстрактные существительные, точно так же как прилагательные или глаголы, не принадлежат к первичному лексическому слою. Это слова более высокого языкового порядка" ([3], 252).

Е.Курилович подчеркивает те, ссылаясь на В.Порцига, что основная функция абстрактных субстантивов /отглагольных и отыменных/ - сводить предложение к словосочетаниям, последние же позволяют трансформировать конкретные синтаксические связи в номинативную абстракцию высшего порядка. Такая трансформация может происходить и непосредственно из словосочетания без предварительной трансформации коммуникативной единицы в номинативную.

Обозначим исходное предложение индексом s , производную сложную номинативную единицу - n_I и производную

простую номинативную единицу - N_2 . Тогда, воспользовавшись методикой Е.Куриловича, получим:

S - Спортсмены соревнуются

N_1 - соревнование спортсменов

N_2 - соревнование

N_1 - его красивое лицо

N_2 - красота

Сравнив приведенные соотношения, можно прийти к выводу, что трехступенчатая трансформация приводит к образованию отглагольного абстрактного имени, а двухступенчатая - к образованию отыменного абстрактного имени.

Следовательно, в основе абстрактных имен лежит направленность номинации не на конкретные материальные факты действительности, а их направленность на такие явления, как процесс, свойство, количество.

Абстрактные языковые номинативные знаки /вербальные/ возникают и на основе номинации, направленной на обозначение процесса вне конкретной его соотнесенности с речевой действительностью, причем абстрагирование здесь происходит также на синтагматической основе. Ср., например:

S - Он работал целый день

N_1 - работать целый день

N_2 - работать

S - Он спал всю ночь

N_1 - спать всю ночь

N_2 - спать

Особенно ярко адекватность именной и глагольной абстракт-

ции проявляется в тех языках, где происходит их слияние в одной номинативной единице, вследствие единой процессной направленности номинации, в результате которой возникают абстрактные единицы с опредмеченным процессным содержанием.

К таким единицам относятся, например, отглагольные существительные в грузинском языке, которые в грамматическом плане дифференцируются только лишь в процессе речевой реализации. Характер этой реализации особенно ясно проявляется при межъязыковом сопоставлении с теми языками, в которых такая дифференциация происходит и на словарном уровне. Ср., например, смысловые эквиваленты в грузинском и русском языках:

ბზარ ბაჭვა ავტავს - Завтра у нас рисование

ბაჭვის გაკვიანობა - урок рисования

ბაბ ბაჭვა უყვარს - Он любит рисовать

ბა ბაჭვა - Он рисует

Следовательно: ბაჭვა $\left\{ \begin{array}{l} \text{рисование} \\ \text{рисовать} \end{array} \right.$

Абстрактными по сути своей являются и словесные знаки с номинацией, направленной на признаки и свойства материальных сегментов действительности. Их первичная функция также является синтаксической ([3], 252-3). В основе выделения словесных знаков, обозначающих признаки и свойства, лежат словосочетания, соотносящиеся с теми фактами действительности, в которых существенную роль играет фактор признака, а не сам предмет или процесс. Так, например, словесный номинативный знак красивый приобретает самостоятельное значение

/абстрактное/ не в результате непосредственного соотношения с действительностью, как это происходит с таким апеллятивным словесным знаком, как дом, а посредством обобщения определенных признаков, свойственных целому классу реальных предметов. Только лишь наличие таких словосочетаний, как "красивый дом", "красивый город", "красивая книга" и т.д., обозначающих классы реальных предметов с выделяемыми в них адекватными признаками, позволяет выделить номинативный словесный знак красивый, который, так же как и абстрактные имена, непосредственно соотносится лишь с понятием, обобщающим данный признак.

То же самое можно сказать и о словесных знаках, обобщающих признак процесса. Номинативный знак громко абстрагируется от конкретных процессно-адвербиальных словосочетаний "громко говорит", "громко поет", "громко стучит" и т.д.

В высшей степени абстрактными оказываются единицы, возникшие в результате номинации, направленной на количественные отношения, существующие в окружающей действительности. В результате такой номинации возникли количественные единицы, отражающие абстрактные математические понятия чисел. Количественная номинация является фактически знаковым /языковым/ обозначением математических понятий, в отличие от семиотических обозначений этих понятий в самой математике /ср. семиотическое обозначение чисел и их отношения $2+5$, доведенное до высшей степени математической абстракции в форме $a + b$, и языковое обозначение этого отношения с помощью количественных единиц - "два плюс пять"/.

В пределах языка возможно "снижение" абстракции, сопро-

вождающееся опредмечиванием количественных единиц: десяток,
шестерка, трое.

0419359210
20220110333

С другой стороны, в любом языке возможны классы номина-
тивных единиц, в которых количественные понятия выражаются
лексическим содержанием этих единиц. Причем, как правило,
они обозначают приблизительную множественность ([4], 162).

Ср. такие обозначения, как часть, тьма, множество, доля
и др. Все эти единицы относятся к абстрактному лексическому
слою.

И, наконец, номинативные знаки могут вообще не иметь по-
нятийной направленности, как это происходит с именем собст-
венным, однако, в отличие от имен собственных, они не имеют
и референтной направленности, нет в них, естественно, и де-
нотативной направленности. Это те единицы, которые принято
называть местоимениями. Они ситуативны, вследствие этого они
могут стать носителями денотативного и референтного содержа-
ния только в определенной речевой ситуации, которая называет
денотат / resp. референт / и тем самым проясняет место-
имение, придавая ему сигнификативный смысл.

Местоименные знаки - "это слова-указания, они не значат,
а указывают на значимое" ([5], 35).

Таким образом, номинации могут иметь различную направ-
ленность, и, следовательно, номинативные единицы, возника-
ющие вследствие такой номинации, могут обозначать различные
стороны действительности - от ее материальных объектов до
различных свойств и процессов, связанных с этими объектами.

Итак, основная направленность номинации - это предмет-
ная направленность, которая может быть конкретно-предметной

и абстрактно-предметной. Конкретно-предметная направленность номинации служит основой образования первичного лексического слоя языка.

Номинации могут иметь также атрибутивную направленность, под которой следует понимать направленность на признаки и свойства предметов и явлений действительности. Такая номинация приводит к образованию языковых знаков, обозначающих различные признаки и свойства. Направленность знака — понятийная.

Процессная направленность номинации связана с существованием в объективной реальности различных процессов, под которыми следует понимать любое движение или состояние. Процессная номинация может иметь реально-процессную и абстрактно-процессную направленность. В первом случае языковой знак имеет денотативную направленность, во втором случае — понятийную.

Квантитативная номинация связана с математической абстракцией и поэтому номинативные знаки, вытекающие из этой номинации, имеют понятийную направленность.

Все указанные номинации связаны со знаками, имеющими в различной комбинации референтное, денотативное или понятийное содержание. Однако возможны дефектные номинации / по терминологии Е. Куриловича, "недостаточные структуры" /, которые лишены непосредственной соотнесенности с фактами реальной действительности. К таким номинациям относятся прономинальные, эмоциональные и оноματοпоэтические номинации. Дефектность этих номинаций определяется отсутствием в них пред-

метной, атрибутивной, процессной или количественной направленности.

04.10.53
202.11.10.33

Так, например, прономинальные номинации представляют собой единицы, лишённые в словарном /интенциональном/ плане реального содержания / он, этот, такой и др./ . Эти знаки наполняются конкретным содержанием только лишь в контексте, в процессе речевой реализации.

Что же касается эмоциональных /ой, ах, ну, брысь/ и онomatopoeических / мяу, ха-ха, бац и др./ номинаций, то их функции связаны с чувственным состоянием, то есть лишены интеллектуальной характеристики, или с звукоподражанием, элементарным воспроизведением, также лишённым концептуальности.

Таким образом, направленность номинации /недефектной/ и направленность языкового знака имеют различные характеристики /параметры/. Номинация имеет предметную, процессную, атрибутивную и количественную направленность, а языковой знак – референтную, денотативную и понятийную направленность. Однако эти характеристики пересекаются и взаимообуславливают друг друга. Взаимоотношение между видами знаков, их направленностью и направленностью полной /недефектной/ номинации наглядно может быть представлено в следующей таблице:

Виды знаков		Индивидуализирующие	Обобщающие	Абстрагирующие	
Направленность знака					
Направленность номинации		Референтная	Денотативная	Понятийная	
Предметная	Конкретно-предметная	Индивидуально-предметная	+	-	-
		Обобщенно-предметная	-	+	+
	Абстрактно-предметная		-	-	+
Процессная	Реально-процессная		-	+	-
	Абстрактно-процессная		-	-	+
Атрибутивная		-	-	+	
Квантитативная		-	-	+	

Взаимоотношение слова и словосочетания имеет многоаспектный характер. Важен в этом плане и аспект, связанный с рассмотренными выше вопросами номинации. Один из аспектов связи номинации со словосочетанием и словом был уже рассмотрен в связи с вопросом семантических путей образования абстрактных номинативных единиц.

Слово и словосочетание – это номинативные единицы, отличающиеся друг от друга как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения различие между ними носит глобальный характер. Связано оно с характером оформленности этих единиц. Слово в русском языке – интегральная номинативная единица, являющаяся минимальным, грамматически оформленным отрезком речи, несущим семантическую нагрузку. Слово как интенциональная единица обладает явными парадигматическими свойствами.

Словосочетание – это дискретная номинативная единица, интегрантами которой являются слова. Словосочетание в плане выражения обладает явными синтагматическими свойствами. В плане содержания слово и словосочетание представляют собой единицы, выражающие понятия ([6], 42).

Являясь номинативными единицами, слово и словосочетание возникают как следствие номинации – обозначения отрезка действительности. Однако интегральность слова и дискретность словосочетания предполагают и различие словесной и словосочетательной номинации. Лексический знак основан на цельной номинации, синтагматический знак – на расчлененной. Следовательно, характер номинации соответствует в данном случае характеру оформленности: цельнооформленная единица вытекает из цельности номинации, отдельнооформленная – из ее расчлененности.

Выше было отмечено, что лексические номинативные знаки, за исключением индивидуализирующих, носят обобщающий и абстрагирующий характер, а их направленность оказывается дено-

тативной и понятийной. Иначе говоря, все лексические зна-
ки, связанные с недефектной номинацией, за исключением
имен собственных, обобщают обозначаемые ими предметы и
явления действительности.

Расчлененная номинация, приводящая к образованию дискретной номинативной единицы, способствует конкретизации содержания, резко суживает направленность расчлененного знака, а входящий в нее стержневой лексический знак теряет свой обобщающий характер, в большей степени денотируя свою направленность. Эту особенность как словосочетания в целом, так и конституирующих его лексических знаков отмечал еще В.П.Сухотин: "В составе словосочетания как бы отрицается или "снимается" обобщающий характер отдельного слова, хотя присущее ему лексическое значение и остается в большинстве случаев неизменным" ([7], 152).

Ср., например, "стол" и "большой стол"
"говорить" и "говорить громко"
"купить" и "купить книгу".

Интегральная номинативная единица стол имеет глобальную денотативную направленность, слово стол обобщает все возможные свойства и признаки, присущие обозначаемому этим словом предмету действительности.

Дискретный номинативный знак "большой стол" выделяет и обозначает один из многих признаков, свойственных предмету, обозначаемому стержневым интегрантом дискретной единицы. То же самое *mutatis mutandis* можно сказать и в отношении процессных единиц говорить, купить как отдельно взятых, так и в составе словосочетания.

Номинативными могут быть словосочетания двух типов: атрибутивные /к которым следует, очевидно, относить лубые словосочетания, выделяющие признак, назначение, отношение, свойство, принадлежность, степень или количество/ и, по терминологии А.И.Смирницкого, комплетивные, выделяющие ориентацию процесса.

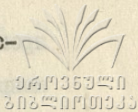
Следовательно, если рассматривать эти словосочетания с точки зрения принципа избирательности при обозначении предметов или явлений действительности, то в них можно выделить доминантный и ограничивающий компоненты. Так, в атрибутивных словосочетаниях доминантным является предметный или процессный компонент, в комплетивных словосочетаниях — процессный компонент.

Указанные типы словосочетаний, являясь дискретными знаками, возникают на основе расчлененной номинации.

Цельная и расчлененная номинации не являются идентичными по характеру своей направленности. Направленность расчлененной номинации ограничена. Это ограничение связано, главным образом, с тем, что расчлененная номинация направлена на ограниченные отрезки реальной действительности, то есть на те предметные и процессные отрезки, которые заключают в себе определенные признаки, свойства или ориентацию. Поэтому по сути дела направленность расчлененной номинации может быть или предметной или процессной. В результате этой направленности и возникают дискретные знаки двух типов: атрибутивные и комплетивные.

Таким образом, направленность расчлененной номинации оказывается не двусторонней, а односторонней — она направлена на лексически доминантный компонент, который в атрибу-

тивных словосочетаниях оказывается предметным или процессным, а в комплетивных — процессным.

Например, в атрибутивных дискретных знаках "большой стол", "говорить громко" направленность номинации предметная /стол/ и процессная /говорить/, а в комплетивном дискретном знаке "купить книгу" направленность процессная /купить/. Что же касается ограничивающих компонентов / большой, громко, книгу /, то они являются знаками маркированных признаков и свойств предмета и процесса или маркированной предметной ориентации процесса.

Как и интегральные знаки, дискретные могут быть: индивидуализирующие (имена собственные, выраженные словосочетанием), обобщающие (с доминантным компонентом, обобщающим предметы или явления действительности — "широкий слой", "черная доска", "громко говорить", "взять тетрадь") и абстрагирующие (с доминантным компонентом, выражающим абстрактные понятия — "дружеское отношение", "красивая любовь", "плохо работать", "разбить посуду").

Совпадение видов интегральных и дискретных знаков обуславливает и совпадение направленности этих знаков. Направленность дискретных знаков, как и интегральных, может быть денотативной, референтной и понятийной.

Следовательно, основное различие этих знаков в плане выражения заключается в их цельнооформленности и раздельнооформленности, которая оказывается в прямой связи с цельностью и расчлененностью номинации. В плане направленности номинации различие между ними заключается в том, что направленность цельной номинации четырехсторонняя: предметная,

процессная, атрибутивная и количественная, в то время как направленность расчлененной номинации в основном двусторонняя: предметная и процессная.^I

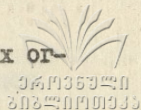
В речевой деятельности расчлененная номинация может быть не только бинарной, она может принимать многочленный характер. Однако направленность расчлененной номинации от этого не меняется. Многочленная номинация приводит к образованию распространенных словосочетаний ([8], 450). Такие словосочетания возникают на основе распространения или раскрытия ядерных бинарных словосочетаний.

Ср., например: "слабый ребенок" и "слабый здоровьем ребенок", "сильный человек" и "физически сильный человек", "горький перец" и "горький на вкус перец", "глубокая мысль" и "глубокая по содержанию мысль", "оригинальная работа" и "оригинальная по форме работа", "выгодное сотрудничество" и "экономически выгодное сотрудничество", "широкоплечий парень" и "широкий в плечах парень".

На основе многочисленных словосочетаний с корневым /доминантным/ компонентом выделяются вторичные /усеченные/

I В сложных числительных /по терминологии Академической грамматики, 1953/ типа "сто двадцать пять" количественная направленность номинации охватывает числительное целиком, в отличие от атрибутивных и комплетивных словосочетаний, в которых направленность номинации ограничивается семантически доминантным компонентом. В этом отношении направленность номинации в сложных и составных числительных /пятьдесят/ не отличается от ее количественной направленности в простых числительных.

словосочетания, практически выполняющие роль составных ограничивающих компонентов.

В приведенных примерах такими составными ограничивающими компонентами будут: "слабый здоровьем", "физически сильный", "горький на вкус", "глубокая по содержанию", "оригинальная по форме", "экономически выгодное", "широкий в плечах" и др.

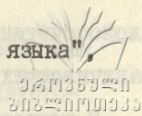
Составные ограничивающие компоненты могут сами по себе как словосочетания стать предметом лингвистического анализа. Однако поскольку номинация в них с точки зрения ее соотношения с отрезками действительности носит ущербный характер, то и направленность ее будет ущербной для словосочетания.

Поступила 25.X.1977

Кафедра
русского языка № I

ЛИТЕРАТУРА

1. Е.А.Земская. Русская разговорная речь, Проспект, М., 1968.
2. А.В.Суперанская. Общая теория имени собственного, М., 1973.
3. Е.Курилович. Положение имени собственного в языке, "Очерки по лингвистике", М., 1962.
4. А.А.Уфимцева. Типы словесных знаков, М., 1974.
5. А.А.Реформатский, Введение в языковедение, М., 1955.
6. В.В.Виноградов. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, "Вопросы

М., 1950.

7. В.П.Сухотин. Проблема словосочетания в современном русском языке, "Вопросы синтаксиса современного русского языка", М., 1950.
8. В.Н.Ярцева. Предложение и словосочетание, "Вопросы грамматического строя", М., 1955.

3. Գլոբա

Սոցիզոնս ըս ժոսոցիզոնս խոսհոյտոն ժոսհայրոն
ճոռնոթոն յսՅոյն

Պրօմիտ

Սոցիզոնս ըս ժոսոցիզոնս սըմանոյոյրոն ժոսհայրոն րոթ-րոթ-
ոն յսՅոյն ըսՅոյնիճոյն ըս Սոցիզոյրոն ըս ընոհրոյրոյն ոնժոն-
ս ըս ոնժոնոյրոն ոնժոնոյրոյն շոնոյրոն Սոյոնոն:

Սոցիզոյրոն ըս ընոհրոյրոյն ոնժոնոն ոնժոնոյրոյն ոնժոն-
ոյրոն, ոն ժոնոյն ոյոն ոյոյրոյն, ընոհրոյրոն ըս ընոնոն:
Նոնոնոյրոն ոնժոնոյրոն Սոյոն յոն Սոցիզոնս ըս ժոսոցիզոն-
ոն ոնոնոն յոն ոնժոնոյն ոնժոնոյն: Սոցիզոն ոնժոնոյրոն
յոյն Սոցիզոնոյրոն, յոնոյրոյն, յոնոյրոյն ըս յոնոյրոյն ոնժոն-
ոյրոն, ժոսոցիզոնոյն յոն - ոնոյրոն Սոցիզոնոյրոն ըս յոնոյրոյն:

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF THE SEMANTICS
OF WORDS AND WORD-COMBINATIONS

Summary

One aspect of the semantic study of words and word-combinations is related to the problem of interrelationship of the directions of word and articulated sign and the direction of naming.

The directions of word and articulated sign are identical, being either referential, denotative or notional, while, the types of direction of naming in words and word-combinations do not fully coincide. In words naming has object-, process-, attributive- and qualitative direction, whereas in word-combinations only object- and process direction.

Труды Тбилисского ордена Трудового Красного Знамени

государственного университета

202, 1979

КАРТВЕЛЬСКИЕ АРХАИЗМЫ И ИНДООЕРОПЕЙСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Летас Палмайтис

О.И. В статье, посвященной одному аспекту фонологической структуры пракартвельских морфем, нами обращено внимание на пары типа груз. ziras/zirsa, зан. škimot / груз. šemda и высказано мнение о имевшемся перед флексиями -s(a), -d(a) чередовании -Ca / -C в исходе основы¹. Это чередование должно было быть следствием древнейшего правила сочетания корневой и суффиксальной морфем, по которому полной ступени огласовки корня соответствует нулевая ступень огласовки суффикса и наоборот². В случае zira-s/zir-sa это правило перенесено на отношение вокализма основы (коренной или суффиксальной) и падежной флексии. Объясняемая таким образом девокализация флексии служит интересной типологической параллелью девокализации индоевропейской сигматической флексии и косвенно подкрепляет возможность возведения последней к указательному местоимению ^xso. Такую возможность постулировал еще Фр.Бопп, но лишь после установления для праиндоевропейского принципа моновокализма и разгадки структуры корня девокализация гипотетического энклитического местоимения воспринимается как допустимая закономерность во всей системе аналогичных явлений.

Существуют ли фактические доказательства первоначальной вокализации сигматического форманта, без чего невозможно предположить его происхождения от самостоятельного слова? В картвельском, как отмечалось в вышеуказанной статье, это наличие так называемого "эмфатического" -a, восстанавливаемого как после -s, так и после -s₁, -d, -t в определенных позициях. Автору удалось открыть "эмфатичес-

¹ Л.Палмайтис, "Эмфатический" -a в связи с основными вопросами морфологии имени. - Матне АН ГССР, 1978, № I - одновременно выводится общекартвельская падежная форма чистой основы, имевшая вокализованный и невокализованный варианты консонантного исхода.

² Правило биномов Бенвениста, для пракартвельского установленное трудом Т.Гамкрелидзе, Г.Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.

кий" гласный и в индоевропейском. Речь идет не просто о новой интерпретации давно известных случаев индоиранских дативов-локативов этой основы с исходом $-Ca/-C^3$. Заслуживает особого внимания совершенно новый материал, обнаруженный в северно-жямайтских говорах литовского языка. Известен вид "тайного" жаргона, когда к слову прибавляется или вставляется между слогами "конспиративный" слог ap/ep , напр., $d-ep-\tilde{i}ed-ep-e = d\tilde{i}ede$ "дядя", $b-op-\tilde{u}ob-ap-a = b\tilde{u}oba$ "баба", $r-op-\tilde{o}ŋk-ap-à = r\tilde{o}ŋka$ "пука", $d-ep-\tilde{e}rpt-ep-e = d\tilde{e}rpte$ "работать". В случае сигматической флексии вставка слога словно обнаруживает после s наличие гласной: $r-ap-\tilde{a}t-ap-as-ap-a = r\tilde{a}ts$ "колесо", $t-ep-\tilde{e}ršt-ap-as-ap-a = t\tilde{e}ršts$ "густой" - в этих случаях восстановлен и гласный a , предшествующий s , редукция которого относится к позднейшей эпохе обособления жямайтского диалекта. В аукштайтском диалекте восстановленным формам соответствовали бы $x\tilde{r}atasa$, $x\tilde{t}iršta$. Такая незакономерная с точки зрения древнейших структур избыточность a как бы устраняется в случаях $a-pà-v-ep-\tilde{e}ns-ap-a = a\tilde{v}ens$, аукшт. $x\tilde{a}vinsa$ "баран", $op-\tilde{o}ns-ap-a = \tilde{o}ns$, аукшт. $x\tilde{a}nsà$ "он", $v-ep-\tilde{e}ls-ep-a = v\tilde{e}ls$ "черт". О том, что конечный $-a$ не есть просто ритмический элемент, открывающий слог, свидетельствуют известные случаи "эмфатического" \tilde{a} и в нормальной речи, напр., $\tilde{V}ielusa = \tilde{V}ielus$ (имя собств.), которые до сих пор не связывались с приведенными фактами, а звук $-a$ считался неорганическим.

Другая параллель картвельским чередованиям с "эмфатическим" \tilde{a} в основе ($\tilde{z}ira-s / \tilde{z}ir-sa$, сван. $\tilde{t}xuma-d / \tilde{t}xum-d$, зан. $\tilde{x}šira-s, \tilde{gur-s}$) связана с природой индоевропейского тематического гласного. Автором высказана мысль, что закрепление типа $\tilde{z}ira-s, \tilde{kalaka-d}$ за одними словами, а типа $\tilde{z}ir-s, \tilde{cem-da}$ за другими означало бы возникновение в картвельском тематического и атематического склонений. Действи-

³ L. Palmaitis, Pastabos dėl giminės kategorijos formavimo. - ВЛ., XIV, 2, 1978.

тельно, в соответствии с картвельскими, в индоевропейском имеем за-
гадочные пары типа гр. темат. πέδον "почва" - атемат. ген. πρόδος
"ноги", несомненно восходящие к одному корню, что казалось бы ука-
зывает на первоначальную факультативность "эмфатического" o после
исхода основы. Но, как известно, тематический гласный многие счита-
ют не принадлежащим основе деривационным элементом. Кроме того, па-
раллель с картвельским затемняется различием вокализма в обеих па-
рамах, причем традиционно считается, древнейшим ударный é, а o - ре-
зультат развития e в определенных условиях. Итак, вопрос происхожде-
ния индоевропейской тематизации нельзя решить, не решив вопроса про-
исхождения апофонии x_e - x_o.

Наиболее популярна гипотеза Е. Куриловича, согласно которой она
восходит к фонетическому чередованию, явившемуся следствием синкре-
тизма редуцированных e, o перед сонорными с последующим обобщением
o⁴. Но такая точка зрения предполагает исконность противопоставле-
ния /e/ : /o/ и не может быть принята сторонниками силлабизма ("мо-
новокализма") исходного состояния. Ниже предлагается решение пробле-
мы, исходя из особенностей фиентивного ("активного") строя.

1.1. Сигматическая флексия не могла быть первоначальным маркером
фиентивного ("активного") падежа в праиндоевропейском, поскольку она
отсутствует в самом местоимении x_{so}, а также в личных местоимениях.
Важно однако, что абстрактные имена o-основ характеризуются корне-
вым ударением (гр. χρόνος, скт. várah), тогда как имена деятеля -
ударением на тематическом гласном (гр. τομός, скт. varáh), корневое
ударение имеют и абстракты среднего рода на x-es/-os (гр. γένος,
скт. jānah), имена же действия на x-tei/-ti - суффиксальное (лит.
mirtis, лат. mors < x_mrtis). Было доказано⁵, что имена среднего

⁴ J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen (далее - Ap.),
Wrocław, 1956, стр. 38 - 40.

⁵ Э. Бенвенист, Индоевропейское именное словообразование далее -
ИС, М., 1955, стр. 78 - 80, 87 - 88.

рода u-, i-классов исторически принадлежат баритонной парадигме, а имена общего рода точнее - их формы, образованные от фиентивного падежа, но не от инертного падежа - к окситонной. Следовательно, подобные передвижения ударения не означают ничего больше, как первичное разграничение фиентивных и инертных форм. Только в этом и надо искать объяснения двух типов индоевропейских акцентуационных парадигм - окситонной и баритонной, иначе проблема их происхождения остается совершенно непостижимой. Таким образом, на каком-то этапе дофлективной эпохи все инертные имена были баритонными, фиентивные же имена были баритонными в инертиве и окситонными в фиентиве, а это проливает свет и на происхождение подвижно-окситонированных парадигм как реликта акцентуации фиентивных имен. Проникновение окситонной модели в имена среднего рода (ср. истор. ср.р. лит. medaũs) есть лишь результат позднейшей контаминации обоих типов при их перераспределении по деklinационным классам⁶.

Существенно отметить связь между акцентом и апофонией. В индоевропейском не только редуцирована безударная база, но и полная степень апофонии в суффиксе может быть связана с его ударностью. Это очевидно в классах основ на u, i, где для окситонных имен одушевленного рода, которые В.Мажюлис обозначает как u₁, i₁, характерна полная степень апофонии, для баритонных же неодушевленных имен, обозначаемых как u₂, i₂⁷, - нулевая степень - ср. скт. ген. u₁ śatru-h, ген. i₁ agne-h, ген. u₂ madhu-(+na-h), ген. i₂ vāri-(+na-h), акк. u₁ śatru-m, акк. i₁ agni-m, акк. u₂ madhu, акк. i₂ vāri⁸; также бал-

⁶ Ср. V. Mažiulis, Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (далее - BS), Vilnius, 1970, § 148, 152; Бенвенист, ИС, там же.

⁷ Mažiulis, BS, стр. 262 - 263. В соответствии с этой моделью автор вводит обозначения o₁, C₁ для "одушевленных" и o₂, ā₂, C₂ для "неодушевленных" имен (ср. L. Palmaitis, Notes on the Development of Baltic Declension (далее - ND). - Вл., XIII, 2, 1977, стр. 334 (прим. 20) сл.).

⁸ Формы генитива восходят к фиентивному, аккузатива - к инертному падежу.

тийские реконструкции⁹ ген. u_1 $x_{sūnāus}$ < фиент. u_1 $xx_{sūnāu(s)}$; i_1 $x_{ugnēis}$
 < $x_{ugnēi(s)}$; ген. u_2 $x_{mēdus}$ < инерт. u_2 $x_{mēdu}$; i_2 $x_{ākis}$ < i_2 $x_{āki}$;
 акк. u_1 $x_{sūnun}$ < инерт. u_1 $x_{sūnu}$; i_1 $x_{ūgnin}$ < $x_{ūgni}$; акк. u_2 $x_{mēdun}$
 < инерт. u_2 $x_{mēdu}$; i_2 $x_{ākin}$ < инерт. i_2 $x_{āki}$.

I.2. Но если апофония $x_{eu/ou}$ - x_u , $x_{ei/oi}$ - x_i действительно обозначала противопоставление по фиентивности-инертности, то такую же функцию должна была иметь и апофония e/o - $∅$, а также предположительно опираясь на принцип системности языка и e - o , т.е. всякая апофония. Такое предположение одновременно связано как с проблемой самой апофонии, так и с проблемой развития индоевропейского вокализма в первоначальных синлабических структурах $x_{CACL-CL(CA)}$ ¹⁰. Следует полагать, что расщепление синлабемы на аллофоны $x_{[e]}$, $x_{[o]}$ было связано как с ее положением в окружении $*y$, $*n_1$ и $*n_{2,3}$ (вслед за Э.Паллиблэнком и В.Ивановым автор полагает, что первоначальное противопоставление x_e : x_o должно быть переинтерпретировано как противопоставление по подъему x_e : x_a^{II} , т.е. для ранней эпохи влияние x_{n_2} и x_{n_3} однозначно), так и с отсутствием или же наличием смысловой интонации, маркировавшей фиентивные формы. Переход фонологически релевантной интонации в фонологически иррелевантное ударение и связан с фонологизацией упомянутых аллофонов, распространившейся на все их случаи, т.е. также и на те, которые были обусловлены фонетическим окружением.

I.3. Для рассматриваемой эпохи следует постулировать действие смысловой интонации, а не ударения и не тона. Что касается последнего,

⁹ В соответствии с Mažiulis, BS, § 160, 164.

¹⁰ См. W.P. Lehmann, Proto-Indo-European Phonology (далее - PIPh), Austin, 1952, § 15.5,6.

¹¹ Ср. Вяч. Вс. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолійская языковые системы далее - ОС, М., 1965, стр. 20 - 22; также W.P. Schmalstieg, Lithuanian a and the Evolution of the Indo-European Vocalic System. - Вл., XI, 1, 1975, где высказывается аналогичная точка зрения о первичности балтийского а. Критикуя ее, О.Семерени (Phonetica, XVII, 1967, стр.84) указывает на древность балт. *ā : *ō, что однако объяснимо отрицаемой им ларингальной гипотезой при допущении уже имевшихся е, о и неоднородного влияния на них последующих и предшествующих ларингальных и не обязательно отражает первоначальную оппозицию кратких.

то тон, т.е. тоническое ударение, и ударение с грамматической точ-
ки зрения одно и то же, так как они обладают одинаковыми функциями,
различающими отдельные морфофонетические элементы. В этом отношении
тон и ударение — то же самое, что и дистинктивные признаки фонем
аспирация, лабиальность, назальность, и т.д., а потому и наличие
в языке тона или ударения не более необходимо, чем наличие какого-
либо из этих признаков. Что касается смысловой интонации, то она
всегда различает целые единицы (фразы, предложения, слова, воскли-
цания и т.п.). Различение единиц, несущих семантическую нагрузку,
придает интонации функции грамматической семантики. Интонация при-
суща всякому живому языку.

С другой стороны, какие-либо семантико-грамматические функции
могут быть сообщены только такому фонетическому или морфологичес-
кому знаку, который уже имеется в системе. Новые средства никогда
сами собой не появляются и никогда не создаются для выражения но-
вых категорий. На это постоянно указывает и Е.Курилович¹². Следова-
тельно, ударение или тон не может появиться вследствие необходи-
мости выразить какие-то семантико-грамматические функции, например,
различить падежные формы, оно не может приобрести новых функций,
не имея уже некоторых иных, т.е. не существуя в системе. Интонация
же, напротив, всегда существует в системе и всегда имеет семанти-
ческую функцию. Поэтому ударение или тон может возникнуть лишь
из интонации, получившей новое семантико-грамматическое назначение.

1.4. Итак, можно предположить, что маркировавшее фиеитивную форму
постоянное интонационное выделение конечной syllabемы повело к вы-
делению из нее аллофона, контрастировавшего с интонационно невыде-
ленным аллофоном по степени раствора. Первый следует считать $x_{[o]}$,
а второй — $x_{[e]}$, несмотря на упорство, с которым x_o связывает имен-
но с безударной позицией¹³. В сущности же эта связь зиждется на

¹² Ср. J. Kurjowicz, The Inflectional Categories of Indo-European

(далее — IC), Heidelberg, 1964, стр. 14.
¹³ В подавляющем большинстве работ — ср., напр., H. Hirt, Der indo-
germanische Ablaut, Strassbourg, 1900, стр. 156.

разрозненных фактах, как гр. νέος и пара δαίμων, δαίμονος : ποιμήν, ποιμένος – образования разных структур и разных эпох. Прямо против воположные факты (ср. φόρος, πόδος, скт. gáyah) либо игнорируются, либо подгоняются под готовое объяснение. πόδος, φόρος не более редки, чем νέος, поэтому объяснение πόδος, gáyah действием аналогии¹⁴ вряд ли заслуживает внимания. Дело в том, что первоначальное атоническое x-е в большинстве случаев оказалось элиминированным в конце слова, а это значительно изменило первоначальную картину (см. далее 1.6; 2.1).

Представляются допустимыми такие исходные пары:

фиент. x^tAmΛ "режущий" : инерт. x^tAmΛ "режущего", "резанный"

фиент. x^pAdΛ "нога" : инерт. x^pAdΛ "ногу", "ступня"

(подчеркнута интонационно выделенная силлабема).

Расщепление силлабема на аллофоны дает картину

фиент. x^ttemo : инерт. x^tteme; фиент. x^ppedo : инерт. x^ppede.

Поскольку в эту эпоху структура слов и отсутствие противопоставлений гласных фонем не создают препятствия для сингармонизма, тембровая окраска конечного слога фиентивной формы может распространиться на всю форму (если этому не препятствует наличие соседствующих x^y, xⁿ₁): фиент. x^ttomó, x^ppodó.

1.5. При развитии взаимной дифференциации качества аллофонов ослабляется роль интонации, пока она не превращается в дополнительный признак маркирования фиентива новой фонемой x^o/o/, находящейся в оппозиции к новой фонеме x^e/e/, т.е. пока интонация не превращается в ударение. Так возникает акцентуационная модель:

фиент. x^ttomó || x^ttemó, x^ppodó || x^ppedó : инерт. x^ttéme, x^ppéde.

Такая маркировка фиентива означает, что алофония, т.е. фонетически необусловленное значимое чередование фонем, возникает одновременно с возникновением самих фонем, т.е. с самого начала имеет грамматическую функцию.

¹⁴ См. Т. Барроу, Санскрит, М., 1976, стр. 107, 118.

4.6. С появлением удара начинается действовать фактор редукции и первоначальной плеофонии приходит конец. Наступает эпоха корней Курловича с гласными, ослабляемыми и элиминируемыми в безударной позиции¹⁵, эпоха биномов Генвениста и "правила перескока" Р. Анттила¹⁶.

Одновременно развивается класс сонантов с их слоговыми вокализованными и неслоговыми консонантными вариантами, в результате чего формируются деklinационные парадигмы сонантных основ. Их появление связано с судьбой конечного x_{-e} , который в исходе инертной формы был необязателен вследствие немаркированности инертива. В результате количество возможных форм возросло:

фиент. $x_{pedó} \parallel x_{pedó}$: инерт. $x_{péde} \parallel x_{ped}$ - так создавалась основа для формирования в будущем тематического и атематического склонения

Рассмотрим однако сонантные основы. Исходное сочетание $x_{dlyl} + w\lambda$ в эпоху фонологизации вокалических аллофонов дает формы фиент. $x_{deyewó}$: инерт. $x_{déyewe}$. В результате выпадения предударной и последударной гласной и последующей редукции неударной гласной перед сонантом получаем формы фиент. $(^{xx}deyewó >) x_{diwó}$: инерт. $x_{déyw(e)}$. Историческая "неправильная" основа $x_{deyewó}$ оказывается просто результатом позднейшего выравнивания парадигмы с обобщением модели инертива, а не результатом присоединения какой-то самостоятельной тематической гласной. Итак, для рассматриваемого периода допустимо правило: в безударной позиции $x_{eSe} > x_{S}$, в данном случае - $x_{eye} > x_i$.

Но согласно модели $x_{pede} > x_{ped}$, возможна и другая форма инертива, получаемая при первоначальном отпадении конечного x_{-e} и последующей редукции безударного x_{-ew} : $x_{déyewe} > x_{déyu}$, т.е. в соответствии с вышеприведенным правилом. Единственной формой, контрастирующей с инерт. $x_{déyu}$, может быть только $x_{dyeu} < ^{xx}deyew$, поскольку инерт. $x_{déyu}$ есть лишь редуцированный эквивалент $^{xx}deyew$, а фиент. $x_{diwó}$ уже противопоставлен соответствующей форме инерт. $x_{déyewe}$.

¹⁵ Kuryłowicz, EI, стр. 122 - 125.

¹⁶ R. Anttila, Proto-Indo-European Schwaebelaub, Berkeley, Los Angeles, 1969, § 4.6 сл.

Разумеется, утрата фиентивной формой фиентивного маркера o (xdyeu) не могла не повести к переносу o-вокализма в основу: xdyou, в результате чего стали возможны два варианта: xdyeu и xdyou маркером фиентива основ на u оказалась полная ступень eu/ou.

Можно составить формулу образования любой сонантной основы:

фиент. $*C_1 e C_2 S o$: инерт. $*C_1 e C_2 S e$

x : инерт. $*C_1 e C_2 S$

x = фиент. $*C_1 C_2 e S$

В последующие эпохи эти модели осложняются дериватами с расширениями, инфиксами и т.д.¹⁷.

Итак, количественное чередование с нулем имеет комбинаторное происхождение. Превращение его в апофоническое чередование, т.е. приобретение им функциональной нагрузки, связано с первоначальным противопоставлением ударной и неударной морфемы в соответствующих фиентивных и инертных формах - ср. скт. ген. agne-h : акк. agni-m. I.7. Что касается ступени удлинения, то наиболее популярна точка зрения, согласно которой ее истоки гораздо старше, чем падение ларингалных¹⁸. Допустимо предположить первоначальное удлинение в односложных формах типа xdyeu > xdyeu, где оно компенсировало невозможность противопоставления ударного показателя фиентива неударной основе¹⁹. Фонологизация же долгот могла произойти одновременно с возникновением долгих как результатом падения ларингалов²⁰. Действи-

¹⁷ Ср. Бенвенист, ИС, гл. IV, VI.

¹⁸ Ср. Kuryłowicz, EI, стр. 92-97; Ар., стр. 142-165; IC, стр. 198; Lehmann, PPh, § 2.3a; 15.4; O.Szemerényi, The New Look of Indo-European (далее - NL). - Phonetica, XVII, 1967, стр. 90-92, 95-96.

¹⁹ О первичности удлинения в односложных словах ср. M. Leumann в IP, XI, 1952, стр. 1-16; в этой связи примечательна точка зрения Семере-ни о таком удлинении при утрате ассимилированного согласного основы - O.Szemerényi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 109 - 111.

²⁰ Возникновение фонологизации неларингалных долгот с периодом падения ларингалных связывает и Н.Д. Андреев - см. Происхождение индоевропейского аблаута. - Конференция Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов, м., 1977.

тельно, трудно или даже невозможно предположить в одной парадигме наличия двух детерминативов при одном и том же корне - H_1 , w в родительном (Iū-piter) и w в родительном (Iouis) падеже²¹.

1.8. Последующий период характеризуется возникновением дополнительной маркировки фиентивных форм с помощью указательного местоимения фиент. X_{so} (при инерт. X_{to}) в функции постпозиционного артикля. Развитие из местоименной формы энклитического артикля имеет достаточно параллелей как на древних, так и на новых ступенях индоевропейского²². Присоединяясь к исходу фиентивных форм, этот артикль в конце концов сросся с ними и превратился в новый маркер фиентива²³, лишив $-o$ морфологической нагрузки.

Роль детерминанта X_{so} могло выполнять и в более раннюю эпоху по аналогии с древнейшим (судя по его следам в смежных языковых семьях) постпозиционным артиклем $X_{m\lambda}$ (местоимение "нечто?"), маркировавшим инертив активных имен в противопоставлении к инертивной форме инертных имен.²⁴ Сращение этого элемента, давшего впоследствии формант аккузатива, с основой должно было происходить одновременно с сращением с основой элемента X_{so} .

1.9. Наиболее вероятно, что необходимость в дополнительной маркировке вызывалась нарушением первоначальной модели фиент. X_{-o} : инерт. $X_{-e/-\emptyset}$ и появлением фиентивов с полной степенью огласовки сонантного детерминатива. После возобладания форм с конечным X_{-s} (X_{dyeus} || X_{dyaus}) и утраты конечным $-o$ своей первоначальной функции по новой модели стало возможным дополнить консонантный инерт. X_{ped} соответ-

²¹ Ср. Бенвенист, ИС, стр. 86.

²² Ср. Иванов, ОС, стр. 239 - 241; A. Rosinas, Baltų kalbų parodomųjų įvardžių funkcijų ir reikšmių klausimu. - Вл., XI, 2, 1976.

²³ Ср. Иванов, ОС, стр. 237.

²⁴ Типологические параллели см. у Г. Климова, Очерк общей теории эргативности, М., 1973, стр. 114, 115, 241.

ствурщими коррелятами фиент. $x_{p\check{e}ds} \parallel x_{p\check{o}ds}$ помимо образованных на древней основе фиентива $x_{ped\acute{o}s} \parallel x_{pod\acute{o}s}$ (долгота еще не фонологизована!).

1.10. Итак, сигматический показатель номинатива и генитива единственного числа во всех типах основ восходит только к энклитическому артикль x_{so}^{25} . Нет никаких оснований, например, восстанавливать для консонантных основ окончание номинатива x_{-es} и его последующую редукцию²⁶. Реконструируемы перед x_{-s} редуцированный гласный, когда бы таковой существовал, мог бы быть лишь древним исходом основы и ничем иным. Варьирование e и o в исторических окончаниях номинатива и генитива связано исключительно с позднейшей судьбой соответствующих исходов основ и не указывает на гипотетические окончания x_{-es}/x_{-os} . Исследование этой судьбы связано с решением проблемы происхождения тематических и атематических деклинационных моделей.

2.1. Появление равнозначных пар фиент. $x_{pod\acute{o}s} \parallel x_{ped\acute{o}s}$: инерт. x_{ped} , фиент. $x_{p\check{o}ds} \parallel x_{p\check{e}ds}$: инерт. x_{ped} означало присоединение артикля x_{so} к двум вариантам той же основы, т.е. статус конечного -o как факультативной вокализации консонантной основы в сандхи. Хотя возникновение этого явления обусловлено уже древнейшим чередованием $x_{-Ce}/-C$ на конце инертивной формы, в данном случае оно выступает как $x_{-Co}/-C$ (а придерживаясь мнения Паллиблэнка - как $x_{-Ca}/-C$ - ср. выше 1.2). Той же природы должно быть и чередование $-Ca/-C$ в хеттских и арийских дативно-локативных формах²⁷. Каким бы оно ни было по происхождению, чередование $-Ca/-C$ засвидетельствовано и в смежных с индоевропейской языковых семьях. Во всех случаях оно, возможно, воз-

²⁵ Ср. Иванов, ОС, стр. 237, а также C.H. Borgström, Thoughts about Indo-European Vowel Gradation.- NTS, XV, 1949, § 3.

²⁶ Ср. Kurylowicz, EI, стр. 92 - 93.

²⁷ Ср. L. Palmaitis, Pastabos dėl giminės kategorijos formavimo.- Vl., XIV, 2, 1978.

никает в результате восстановления открытого слога в сандхи при структуре слова CVCVCV и CVCVC - в сандхи последняя модель проявляется как CVCVCa, где -a - эквивалент всякого V. Такая закономерность не исключена в протосистемах с примитивной структурой корнеслова. Так первоначальная структура C₂C₂C[a] восстанавливается для протокартвельского²⁸, в котором, как уже говорилось, по мнению автора, представлено и чередование -Ca/-C²⁹. С несомненной очевидностью это чередование засвидетельствовано и в афразийском³⁰, где на основе вокализированного варианта исхода чистой основы инертива развился маркер женского рода³¹.

Однако само появление форм с тематическим гласным и без него³² еще не означает морфологизации этого явления, напр., возникновения тематического и атематического склонения. Для последнего необходимо, чтобы тематический гласный был обобщен на все падежные формы в одной части имен, тогда как остальные имена характеризовались бы отсутствием этого гласного в той мере, в какой это бы систематически отличало их падежные формы от первых. Такой процесс в индоевропейском связан с изменением всего языкового строя, именно - с распадом фиентивного строя и заменой его строем номинативной типологии.

На древнейшей ступени протоиндоевропейского фиентивный падеж

²⁸ Т. Гамкрелидзе, Г. Мачавариани, Система сонантов, стр. 370 сл. на груз., 470, 471 на русск. языке.

²⁹ Палмаитис, "Эмфатический" -a.

³⁰ И. М. Дьяконов, Проблема протоафразийской глагольной системы. - Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, М., 1972, стр. 45 - 49.

³¹ Палмаитис, "Эмфатический" -a; его же Pastabos dël giminês kategorijs formavimosi.

³² О типологической параллели в картвельском см. автора "Эмфатический" -a.

сначала маркировался интонационно, затем — с помощью апофонии. Этот падеж возможен только в именах фиентивного класса. Инертивная форма была общей как для имен фиентивного класса, где она представляла инертивный падеж, так и для имен инертивного класса, где она была единственной падежной формой. На позднейшей ступени фиентивного строя фиентивный падеж маркируется энклитическим артиклем X_{so} , инертный же падеж фиентивных имен в то время уже имеет энклитический маркер X_{me} :

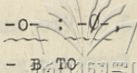
фиент. $X_{diwós}$ || $X_{dyēus(o)}$ "Бог" : инерт. $X_{déiwem}$ || $X_{déyum}$ "Бога", "небо"
 инерт. $X_{déru}$ "дерево"

фиент. $X_{podós}$ || $X_{pēds(o)}$ "нога" : инерт. $X_{pēdem}$ || $X_{pēdm(e)}$ "ногу", "ступня",
 "след" → "почва"

На всех ступенях развития исход основы $-o$ до сих пор мог иметься только в фиентивной форме. В процессе номинативизации предшествующей структуры прежняя фиентивная форма, теперь сигматическая, стала обслуживать также (т.е. кроме еще употреблявшегося фиентивного падежа) номинативный и генитивный падежи. Одновременно бывшая инертивная форма (с присоединенной в случае фиентивных имен энклитикой $X_{m(e)}$ ³³) начала употребляться также в качестве аккузативной, номинативной и дательно-локативной³⁴. Встречавшийся ранее лишь в фиентивных формах исход основы $-o$ стал обобщаться на падежи номинативной системы только в фиентивных именах. Будучи при этом членом чередования $X_{-Co}/-C$, он получил таким образом семантико-морфологическую нагрузку, поскольку инертные имена характеризовались отсутствием этого $-o-$ во всех падежах (вследствие распада фиентивной системы инертные имена использовали имевшийся в фиентивных именах сигматический формант, но первоначально присоединяли его атематически — ср. ген. скт. dyoh, гр. ($\delta\epsilon\sigma\pi\acute{o}\tau\eta\varsigma <$) X_{dem-s-}). Так первоначальное

³³ В исходе оппозиция $/m/ : /n/$ нейтрализовалась, отчего $X_{-m} = X_{-n}$ — ср. Иванов, Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. — В сб. Тохарские языки, М., 1959, стр. 24, 25.

³⁴ См. Palmitis, ND.

чередование $x_{-Co/-C}$ сделало шаг в сторону морфологизации $-o$;
завершившиеся компромиссной уступкой тематическим формам - $В_1$ $ТО$ 35 21
время как в инертной форме номинатива-аккузатива был обобщен нуле- 302 101033
вой исход основы, конечный $-e$ основы фемининных имен, вытесненный
из аккузатива тематическим $-o$, был перенесен в инертные имена, где
закрепился прежде всего при исторически чуждом для них сигматичес-
ком форманте генитива. Такая тематизация атематического генитива
создала предпосылки для позднейшего "исправления" этого окончания
по модели тематического номинатива-генитива x_{-os} ³⁵. Так сложилась
триада окончания номинатива и генитива $-s$, $-os$, $-es$. На этом тема-
тические и атематические деклинационные модели были окончательно
оформлены. Их дальнейшая история связана с перераспределением основ
по родам и контаминацией форм.

2.2. Что касается глаголов, то происхождение в них тематизации оче-
видно такое же, как и в именах. Благодаря процессам редукции, пер-
вичные основы в истоках совпадавшие с именными выступали в виде
вариантов с исходом на согласный, вокализованный $x_{-e/o}$, и без вока-
лизации. Позднее первые были обобщены на одну часть глаголов, а по-
следние - на другую. Так исход основы оказался морфологизованным в
качестве тематического гласного в сочетании с последующими энклити-
ческими словами, из которых затем развились личные окончания.

³⁵ Первоначально тематический генитив, как и номинатив, кончался
на $x_{-(o)s}$ (что сохранено хеттским и прусским), но впоследствии был
дифференцирован прибавлением энклитик x_{-yo} , $x_{-e/o}$ - ср. *Maʒiulis*,
BS, стр. 91, 92; Иванов, Тохарские языки, стр. 26. Возможно, что
энклитика x_{-yo} распространилась из отгенитивного склонения - напр.,
 $x_{diwós-yo}$ (отгенитивная основа на io) "божественный" = "бог-а-ий"
(ср. русск. евоний, ейний, ихний и регулярно в картвельском $ze-s$
каc-isa-s = "сын-у человек-а-(м)у") - на эту мысль наводит вытесне-
ние генитива отгенитивными прилагательными в анатолийском, т.е. там,
где по данным хеттского языка совпадение форм номинатива и генитива
первоначально - ср. лув. mašsana-ss-i-s тогда из $x_{masana-s-ya}$ "бо-
жественный" при massana "божество".

3.1. Что касается апофонии в глагольных основах, то здесь важнейшим является вопрос о генезисе ее морфологических функций в связи с различением презенса и перфекта. Для наших целей этот вопрос несущественен, поскольку он не относится к самой ранней эпохе возникновения морфонологического чередования $x_e - x_o$, имевшего место сначала в именах, о чем свидетельствуют и сами глагольные формы. Так простейшие презентные формы не имеют корневого o (λέγω, tego, vedù) - раз в глаголе не выступал показатель фientивного падежа, то не было и оснований для перехода o из окончания основы в корень (ср. выше I.4). В то же время гипотеза объясняет наличие e в корнях имен среднего рода (ср. гр. ἔργον, нем. Werk) - эти слова также никогда не имели показателя фientива, потому и нечему было переходить в их корень, сохранивший древнюю огласовку.

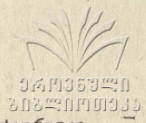
3.2. Так вышеизложенная гипотеза происхождения индоевропейской апофонии позволяет объяснить появление индоевропейских тематического и атематического склонений как результат процесса, зачатки которого наблюдаются в картвельском zira-s / zir-sa.

Учитывая поразительное сходство корневой структуры в праиндоевропейском и пракартвельском, а также наличие в начале послесиллабического периода последнего бивокализма $x_e : x_a$ и чередований $x_e || x_a$:
³⁶ при том, что картвельская структура отличается значительно меньшей развитостью, следует сделать вывод об исключительном значении картвельских данных для проникновения в глубины предьстории индоевропейской языковой общности.

СОКРАЩЕНИЯ

- В1 Baltistica, Baltų kalbų tyrinėjimai, Vilnius
 IF Indogermanische Forschungen, Berlin
 NTS Norsk tidsskrift for sprogvidenskab, Oslo

³⁶ Т.Гамкрелидзе, Г.Мачавариани, Система сонантов, стр. 365 - 379 на груз., стр. 467 - 474 на русск. языке.

ძირს-ს : ძირ-ი მდებარეობს დროის ცვალებადი ამოსავალით სტრუქტურულად

დებარეობს ი.-ვ. πείδο-ν : πῶδ-ί -ს. დენატორი და ადენატორი ძრუდების წარ-
მოშობა რომ ავხსნათ თანხმობისაში ამოსავლის არაპირდაპირი ვარიანტის
დაძვარებით რიც სახელებში, უხმობის ვარიანტის კი - სხვა სახელებში,
უნდა გავიგოთ ვ - თ აბლაჟის წარმოშობა. ავტორის ვარაუდით მინარე-ინფორ-
მაციის დენატორი ("ადენატორი") და ინფორმაციის ("ინფორმაციის") ფორმები ინფორ-
მაციის გადარქმობა და ნისივე დენატორების პირდაპირი სილაბების [თ/ა] ად-
ფორმის ამოსავალით [ვ/ე] -ს უპირისპირდება. იმავე დროს ამოსავლის ლაბიალური
მიმართება კარგად ნიშნავს ძირზე პირდაპირი სინთეზის მიმართებას. უფრო-
ცოცხალი მიმართება აქტიურობის დენატორი და ადენატორი სინთეზური დროის ა-
რადიკალებში განვიხილავთ. X-სო, X-მი ენკლიტიკური ნაწილებების მიმართება
დასაბუთი და დროითი კონსტრუქციის ინფორმაციის ძრუდების ცენტრის
მიმართება ნიშნავს.

Letas Palmitis

KARTVELIAN ARCHAISMS AND INDO-EUROPEAN RECONSTRUCTION
Summary

Kartvelian pairs with the varying stem ending zira-s : zir-sa
structurally correspond to IE πείδο-ν : πῶδ-ί. In order to explain the
appearing of the thematic declension through the generalizing of the
vocalized variant of the consonantal stem ending in one nouns and of
the non-vocalized variant in others, one must understand the origin
of the apophony e - o. The author regards the sense intonation to be
the marker of the fientive ("active") forms in Proto-Indo-European.
It was the finale where the allophone [o/a] or the primary syllabeme
contrasted to [e/a] while being under the intonation. Already then the
timbre of the final vowel might be expanded on the root due to primi-
tive synharmonism. The phonemicizing of [o], [e] took place when into-
nation turned into accent as the supplementary sign by marking the fi-
entive case. Unfunctional -e might be epocopated and in this way so-
nantal stem paradigms developed. The later adjoining of the enclitic
articles X-so, X-me and the contamination of the stem types have pro-
duced the well-known Indo-European declensional patterns.

მ ი ც ა ა რ ს ი

ნ.ბასილაია, კონსტრუქციულად შეპირებულნი სიფრფველის ძინძვ-
 ნელობა რუსული ენის სახელმძღვანელოებში. 18

ვ.ჟიბკო, ვოკალიზაციის ბოლოვანი რიგელები სხვაობანი საქარ-
 ტული ფონოლოგიის დასახელებების რუსული ენის რიგე-
 ლებში. 29

რ.კობახიძე, თანდასრულ "ჩხ" -იანი სუბსტანტიური ნათესაობანი
 ბრუნვის კონსტრუქციის შესახებ. 50

ნ.კობახიძე, ბოლოვანი რუსული ენაში. 61

ვ.კრემლინი, გმინის სინტაქსური და სემანტიკური კავშირის ცვლი-
 ლებისათვის სალიტერატურო რუსული ენაში. 77

მ.ქუთუაძე, გმინის სინტაქსურად განპირობებული მნიშვნელო-
 ბანი ფიგურა და მათი სინთეზური კავშირი. 92

ი.მელიქიძე, ფრაზოლოგიის რუსული კონსტრუქციები არარუსულ
 ადგილობრივი (სინტაქსური ფრაზოლოგიის ცნობარის
 შედგენისათვის დაკავშირებით). 105

მ.მრავალმნიშვნელოვანი სინტაქსის შესახებ /მ.მელიქიძის
 მიხედვით ენის მასალაზე/. 127

ა.ხიბიძე, რუსული პირობი სალიტერატურო ენის გავრცელების შესა-
 ხებში. 142

ვ.ჭიჭინაძე, სიფრფველის და სიფრფველის სემანტიკის შესახებ ბო-
 ლოვანი ასპექტი. 164

ლ.შაბაძე, ქართული არქაიზმები და ინტერპრეტაციები
 რუსულ ენაში. 181

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Н.А.Басилая, Слова с конструктивно обусловленным значением в учебниках русского языка.....	5
В.А.Бидко, Некоторые частные диалектные различия в области вокализма в русских говорах на территории Грузии	19
Р.Г.Кокеладзе, О конструкциях присубстантивного родительного падежа с предлогом <u>ИЗ</u>	30
Н.П.Колесников, Зооглаголы в русском языке.....	52
Э.Л.Кремер, К вопросу об изменении синтаксических и семантических связей глагола в русском языке	62
М.Э.Курдиани, Синтаксически обусловленные значения глаголов и их синонимические связи (на материале толковых словарей советской эпохи)....	79
И.А.Мелкумова, Фразеологизированные конструкции в русской аудитории (в связи с составлением справочника по синтаксической фразеологии)	93
Т.Н.Мревлишвили, О синтаксисе текста (на материале художественной речи М.Шолохова).....	107
А.А.Хидешели, О влиянии литературного языка на островной говор	128
В.В.Чедиа, Некоторые аспекты изучения семантики слова и словосочетания	144
Лэтас Палмаитис, Картвельские архаизмы и индоевропейская реконструкция	166

IN, Bassilaia, Über Wörter mit konstruktivbedingter Bedeutung in den Lehrbüchern der russischen Sprache 18

2. V. Gidko, Some dialectal distinctions in the area of vocalisms in russian subdialects on the territory of Georgia 29

3. R. Kokeladze, On genitive case constructions with the substantive preposition "ის" 51

4. N. Kolesnikov, 'Animal-derived' verbs in the Russian languages . 61

5. E. Kremer, Zur Valenzbeziehungen der Verben im Russischen . . 78

6. M. Kurdiani, Syntaktisch bedingte Bedeutungstypen der Verben und ihre synonymischen Beziehungen 92

7. L. Melkumova, Phraseologized constructions for non-Russian students (towards the compilation of a syntactic phraseology reference-book) 106

8. T. Mrewlischwili, Über Syntax des Textes (nach den Materialien der künstlerischen Rede M. Scholochows) 127

9. A. Chidescheli, Über den Einfluss der Literatursprache auf den Dialekt in der fremdsprachigen Umwelt 143

10. V. Chedia, Some aspects of the study of the semantics of words and word-combinations 165

11. Letas Palmatis- Kartvelian archaisms and Indo-European Reconstruction 181

გამომცემლობის რედაქტორი ლ. აბუაშვილი

გადაცა წარმოებას 10.1.79, ხელმოწერილია გასაბეჭდად 15.XII.78, უნ 14058. საბეჭდო ქაღალდი №1, 60X84. პირბეჭდი წამეჭრი თაბახი 11,5. სააღრიცხვო-სამომცემო, თაბახი 7,85 ფასი 79 კპ. გირაჟი 500 შიკვეთის №141

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პრესბუქტი, 14.
 სავ. სსრ მეცნიერებათა აკადემიის სფამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. №19.
 Издательство Тбилисского университета, Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14.

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19.

177
1979
14. III

86 - 79

79-~~777~~
საგარეო
აღმოსავლური
ბიბლიოთეკა